

P.o. germ. ~~1285^h~~

Schiller

1274

<36629144660017

S

<36629144660017

Bayer. Staatsbibliothek

Op. 38^e

ШЕЛЕРЪ

ДРАМАТИЧЕСКІЕ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ШИЛЛЕРЪ

САНКТУ-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФИИ СЪЕДИНЕНІЯ
1859

ШИНЬР

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

—
V

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1859

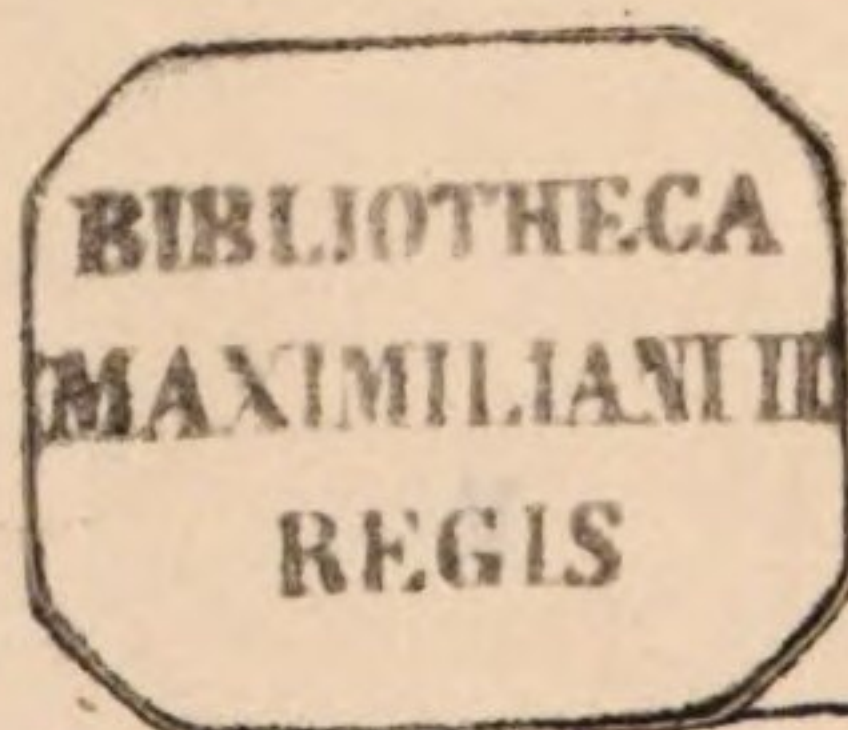

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 16 Апрѣля 1859 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Переводъ трагедій «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» и «Марія Стюартъ», составляющіе содержаніе пятого, нынѣ вышедшаго, тома «Шиллера», принадлежатъ — издателю и А. А. Шишкову 2-му. Первая изъ нихъ переведена вновь, и является здѣсь въ первый разъ, а вторая — перепечатана изъ второго тома «Избраннаго Нѣмецкаго Театра», изданнаго покойнымъ Шишковымъ въ 1831 году.

«Заговоръ Фіеско въ Генуѣ», кромѣ предлагаемаго нынѣ перевода, уже два раза былъ переведенъ на русскій языкъ (Гг. Г. и А. и Н. Х. Кетчеромъ), и изданъ отдѣльными книжками. Вотъ ихъ полный титулъ:

I.

1. ЗАГОВОРЪ ФІЕСКА ВЪ ГЕНУЪ. *Трагедія г. Шиллера, въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго Г. и А. Москва. 1803.*
2. ЗАГОВОРЪ ФІЕСКО ВЪ ГЕНУЪ. *Трагед. въ 5 дѣйст. Фридриха Шиллера. Съ нѣмецкаго. Переводч. Разбойниковъ (Н. Х. Кетчера). Москва. 1830.*

Что же касается «Маріи Стюартъ», то русская литература не имѣетъ другаго перевода этой трагедіи, кромѣ предлагаемаго нынѣ здѣсь, и принадлежащаго перу даровитаго и въ высшей степени добросовѣстнаго переводчика, какимъ былъ покойный Шишковъ, павшій въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта жертвой гнуснаго злодѣйства. Переводъ былъ изданъ подъ заглавіемъ:

II.

1. МАРІЯ СТЮАРТЪ. *Трагедія Шиллера.* («Избранный Нѣмецкій Театръ». Переводъ А. Шишкова 2-го. Т. II, стр. 3).

Но есть два небольшихъ отрывка изъ этой трагедіи (не считая двухъ отрывковъ изъ той же пьесы, помѣщенныхъ Шишковымъ, до напечатанія

полнаго перевода «Маріи Стюартъ», въ IV и VI нумерахъ «Московского Вѣстника» за 1830 годъ), въ переводахъ Н. Петрова и К. Вотъ они:

2. *Отрывокъ изъ трагедіи «МАРІЯ СТЮАРТЪ»*. Переводъ Н. Петрова («Мнемозина», ч. II, стр. 86).

3. *Отрывокъ изъ трагедіи «МАРІЯ СТЮАРТЪ»*. Переводъ К. («Цефей на 1829 годъ», стр. 166).

За этою частью, въ самомъ непродолжительномъ времени, послѣдуютъ *шестая* и *седьмая* части «Шиллера», куда войдутъ «Валленштейнъ», «Коварство и Любовь» и «Орлеанская Дѣва». Именно: *Часть шестая*: «Валленштейнъ». Драматическая поэма въ двухъ частяхъ. Часть I. «Прологъ», въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея, «Лагерь Валленштейна», въ *новомъ же* переводѣ Л. А. Мея, «Пикколомини», также въ *новомъ* переводѣ В. А. Лялина. Часть II. «Смерть Валленштейна», въ старомъ переводѣ А. А. Шишкова 2-го. *Часть седьмая*: «Орлеанская Дѣва», въ старомъ переводѣ В. А. Жуковского, съ пріобщеніемъ, въ примѣчаніяхъ, не переведенныхъ имъ мѣстъ, въ переводѣ Л. А. Мея, и «Коварство и Любовь» въ *новомъ* переводѣ М. М. Достоевскаго. *Часть осьмая*

также готовится къ печати. Въ составъ ея войдутъ: «Димитрій Самозванецъ», не оконченная трагедія, въ *новомъ* переводѣ Л. А. Мея, «Духовидѣцъ», романъ, также въ *новомъ* переводѣ А. А. Григорьева, «Мизантропъ», драматическій отрывокъ, въ *новомъ же* переводѣ издателя, и нѣкоторыя мелкія стихотворенія, не вошедшія въ двѣ первыя части «Шиллера», въ переводахъ В. Г. Бенедиктова, Н. В. Берга, Н. В. Гербеля, М. М. Достоевскаго, Л. А. Мея, Ѳ. Б. Миллера, М. Л. Михайлова и другихъ. *Части девятая и десятая*, куда войдутъ два большихъ историческихъ сочиненія Шиллера: «Исторія тридцатилѣтней войны» и «Исторія освобожденія Нидерландовъ изъ подъ испанскаго владычества», оба въ *новыхъ* переводахъ, первое — М. Л. Михайлова, а второе — Л. А. Мея, также начаты. Остальныя *одиннадцатая и двѣнадцатая части* будутъ заключать въ себѣ историческія, философическія и критическія статьи Шиллера. Многія изъ нихъ уже переведены; остальные — переводятся.

Н. Гербель.

18-го апрѣля 1859 года.

С. Петербургъ.

ЗАГОВОРЪ ФІЕСКО ВЪ ГЕНУЪ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

Переводъ Николая Гербеля

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Исторію этого заговора я заимствовалъ преимущественно изъ «Conjuration du Comte Jean Louis de Fiesque», кардинала Реца, «Histoire des Conjurations», «Histoire de Gènes» и III части «Исторіи Карла Пятаго», Робертсона. Вѣроятно, гамбургскій драматургъ проститъ мнѣ нѣкоторыя вольности, относительно событій, когда вольности эти мнѣ удались, если же — нѣтъ, я готовъ лучше исказить произведеніе своей фантазіи, чѣмъ самые факты. Справедливая катастрофа заговора, въ которой графъ, по несчастному случаю, погибаетъ при самой цѣли своихъ желаній, потребовала непремѣннаго измѣненія, потому что самое основаніе драмы не терпитъ *случайностей*, или *неизбѣжнаго вліянія Провидѣнія*. Я бы удивлялся, что до сихъ поръ ни одинъ драматическій писатель не обработалъ этого предмета для театра, еслибы не находилъ тому причины въ самомъ не драматическомъ оборотѣ происшествія. Нѣжныя нити паутинной ткани какого нибудь происшествія, пробѣгающія по всему

пространству мірозданья и соединяющіася, можетъ быть, съ отдаленными предѣлами прошедшаго и будущаго, видны для душъ возвышенныхъ и тамъ, гдѣ обыкновенный смертный не видитъ ничего, кромѣ голыхъ фактовъ, свободно плавающихъ въ пространствѣ. Но художникъ творитъ для близорукаго человѣчества, которое онъ хочетъ научить, а не для тѣхъ проницательныхъ умовъ, которые научаютъ его самого.

Въ «Разбойникахъ» я изобразилъ жертву неукротимыхъ страстей; здѣсь, напротивъ, я хочу представить жертву искусства и коварства. Хотя неудачное предпріятіе Фіеско и сдѣлалось замѣчательнымъ въ Истории, но на сценѣ оно легко можетъ потерять всю свою занимательность. Если справедливо, что чувство возбуждаетъ чувство, то, мнѣ кажется, что герой политическій тѣмъ менѣе приличенъ для сцены, чѣмъ болѣе унижаетъ человѣчество, чтобъ сдѣлаться героемъ политическимъ. Слѣдовательно — не въ моей власти было вдохнуть въ мое повѣствованіе тотъ животворный огонь, который согрѣваетъ чистое произведеніе фантазіи; но — извлечь изъ человѣческаго сердца холодное, безплодное политическое дѣйствіе, и тѣмъ самымъ снова привязать къ человѣческому сердцу, запутать самого человѣка въ тонкостяхъ политики, и съ хитрой интриги списывать картины для человѣчества — это было въ моей власти! Мои отношенія къ свѣту сблизили и познакомили меня болѣе съ человѣческимъ сердцемъ, нежели съ кабинетомъ; и, можетъ быть, эта самая политическая слабость превратилась, на этотъ разъ, въ поэтическую добродѣтель.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Андрей Дорія, дожъ генуэзскій. Почтенный старикъ, 80-ти лѣтъ. Въ немъ видны еще слѣды прежняго огня. Главная черта: важность и строгая, повелительная краткорѣчивость.

Джіанеттино Дорія, племянникъ дожа. Претендентъ. 26-ти лѣтъ. Въ разговорѣ, походкѣ и обращеніи — грубъ, развратенъ и мужицки-гордъ. Черты лица — непріятны.

(Оба Дорія одѣты въ пурпуръ).

Фіеско, графъ Лаванья, глава заговора. Стройный и замѣчательно-красивый молодой человекъ 23 хъ лѣтъ. Гордъ, съ приличіемъ; ласковъ, безъ униженія; льстивъ и уклончивъ, какъ придворный и столько же лукавъ.

(Всѣ Нобили одѣты въ черномъ. Покрой платья древне-германскій).

Веррина, заговорщикъ. Республиканецъ, 60-ти лѣтъ. Важенъ, угрюмъ и мраченъ. Черты рѣзкія.

Бургоньино, заговорщикъ. Юноша 20-ти лѣтъ. Черты лица благородны и пріятны. Гордъ, пылокъ и естественъ.

Кальканьо, заговорщикъ. Изсохшій волокита, 30-ти лѣтъ. Съ виду пріятенъ и предприимчивъ.

Сакко, заговорщикъ. Мужчина 45-ти лѣтъ. Человекъ обыкновенный.

Ломеллино, любимецъ Джіанеттино. Чахлый придворный.

ЦЕНТУРІОНЕ
ЦИБО
АССЕРАТО

} недовольные.

Романо, живописецъ. Свободенъ, простъ и гордъ.
Мулей-Гассанъ, тунисскій Мавръ. Отъявленный
плутъ. Физиогномія — оригинальная смѣсь пронырства
и шутовства.

Нѣмецъ, тѣлохранитель Герцога. Главныя черты
его: честное простодушіе, сила и храбрость.

Трое возмутившихся гражданъ.

Леонора, жена Фіеско. 18-ти лѣтъ. Слабаго сло-
женія, блѣдна; нѣжна и воспріимчива; очень привлека-
тельна, но не ослѣпительна. На лицѣ — мечтательная
задумчивость. Одѣта въ черное.

Графиня Юлія, вдова Имперіали, сестра Джіанет-
тино. 25-ти лѣтъ. Высока и полна. Гордая кокетка.
Помятая красота. Блистательна, но не привлекатель-
на. Лицо злое, насмѣшливое. Одѣта въ черномъ.

Берта, дочь Веррины. Невинная дѣвушка.

РОЗА
АРАБЕЛЛА

} горничныя Леоноры.

Нобили, граждане, Нѣмцы, солдаты, слуги,
мошенники.

Дѣйствіе происходитъ въ Генуѣ, въ 1547 году.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

Зала во дворцѣ Фіеско. Вдали слышится музыка и шумъ бала.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕОНОРА въ маску, Роза и АРАБЕЛЛА, взволнованныя, вбѣгаютъ на сцену.

ЛЕОНОРА (*срывая съ себя маску*). Довольно! ни слова болѣе! Теперь все ясно, какъ день. (*Бросается въ кресло.*) Это меня убило.

АРАБЕЛЛА. Синьора!...

ЛЕОНОРА (*вставая*). Въ моихъ глазахъ!... съ кокеткой, извѣстной всему городу!... въ присутствіи всей генуэзской знати!... (*Съ горечью.*) Роза! Белла! — и передъ моими заплаканными глазами!...

РОЗА. Вы преувеличиваете. Смотрите на это, какъ на простую любезность.

ЛЕОНОРА. Любезность!... а страстный обмѣнъ взглядовъ? а робкое преслѣдованіе каждаго ея движенія? а этотъ долгій, медленный поцѣлуй, что еще до

сихъ поръ горитъ огненно-краснымъ пятномъ на ея обнаженной рукѣ? Ха! а это безмолвное, глубокое упоенье, подѣ вліяніемъ котораго, онъ сидѣлъ тамъ, подобно *воплощенному изображенію восторга*, словно кругъ него не существовало вселенной, и онъ *одинъ съ этой Юліей* блаженствовалъ въ вѣчномъ, безбрежномъ пространствѣ? Любезность? — Доброе, но еще не любившее существо, не споръ со мною о любви и любезности!

Роза. Тѣмъ лучше, та donna! Потерять одного супруга — значитъ пріобрѣсть десять поклонниковъ.

Леонора. Потерять? — ничтожное раздраженіе пульса — и Фіеско потерянь? Прочь, ядовитая болтунья! — не смѣй мнѣ показываться на глаза! Невинная шутка, — можетъ быть одна любезность? — не правда ли, милая Белла?

Арабелла. О, да! безъ сомнѣнья!

Леонора (*погружаясь въ задумчивость*). Что, если она овладѣла его *сердцемъ*? если каждая мысль его связана съ ея именемъ? все во всей природѣ говорить ему о ней? Но, что это? куда я занеслась? ... Что, если для него весь Божій міръ превратился въ чудный алмазъ, на которомъ начертанъ ея образъ, — одинъ ея образъ? — если онъ ее любитъ? — Юлію! О, дай мнѣ свою руку, поддержи меня, Белла!

(*Молчаніе. Музыка слышится снова.*)

Леонора (*быстро*). Тсъ! Сквозь шумъ и говоръ, я, кажется, слышу голосъ Фіеско? И онъ можетъ смѣяться, когда его Леонора плачетъ? Но, нѣтъ, дитя мое! — это мужицкій голосъ Джіанеттино Дорія.

Арабелла. Это онъ, синьора! Уйдемъ въ другую комнату.

ЛЕОНОРА. Ты краснѣешь, Белла! — ты лжешь. Я читаю въ вашихъ глазахъ — на лицахъ всѣхъ Генуэзцевъ, что-то такое, что-то. . . . О, вѣрно, эти Генуэзцы знаютъ больше того, что можетъ дойти до слуха супруги.

РОЗА. Ревность! какъ ты все преувеличиваешь!

ЛЕОНОРА (*грустно мечтая*). Когда онъ еще былъ Фіеско, вошелъ онъ однажды въ померанцовую рощу, куда мы, дѣвушки, ходили гулять и рѣзвиться, прекрасенъ, какъ Аполлонъ, мужественъ, какъ Антиной. Гордо и величественно вошелъ онъ туда, какъ будто *мощная Генуя* покоилась на его юныхъ раменахъ. Украдкою слѣдили его наши взоры, и, какъ будто уличенные въ святотатствѣ, боязливо потуплялись, встрѣтивъ его зорницею блестящій взглядъ. Ахъ, Белла! какъ жадно ловили мы его взгляды! какъ пристрастно считала ихъ мучительная зависть подругъ! Они падали между насъ, какъ золотое яблоко раздора: кроткія очи загорались дикимъ пламенемъ, нѣжныя груди вздымались сильнѣе; ревность разорвала нашу дружбу.

АРАБЕЛЛА. Помню. Всѣ женщины Генуи пришли въ волненіе, при видѣ такой лакомой добычи.

ЛЕОНОРА (*вдохновляясь*). И наконецъ назвать его *своимъ*! — дерзкое, страшное счастье! Величайшій мужъ Генуи — *мой*! (*съ любовью*) — онъ, что вышелъ вполнѣ оконченнымъ изъ подъ рѣзца неистощимой художницы, соединяя все величіе своего пола въ одной безконечной красотѣ! Слушайте, милыя! (Я не въ сѣдахъ болѣе таиться!) Слушайте, милыя! я вамъ открою нѣчто, (*таинственно*) мысль, что пришла мнѣ въ голову, когда я, рука объ руку, стояла передъ алтаремъ возлѣ Фіеско, мысль — *запретную для*

женщины: этотъ Фіеско, думала я, чья рука лежитъ теперь въ твоей рукѣ, этотъ — *твой* Фіеско (Но тише! чтобы никто не подслушалъ, какъ возвышаетъ насъ отблескъ его величія!) — этотъ самый Фіеско (Горе вамъ, если это чувство, не возвыситъ васъ!) — *освободитъ Геную отъ тирановъ!*

АРАБЕЛЛА (*въ изумленіи*). И эта мысль пришла въ голову женщинѣ въ день брака?

ЛЕОНОРА. Удивляйся, Роза! — невѣстѣ въ блаженный день брака! (*Оживляясь.*) Я женщина, но чувствую благородство своей крови, не могу сносить возвышенія дома *Доріевъ* надъ моими предками. Пусть кроткій Андрей (*Пріятно любить его!*) навсегда остается герцогомъ Генуи; но Джіанеттино, его племянникъ, его наслѣдникъ!... а у Джіанеттино злое, развратное сердце! Генуя трепещетъ передъ нимъ; а Фіеско, (*съ иоречью*) Фіеско (*Плачьте обо мнѣ!*) — любитъ сестру его.

АРАБЕЛЛА. Бѣдная, несчастная женщина!

ЛЕОНОРА. Теперь идите — и полюбуйтесь на этого полубога Генуэзцевъ, въ кругу безстыдныхъ сластолюбцевъ и прелестницъ, послушайте, какъ онъ щекочетъ ихъ слухъ площадными остротами, или рассказываетъ имъ небылицы про *сказочныхъ* принцессъ... Вотъ — Фіеско! Ахъ, милая, не одна Генуя потеряла своего героя, — и я — мужа!

РОЗА. Говорите тише. Кто-то идетъ по галлерей.

ЛЕОНОРА (*вздрагивая*). Это Фіеско! Уйдемъ, уйдемъ! Взглядъ на меня можетъ нагнать на него тоску. (*Убѣгаетъ въ сосѣднюю комнату. Дѣвушки слѣдуютъ за нею.*)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ДЖІАНЕТТИНО *Дорія въ маскѣ и зеленомъ плащѣ.*

МАВРЪ. *Входятъ разговаривая.*

ДЖІАНЕТТИНО. Понялъ меня?

МАВРЪ. Конечно.

ДЖІАНЕТТИНО. Бѣлая маска.

МАВРЪ. Понимаю.

ДЖІАНЕТТИНО. Повторяю — бѣлая маска.

МАВРЪ. Понялъ, понялъ и понялъ!

ДЖІАНЕТТИНО. Слышишь ли? не промахнись. Вотъ сюда. *(Показываетъ себѣ на грудь.)*

МАВРЪ. Не беспокойтесь.

ДЖІАНЕТТИНО. Хорошій ударъ. . . .

МАВРЪ. Останется доволенъ.

ДЖІАНЕТТИНО *(насмѣшливо)*. Чтобъ бѣдный графъ не долго мучился

МАВРЪ. Извините — а сколько, на примѣръ, можетъ потянуть его голова?

ДЖІАНЕТТИНО. Сто цехиновъ.

МАВРЪ *(дуетъ себѣ въ пальцы)*. Пху! — легка.

ДЖІАНЕТТИНО. Что ты тамъ ворчишь?

МАВРЪ. Говорю, что легкая работа.

ДЖІАНЕТТИНО. Это ужь твоя забота. Этотъ человекъ настоящій магнитъ. Всѣ безпокойныя головы такъ и просятся къ его полюсу. Смотри же, любезный, — не промахнись.

МАВРЪ. Однако, послѣ этой продѣлки, я долженъ сейчасъ же въ Венецію. . . .

ДЖІАНЕТТИНО. Такъ вотъ тебѣ и награда впередъ. (*Бросаетъ ему кошелекъ.*) Не дальше, какъ черезъ три дня онъ долженъ быть трупомъ. (*Уходитъ.*)

МАВРЪ (*поднимая кошелекъ*). Вотъ это такъ до-вѣренность! Онъ вѣритъ моему мошенническому слову безъ росписки. (*Уходитъ.*)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

КАЛЬКАНЬО, за нимъ САККО. Оба въ черныхъ плащахъ.

КАЛЬКАНЬО. Я замѣчаю, что ты слѣдишь за каждымъ моимъ шагомъ.

САККО. А я замѣчаю, что ты каждый скрываешь отъ меня. Послушай, Кальканьо, вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ лицо твое выражаетъ нѣчто, касающееся не одного отечества. Я думаю, братъ, что намъ обоимъ пора вымѣнять тайну на тайну, и, право, ни одинъ изъ насъ не останется въ накладѣ. Хочешь быть откровеннымъ?

КАЛЬКАНЬО. До такой степени, что если-бъ твои уши отказались отъ удовольствія приникнуть къ моей груди, все-таки мое сердце на языкѣ встрѣтило бы ихъ на половинѣ дороги. Я люблю графиню Фіеско.

САККО (*изумленный отступаетъ назадъ*). Пересмотри я весь реэстръ вѣроятностей, можетъ быть и отгадалъ бы, въ чемъ дѣло. Твой выборъ дразнить мое остроуміе; но я и отъ остроумія готовъ отказаться, если тебѣ повезетъ.

Кальканьо. Говорятъ — она примѣръ строгой добродѣтели.

Сакко. Лгутъ. Она цѣлая книга объ этомъ безвкусномъ предметѣ. Одно изъ двухъ, Кальканьо: откажись или отъ своихъ исканій, или отъ своего сердца.

Кальканьо. Графъ ей не вѣренъ. Ревность — лучшая помощница. Замыселъ противъ Доріевъ поглотитъ все вниманіе графа, а я, между тѣмъ, найду случай похозяйничать въ его дворцѣ. Въ то время, какъ онъ будетъ выгонять волка изъ овчарни, хорекъ залѣзетъ въ его курятникъ.

Сакко. Превосходно, братецъ! Благодарю тебя. Ты избавляешь меня отъ охоты краснѣть. О чемъ я прежде и подумать стыдился, то теперь могу сказать тебѣ громко. Я нищій, если не рушится теперешнее правленіе.

Кальканьо. Развѣ у тебя такъ много долговъ?

Сакко. Чудовищно! Скрути въ восемь разъ нить моей жизни, на первомъ вершкѣ оборвется. Переменная правленія, надѣюсь, поправитъ мои обстоятельства. Если она и не поможетъ мнѣ *заплатить*, по крайней мѣрѣ, отниметъ у должниковъ охоту *взыскивать*.

Кальканьо. Понимаю — и наконецъ, когда Генуя, *при счастливыхъ обстоятельствахъ*, освободится, Сакко окреститъ себя въ отцы отечества. Неужели послѣ этого я повѣрю рассказамъ о честности, когда банкротство негодяя и страсть волокиты рѣшаютъ судьбу государства. Ей Богу, Сакко, глядя на насъ обоихъ, я только удивляюсь, какъ это спасается жизненность тѣла посредствомъ гнойныхъ вередовъ на членахъ. Знаетъ ли Веррина о твоёмъ замыслѣ?

Сакко. На сколько долженъ знать о немъ патріотъ.

Генуя, какъ самъ ты знаешь, есть веретено, вокругъ котораго неизмѣнно вертятся всѣ его помышленья. Теперь соколиный взоръ его устремленъ на Фіеско. Онъ надѣется и тебя подцѣпить на крючекъ — склонить къ заговору.

— *Кальканьо*. У него отличное чутье. Пойдемъ, отыщемъ его — и своими рѣчами возбудимъ его рвеніе къ свободѣ. (*Уходятъ.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Юлія взволнованная. *Фіеско*, въ бѣлой мантии, слѣдуетъ за нею.

Юлія. Слуги! скороходы!

Фіеско. Графиня куда вы? Что вамъ угодно?

Юлія. Ничего, ровно ничего (*Входятъ слуги.*)
Подать карету!

Фіеско. Если позволите — не надо. Вы, кажется, обижены?

Юлія. Ну — нѣтъ! Отойдите! эдакъ вы оборвете всѣ оборки моего платья. Обижена? — Кто можетъ здѣсь меня обидеть? Да оставьте же меня!

Фіеско (*становится на колѣно*). Не отойду, пока вы не назовете мнѣ обидчика.

Юлія. Ахъ, какъ это мило! Стоить чтобы посмотреѣть! Хоть бы кто нибудь попросилъ графиню Лаванья полюбоваться этой прелестной картиной. Какъ, графъ? гдѣ

же супругъ? Это положеніе особенно-хорошо въ спальнѣ вашей жены, когда она, перелистывая реэстръ вашихъ поцѣлуевъ, найдетъ пробѣлъ въ счетѣ. Встаньте-же. Ступайте къ дамамъ, гдѣ вы можете сторговаться дешевле. Да вставайте же, наконецъ. Или вы хотите дерзости вашей жены загладить своею любезностью?

Фіеско (*вскакивая*). Дерзости? вамъ?

Юлія. Вскочить, оттолкнуть кресло, оборотиться спиною къ столу — къ столу, графъ, гдѣ я сижу. . . .

Фіеско. Не извинительно!

Юлія. И только? . . . Полноте! Развѣ моя вина (*самодовольно улыбаясь*), что у графа есть глаза?

Фіеско. Виновата ваша красота, та donna!

Юлія. Къ чему комплименты, графъ, когда дѣло касается чести. Я требую удовлетворенія. Найду ли я его у васъ, или въ громахъ герцога?

Фіеско. Въ объятіяхъ любви, умоляющей васъ простить преступленіе ревности.

Юлія. Ревности? ревности? — но чего же хочетъ эта дурочка? (*Поворачиваясь передъ зеркаломъ.*) Развѣ ей мало того, что я оправдываю ея вкусъ, признавая его и за свой? (*Гордо.*) Дорія и Фіеско? — Развѣ не должна графиня Лаванья считать за честь, когда племянница герцога находитъ выборъ ея завиднымъ? (*Весело, подавая графу руку для поцѣлуя.*) Положимъ, графъ, что я точно нахожу его такимъ.

Фіеско (*съ живостью*). Жестокая! — и все-таки терзать меня! Я знаю, божественная Юлія, что мнѣ слѣдовало-бы чувствовать къ вамъ одно почтеніе. Разсудокъ велитъ преклонить колѣно предъ кровью Дорія, но сердце молить прекрасную Юлію о любви. Любовь моя, въ одно и тоже время, и преступница, и героиня,

потому что рѣшается расторгнуть всѣ преграды, полагаемая званіемъ, и летѣть на встрѣчу всепожирающему солнцу величія.

Юлія. Громадная, графская ложь! Бросьте эти ходули. Его языкъ боготворить меня, тогда какъ сердце бьется подъ силуэтомъ другой.

Фіеско. Или, правильнѣе, синьора, бьется подъ нимъ съ негодованіемъ, чтобы тѣмъ скорѣе его вытѣснить. (*Снимаетъ съ себя силуэтъ Леоноры, на голубой лентѣ, и отдаетъ его Юліи.*) Поставьте на этотъ алтарь ваше изображеніе, и оно раздавитъ идола.

Юлія (*поспѣшно прячетъ медальонъ и потомъ радостно*). Большая жертва! Клянусь честью, она стоитъ моей благодарности! (*Надѣваетъ на него свой силуэтъ.*) Рабъ, носи цвѣтъ своего повелителя! (*Уходитъ.*)

Фіеско (*съ жаромъ*). Юлія меня любитъ! Юлія! Я не завидую и самимъ богамъ! Эта ночь — да будетъ торжественною ночью боговъ; радость — да будетъ ея господиномъ. Эй, слуги! (*Входитъ толпа слугъ.*) Да напоятся полы моего дворца благовоннымъ нектаромъ Кипра; пусть громъ музыки пробудитъ полночь изъ ея свинцоваго сна; тысячи горящихъ лампъ осмѣютъ восходящее солнце! Пусть все веселится, и вакхическая пляска да превратитъ царство смерти въ груды развалинъ! (*Быстро уходитъ. За тѣмъ, при звукахъ шумнаго аллегро, поднимается средний занавѣсъ и открываетъ большую, залитую свѣтомъ залу, наполненную танцующими масками. По сторонамъ столы, за которыми гости пьютъ и играютъ въ карты.*)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ДЖІАНЕТТИНО *полупьяный*. Ломеллино. Цибо.
Центуріоне. Веррина Сакко. Кальканьо.

Все въ маскахъ. Дамы и Нобили.

ДЖІАНЕТТИНО (*громко*). Браво, Браво! Эти вина такъ и просятся въ горло; наши плясуны прыгаютъ à merveille. Ступай кто нибудь изъ васъ и разгласи по Генуѣ, что я въ отличномъ расположеніи духа, и что могутъ надѣяться . . . . Клянусь моимъ рожденіемъ! они отмѣтятъ этотъ день въ своемъ календарѣ краснымъ кружкомъ и подпишутъ внизу: сегодня принцъ Дорія былъ веселъ.

Гости (*поднимая бокалы*). Республика! (*Музыка играетъ тушъ.*)

ДЖІАНЕТТИНО (*разбивая свой бокалъ объ полъ*). Вотъ ея черепки! (*Три черныя маски вскакиваютъ и окружаютъ Джіанеттино.*)

Ломеллино (*отводя принца въ сторону*). Принцъ, намедни вы изволили говорить мнѣ о дѣвушкѣ, что встрѣтили въ церкви Святаго Лоренцо.

ДЖІАНЕТТИНО. Да, дружище, и я хочу съ нею познакомиться.

Ломеллино. Я могу это устроить, ваша свѣтлость!

ДЖІАНЕТТИНО (*быстро*). Ты можешь? ты? Ломеллино, на дняхъ ты хлопоталъ о мѣстѣ прокуратора. Оно твое.

Ломеллино. Свѣтлѣйшій принцъ, это второе мѣсто въ государствѣ; болѣе шестидесяти дворянъ ищутъ

его, и каждый изъ нихъ богаче и знатнѣе покорнѣйшаго слуги вашей свѣтлости.

Джіанеттино (*гордо*). Громы и Дорія! ты будешь прокураторомъ. (*Три черныя маски приближаются.*) Дворянство Генуи? Пусть они бросятъ на вѣсы всѣхъ своихъ предковъ и всѣ ихъ гербы, и одинъ волосъ изъ бѣлой бороды моего дяди перетянетъ все ихъ благородство. Я *хочу*, чтобъ ты *былъ* прокураторомъ, и это также дѣйствительно. какъ всѣ голоса Синьоріи.

Ломеллино (*тихо*). Эта дѣвушка — единственная дочь Веррины.

Джіанеттино. Дѣвушка очень мила, и, на зло всѣмъ чертямъ, она должна быть моею.

Ломеллино. Принцъ! — она единственная дочь упрямѣйшаго изъ республиканцевъ.

Джіанеттино. Убирайся въ адъ — съ своимъ республиканцемъ! Гнѣвъ подданнаго и моя страсть! Это все равно, если бы маякъ долженъ былъ разрушиться отъ того, что мальчишки бросаютъ въ него раковины. (*Три черныя маски, въ волненъ, подходятъ ближе.*) Развѣ герцогъ Андрей для того украсилъ себя рубцами, сражаясь за этихъ собакъ республиканцевъ, чтобъ племянникъ его вымаливалъ благосклонность ихъ дочерей и невѣстъ? Громы и Дорія! они должны терпѣть и забывать, не то я воздвигну надъ прахомъ моего дяди такую висѣлицу, на которой затянется до смерти ихъ генуэзская свобода. (*Три маски отходятъ назадъ.*)

Ломеллино. Дѣвушка теперь *одна*. Отецъ ея здѣсь — одна изъ этихъ трехъ масокъ.

Джіанеттино. Превосходно, Ломеллино! Веди меня къ ней.

Ломеллино. Но вы, можетъ быть, думаете встрѣтить страстную женщину — и найдете *непреклонную добродѣтель*.

Джіанеттино. Насиліе есть лучшее краснорѣчіе. Веди меня туда поскорѣе. Посмотримъ, какая республиканская собака посмѣетъ сцѣпиться съ медвѣдемъ — Доріемъ. (*Встрѣчается въ дверяхъ съ Фіеско.*) Гдѣ графиня?

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ФІЕСКО.

Фіеско. Я посадилъ ее въ карету. (*Беретъ руку Джіанеттино и прижимаетъ ее къ сердцу.*) Принцъ, теперь я вдвойнѣ въ вашихъ оковахъ. Джіанеттино повелѣваетъ моею головою и Генуей, а моимъ сердцемъ — ваша достойная обожанія сестра.

Ломеллино. Нашъ Фіеско сдѣлался совершеннымъ эпикурейцемъ. Большой свѣтъ осиротѣетъ безъ васъ.

Фіеско. Но не Фіеско въ большомъ свѣтѣ. *Жить* значитъ *мечтать*; а *быть* мудрымъ, Ломеллино, значитъ — *пріятно мечтать*. Гдѣ же пріятнѣе мечтать — подъ громами власти, прислушиваясь къ вѣчно-скрипящимъ колесамъ правленія, или на груди страстной женщины? Пусть Джіанеттино Дорія властвуетъ надъ Генуей. Фіеско — будетъ любить.

Джіанеттино. Идемъ, Ломеллино! Ужъ полночь.

Время идетъ. Лаванья, благодаримъ за твое угощенье. Я доволенъ.

Фіеско. Принцъ, это все, чего я желалъ.

Джіанеттино. И такъ — прощай! Завтра игра у Доріевъ, и Фіеско приглашенъ заранѣ. Идемъ, прокураторъ.

Фіеско. Музыка! свѣчей!

Джіанеттино (*гордо проходя между трехъ масокъ*). Мѣсто имени герцога.

Одна изъ трехъ масокъ (*сквозь зубы, съ негодованіемъ*). Въ преисподней, но не въ Генуѣ!

Гости (*поспѣшно*). Принцъ уходитъ. Прощайте Лаванья! (*Толпятся у дверей и наконецъ уходятъ.*)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Три черныя маски. Фіеско. *Молчаніе.*

Фіеско. Я замѣчаю здѣсь гостей, не раздѣляющихъ общаго веселія моего праздника?

Маски (*сквозь зубы*). И не одного.

Фіеско (*любезно*). Неужели, при всей моей доброй волѣ, нашлись Генуэзцы, которымъ я не съумѣлъ угодить? Эй! слуги! — возобновить праздникъ! наполнить большіе кубки! Мнѣ бы не хотѣлось видѣть у себя скучающія лица. Хотите фейерверкъ? хотите посмѣяться шуткамъ моего арлекина? или поразвлечься съ моими женщинами? Или сядемъ за фараонъ и убьемъ время игрою?

Одна изъ масокъ. Мы привыкли *оплачивать* его *дѣлами*.

Фіеско. Отвѣтъ мужа,— и это Веррина.

Веррина (*снимая маску*). Фіеско скорѣе узнаетъ своихъ друзей подъ маскою, нежели они Фіеско подъ его личиною.

Фіеско. Этого я не понимаю. Но что значитъ этотъ траурный флеръ на твоей рукѣ? Неужели Веррина схоронилъ кого нибудь и Фіеско объ этомъ не знаетъ?

Веррина. Печальныя вѣсти не годятся для веселыхъ праздниковъ Фіеско.

Фіеско. Но если этого требуетъ другъ? (*Съ чувствомъ жметъ ему руку.*) Другъ души моей! кто умеръ у насъ обоихъ?

Веррина. У насъ обоихъ! у насъ обоихъ! такъ! — но не всѣ дѣти плачутъ по своей матери.

Фіеско. Кости твоей матери давно уже истлѣли.

Веррина (*значительно*). Мнѣ помнится, что Фіеско называлъ меня братомъ, потому что я былъ сыномъ его родины.

Фіеско (*шутливо*). Ахъ, такъ вотъ что! это была шутка? Трауръ по Генуѣ! и это правда, — Генуя дѣйствительно теперь при послѣднемъ издыханіи Эта мысль нова и несравненна. Нашъ старикъ становится острякомъ.

Кальканьо. Онъ не шутитъ, Фіеско.

Фіеско. Конечно, конечно! онъ это сказалъ такимъ печальнымъ, плаксивымъ голосомъ. Шутка теряетъ всю свою цѣну, если съострившій засмѣется самъ. Признаюсь, я ни какъ не ожидалъ, чтобы угрю-

мый Веррина на старости лѣтъ сдѣлался такимъ проказникомъ.

Сакко. Веррина пойдѣмъ! Онъ никогда не будетъ нашимъ.

Фіеско. Повеселѣе, землякъ! Станемъ подражать хитрымъ наслѣдникамъ, что, по видимому, съ плачемъ идутъ за гробомъ, а между тѣмъ во все горло хохочутъ себѣ въ платокъ. Конечно, въ награду за это, мы можемъ нажить злую мачиху. Что-жъ дѣлать! — пусть себѣ царапаетъ и обѣдается.

Веррина (*въ сильномъ волненіи*). Небо и земля! и намъ сидѣть, сложа руки? До чего ты дошелъ, Фіеско? Я еще не забылъ того времени, когда малѣйшее нарушеніе правъ Республики судорожно сжимало тебѣ сердце! Падшій сынъ Республики! ты отвѣтишь, если я утрачу вѣру въ мое безсмертіе, видя на тебѣ, что время можетъ изнашивать и самую душу.

Фіеско. Ты прежній брызга. Пускай онъ спрячетъ Геную въ свой карманъ, и продастъ ее хоть тунисскому бею, намъ то какое дѣло? Мы пьемъ кипрское и цѣлуемъ хорошенькихъ женщинъ.

Веррина (*пристально смотритъ на него*). И это твое душевное убѣжденіе?

Фіеско. Почему-же и нѣтъ, другъ мой! Развѣ пріятно быть ногою лѣниваго, много-членнаго звѣря — республики? Спасибо тому, кто снабжаетъ его крыльями, и освобождаетъ ноги отъ исполненія ихъ обязанностей. Джіанеттино Дорія будетъ герцогомъ. Государственныя дѣла перестанутъ покрывать наши головы сѣдинами.

Веррина. Фіеско, и это твое душевное убѣжденіе?

Фіеско. Андрей объявляетъ своего племянника — сыномъ и наслѣдникомъ своихъ имѣній: какой же глупецъ станетъ оспаривать у него наслѣдіе ему принадлежащаго могущества?

Веррина (*съ негодованіемъ*). Идемъ, Генуэзцы! (*Поспѣшно оставляетъ Фіеско; другіе слѣдуютъ за нимъ.*)

Фіеско. Веррина! Веррина! — Этотъ республиканецъ твердъ, какъ сталь.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. НЕИЗВѢСТНАЯ МАСКА.

Маска. Лаванья, не можете ли вы удѣлить мнѣ хоть одну минуту?

Фіеско (*любезно*). Для васъ хоть цѣлый часъ.

Маска. Въ такомъ случаѣ — не угодно ли вамъ будетъ прогуляться со мною за городъ?

Фіеско. Черезъ десять минутъ будетъ полночь.

Маска. Графъ, будьте такъ добры.

Фіеско. Я велю заложить экипажъ.

Маска. Не нужно. Я послалъ туда мою лошадь. Другой не понадобится: надѣюсь, что оттуда вернется только одинъ изъ насъ.

Фіеско (*озадаченный*). И?

Маска. У васъ потребуютъ кровавый отчетъ въ одной пролитой слезѣ.

Фіеско. И эта слеза?

Маска. Графини Лаванья. Я очень хорошо знаю эту даму, и потому хочу знать, за что она удостоилась чести быть принесенной въ жертву дурѣ?

Фіеско. Теперь я васъ понимаю. Могу-ли узнать имя этого оригинального вызывателя?

Маска. Имя его принадлежитъ тому, кто когда-то любилъ дѣвицу Цибо, и уступилъ еѣ жениху Фіеско.

Фіеско. Сципіонъ Бургоньино?

Бургоньино (*снимая маску*). Я пришелъ отомстить за свою честь, поруганную соперникомъ, который такъ неблагороденъ, что рѣшается мучить кроткую добродѣтель.

Фіеско (*обнимаетъ его съ жаромъ*). Благородный юноша! И такъ страданія моей жены доставили мнѣ такое пріятное знакомство. Я чувствую прелесть вашего негодованія, но драться не стану.

Бургоньино (*отступивъ на шагъ*). Неужели графъ Лаванья такъ робокъ, что побоится встрѣтить первые удары еще неопытной руки?

Фіеско. Бургоньино! я готовъ противостать соединеннымъ силамъ Франціи — только не вамъ! Я уважаю этотъ прекрасный пылъ, ради предмета еще болѣе прекраснаго. Предпріятіе заслуживаетъ лавровъ, но исполненіе — было бы ребячествомъ.

Бургоньино (*вспыльчиво*). Ребячествомъ! — графъ? Стало быть, обиженной женщинѣ остается только плакать, а мужчинѣ? . . . для чего созданъ мужчина?

Фіеско. Превосходно сказано; но я, все-таки, не стану драться.

Бургоньино (*оборачивается къ нему спиною, и хочетъ идти*). Я буду васъ презирать.

Фіеско (*съ жаромъ*). Клянусь Богомъ, юноша, что ты этого не сдѣлаешь, хотя бы во мнѣ унизилась сама добродѣтель! (*Беретъ его руку и задумывается.*) Признайтесь, питали ли вы когда нибудь ко мнѣ то, что обыкновенно. . . . какъ бы это лучше выразить? — что называютъ уваженіемъ?

Бургоньино. Развѣ я уступилъ бы человѣку, котораго не почиталъ первымъ изъ людей?

Фіеско. Мой другъ! я не рѣшился бы такъ скоро начать презирать человѣка, который нѣкогда заслуживалъ мое уваженіе. Неужели ткань искуснаго мастера должна быть, съ перваго взгляда, понятна для начинающаго? Ступайте домой, Бургоньино, и *подумайте* на досугъ—отчего Фіеско поступаетъ такъ, а не иначе? (*Бургоньино уходитъ молча.*) Ступай благородный юноша! Если этотъ огонь отдастъ онъ *отечеству* — о, тогда — берегитесь, *Доріи!*

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. МАВРЪ *входитъ боязливо и внимательно осматривается.*

Фіеско (*пристально и долго глядитъ на него*). Чего ты хочешь, и кто ты такой?

Мавръ (*какъ выше*). Рабъ республики.

Фіеско. Рабство — низкое ремесло. (*Не спуская съ него глазъ.*) Чего ты ищешь?

Мавръ. Я честный человекъ, синьоръ!

Фіеско. Напиши это на лбу: не будетъ лишнимъ. Но чего же ты ищешь?

Мавръ (*стараясь приблизиться къ Фіеско, который отступаетъ*). Я не мошенникъ, синьоръ!

Фіеско. Хорошо, если ты и это прибавишь; но все-таки не хорошо. (*Нетерпѣливо.*) Но чего же ты ищешь?

Мавръ (*снова приближаясь къ нему*). Вы ли графъ Лаванья?

Фіеско (*гордо*). Даже слѣпые въ Генуѣ знаютъ мою походку. Къ чему тебѣ графъ?

Мавръ. Берегитесь, Лаванья! (*Подходитъ къ нему еще ближе.*)

Фіеско (*уклоняясь въ другую сторону*). Вѣрю.

Мавръ (*какъ прежде*). Противъ васъ замышляютъ не доброе, Лаванья.

Фіеско (*снова отступая*). Я это вижу.

Мавръ. Берегитесь Дорія.

Фіеско (*довѣрчиво подходитъ къ нему*). Другъ, неужели я обидѣлъ тебя? Я точно боюсь этого имени.

Мавръ. Такъ бѣгите отъ него. Вы умѣете читать?

Фіеско. Смѣшной вопросъ. Видно ты долго терся около знати. Не имѣешь ли ты чего нибудь письменнаго?

Мавръ. Ваше имя у бѣдныхъ грѣшниковъ. (*Отдаетъ ему записку и становится около него. Фіеско подходитъ къ зеркалу и смотритъ на него черезъ бумагу. Мавръ, въ ожиданьи удобной минуты, ходитъ около него, наконецъ вынимаетъ кинжалъ и хочетъ нанести ударъ.*)

Фіеско (*оборачиваясь и ловко схвативъ Мавра*

за руку). Потише, бездѣльникъ! (*Вырываетъ у него кинжалъ.*)

Мавръ (*въ бѣшенствѣ, топая ногою*). Дьяволъ! Извините! (*Хочетъ ускользнуть*).

Фіеско (*удерживая его, громко*). Стефано Друлло! Антонио! (*Схватываетъ Мавра за горло.*) Подожди, дружокъ! Адское злодѣйство!... (*Входятъ слуги.*) Ни съ мѣста — и отвѣчай! Ты сегодня плохо поработалъ: кто же тебѣ заплатитъ за это?

Мавръ (*послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ усилій вырваться, рѣшительно*). Выше висѣлицы не повѣсятъ.

Фіеско. Нѣтъ, утѣшься! Конечно не на рогахъ луны; но все-таки такъ высоко, что висѣлица покажется тебѣ оттуда не больше зубочистки. Но твой умыселъ что то ужъ слишкомъ государственно-умень, чтобы я могъ приписать его *твоему* остроумію. И такъ — говори, кто тебя подкупилъ?

Мавръ. Синьоръ, вы можете называть меня бездѣльникомъ; но прошу — не бранить меня глупцомъ.

Фіеско. И у мерзавцевъ есть гордость! Говори же бестія, кто подкупилъ тебя?

Мавръ (*въ раздумьѣ*). Гм! по крайней мѣрѣ не я одинъ останусь въ дуракахъ! — Кто подкупилъ меня? и всего за сто дрянныхъ цехиновъ! кто подкупилъ меня? — принцъ Джіанеттино.

Фіеско (*въ итѣвъ прохаживаясь назадъ и впередъ*). Сто цехиновъ — не больше — за голову Фіеско. (*Презрительно.*) Стыдись, наслѣдникъ генуэзскій! (*Подходитъ къ шкатулкѣ.*) Любезный, вотъ тебѣ тысяча! — возьми и скажи своему господину, что онъ скаредный убійца.

Мавръ (*осматриваетъ его съ головы до ногъ.*)

Фіеско. О чемъ задумался, любезный?

Мавръ (*беретъ деньги, кладетъ ихъ на столъ, беретъ снова и смотритъ на Фіеско съ возрастающимъ удивленіемъ.*)

Фіеско. Что ты дѣлаешь, любезный?

Мавръ (*рѣшительно бросая деньги на столъ.*). Синьоръ, я не заслужилъ этихъ денегъ.

Фіеско. Баранья голова, ты заслужилъ висѣлицу! Раздраженный слонъ давить людей, но не пресмыкающихся. Я бы велѣлъ тебя повѣсить, если бы это стоило мнѣ не много болѣе двухъ словъ.

Мавръ (*весело кланяясь.*). Вы слишкомъ милостивы, синьоръ!

Фіеско. Сохрани Богъ! не къ тебѣ. Мнѣ пришло въ голову, что моя прихоть можетъ такого бездѣльника, какъ ты, сдѣлать или чѣмъ нибудь или ничѣмъ, и потому — ты свободенъ. Пойми меня хорошенько. Твоя неудача служить мнѣ новымъ ручательствомъ неба, что я предназначенъ для чего-то великаго, и потому я милостивъ, и ты воленъ уйдти.

Мавръ (*довѣрчиво.*). По рукамъ, Лаванья! Честь — за честь. Если на этомъ полуостровѣ окажется, по вашему мнѣнію, лишнее горло, прикажите — и я перерѣжу его даромъ.

Фіеско. Звѣрь! Хочетъ отблагодарить чужимъ горломъ.

Мавръ. Мы не принимаемъ подарковъ, синьоръ. И у вашего брата есть своя честь.

Фіеско. Честь горло-рѣзовъ.

Мавръ. И она будетъ понадежнѣе чести вашихъ честныхъ людей; они нарушаютъ клятвы свои передъ

Богомъ, тогда какъ мы ихъ свято исполняемъ передъ чортомъ.

Фіеско. Да ты забавный бездѣльникъ.

Мавръ. Радуюсь, что я пришелся вамъ по вкусу. Испытайте только — и вы найдете во мнѣ человѣка, знающаго свое ремесло, какъ свои пять пальцевъ. Если хотите, — я могу доставить вамъ свои аттестаты отъ всѣхъ мошенническихъ цеховъ, начиная съ низшаго и кончая самымъ высшимъ.

Фіеско. Не нужно. (*Садится.*) Значить и мошенники признаютъ законы и имѣютъ разряды? Расскажи мнѣ что нибудь о низшихъ.

Мавръ. Ну — ихъ, ваше сіятельство! Это — презрѣнная толпа *длиннорукихъ*. Жалкое ремесло, не образовавшее ни одного великаго человѣка, работаетъ только на розги и смиренный домъ и, развѣ, въ крайнемъ случаѣ, доводитъ до висѣлицы.

Фіеско. Заманчивая цѣль. Теперь что нибудь повыше.

Мавръ. Это будутъ — *шпіоны* и *лазутчики*. Люди почтенные. Ихъ слушаютъ знатные и почерпаютъ у нихъ свое всевѣдѣніе. Они, какъ пиявки, впиваются въ душу, высасываютъ ядъ изъ сердца и выплевываютъ его въ уши *власти*.

Фіеско. Этихъ я знаю. Дальше.

Мавръ. За ними слѣдуютъ тайные убійцы и отравители, и вообще всѣ тѣ, что долго присматриваютъ за человѣкомъ и изъ подтишка бросаются на него. Это, большею частью, подлые трусы. Впрочемъ, они, всѣ безъ исключенія, платятъ подать чорту своей бѣдной душою. Правосудіе оказываетъ имъ бѣольшее вниманье —

дробить ихъ кости колесомъ, а головы насаживаетъ на колья. Это третій цехъ.

Фіеско. Да когда жь ты дойдешь до своего?

Мавръ. Въ томъ-то и штука, ваше сіятельство! въ томъ-то и штука! — я ихъ всѣ произошелъ. Мой геній заранѣе созрѣлъ для cadaго. Вчера вечеромъ я смастерилъ образцовую штуку по третьему, а сейчасъ осрамился по четвертому.

Фіеско. И этотъ четвертый? . . .

Мавръ (*оживляясь*). Состоитъ изъ людей (*съ жаромъ*), которые въ четырехъ стѣнахъ ищутъ своего человѣка, прокладываютъ путь сквозь тысячи опасностей, прямо наступаютъ ему на горло и съ первымъ привѣтствіемъ избавляютъ его отъ благодарности за второе. Между нами ихъ называютъ экстра-почтою въ адъ. Голодному Мефистофелю стоитъ только мигнуть глазомъ — и еще теплое жаркое у него на столѣ.

Фіеско. Да ты — закаленный грѣшникъ. Мнѣ такого и надо. Дай руку. Ты остаешься при мнѣ.

Мавръ. Серьезно, или вы шутите?

Фіеско. Ни сколько. Назначаю тебѣ 1000 цехиновъ въ годъ.

Мавръ. По рукамъ, Лаванья! Къ чорту приватная жизнь. Употребляйте меня по своему усмотрѣнію. Я буду вашей борзой, гончей, лисой, змѣей, вашимъ сводникомъ и палачемъ; однимъ словомъ — возлагайте на меня всевозможныя порученія, но, ради Бога, только не честныя: тутъ я глупъ, какъ дубина.

Фіеско. Не безпокойся. Если я вздумаю подарить кому нибудь *овцу*, конечно не поручу *волку* доставить ее по адресу. И такъ, завтра же прогуляйся по Генуѣ и разузнай — *какова погода* въ городѣ. Поста-

райся развѣдать, что думаютъ о теперешнемъ правленіи, что шепчутъ о Доріяхъ; пощупай мимоходомъ, что болтаютъ мои сограждане о моей разгульной жизни, о моемъ любовномъ романѣ? Пой виномъ до тѣхъ поръ, пока ихъ сокровенныя мысли не хлынутъ черезъ край. Вотъ тебѣ деньги: разсыпь ихъ между торговцами шелковыхъ матерій.

Мавръ (*посмотрѣвъ на него значительно*). Синьоръ. . . .

Фіеско. Не бойся. Тутъ ничего нѣтъ честнаго. Ступай, созови всю свою шайку въ подмогу. Завтра расскажешь мнѣ свои новости. (*Уходитъ.*)

Мавръ (*ему въ слѣдъ*). Положитесь на меня. Теперь четыре часа утра; завтра въ восемь вы услышите столько новаго, сколько можетъ войти во сто сорокъ ушей. (*Уходитъ.*)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната въ домѣ Веррины.

БЕРТА *лежитъ на софѣ, закрывъ лицо руками*. ВЕРРИНА *угрюмый, входитъ.*

БЕРТА (*вскочивъ въ испугъ*). Небо! вотъ онъ!

ВЕРРИНА (*останавливается и глядитъ на нее съ удивленіемъ*). Дочь пугается своего отца?

БЕРТА. Бѣгите! дайте мнѣ бѣжать отсюда! Вы страшны, батюшка!

ВЕРРИНА. Страшенъ — для своего дитяти?

БЕРТА (*грустно взглянувъ на него*). Нѣтъ! вамъ нужна другая дочь!

ВЕРРИНА. Неужели тебя тяготитъ моя нѣжность?

БЕРТА. Она убиваетъ меня, батюшка!

ВЕРРИНА. Что?—Что за пріемъ, дитя мое? Прежде, когда я, бывало, возвращался съ горами огорченій на сердцѣ, Берта выбѣгала ко мнѣ на встрѣчу и своимъ смѣхомъ свѣвала ихъ съ сердца. Пойди, обними меня, дочь; отогрѣй на этой пламенной груди мое бѣдное сердце, оледенѣвшее у смертнаго одра отечества. О, дитя мое! сегодня я простился со всѣми радостями міра и — (*съ глубокою горестью*) только ты мнѣ осталась.

БЕРТА (*смыривъ его долымъ взглядомъ*). Бѣдный отецъ!

ВЕРРИНА (*обнимая ее, прерывающимся голосомъ*). Берта, единственное дитя мое! Берта, моя послѣдняя надежда! — погибла свобода Генуи, — погибъ для насъ Фіеско! (*Горячо обнимаетъ ее, сквозь зубы*). Погибни и твоя невинность!

БЕРТА (*вырывается изъ его объятій*). Праведное небо! — вы знаете?

ВЕРРИНА (*останавливается и вздрагиваетъ*). Что?

БЕРТА. Моя невинность....

ВЕРРИНА (*въ бѣшенствѣ*). Что?

БЕРТА. Въ эту ночь....

ВЕРРИНА (*въ изступленъ*). Что?

БЕРТА. Насиліе.... (*Падаетъ на софу.*)

ВЕРРИНА (*послѣ долгаго, ужаснаго молчанья, глухимъ голосомъ*). Еще одинъ вздохъ и — послѣдній! (*Гробовымъ, прерывающимся голосомъ*). Кто?

БЕРТА. Горе мнѣ! Меня пугаетъ этотъ могильный голосъ. Боже, защити меня! Слова замираютъ на устахъ его; онъ дрожитъ.

ВЕРРИНА. Я вѣдь не знаю его, дитя мое! Кто?

БЕРТА. Успокойтесь, успокойтесь, мой дорогой батюшка!

ВЕРРИНА. Ради самого неба — кто? (*Хочетъ упасть передъ нею на колѣни.*)

БЕРТА. Маска.

ВЕРРИНА (*отступаетъ назадъ и поиружается въ прагнущую душу*). Нѣтъ! быть не можетъ. Не Богъ вложилъ мнѣ эту мысль. (*Страшно хохочетъ.*) Старый глупецъ! какъ будто весь ядъ изрыгаетъ одна и таже эхидна? (*Бертъ спокойнѣе.*) Ростомъ съ меня, или по ниже?

БЕРТА. Выше.

ВЕРРИНА (*быстро*). Черные, курчавые волосы?

БЕРТА. Какъ уголь и курчавыя.

ВЕРРИНА (*отступая и шатаясь*). Боже! голова моя, голова моя!... Голосъ?

БЕРТА. Грубый, непріятный.

ВЕРРИНА (*вспыльчиво*). Какого цвѣта?... Нѣтъ, ничего не хочу слышать болѣе! Плащъ—какого цвѣта?

БЕРТА. Мнѣ показалось — зеленый.

ВЕРРИНА (*закрываетъ лицо обѣими руками и падаетъ въ изнеможеніи на софу*). Успокойся, дитя мое! Это у меня голова закружилась. (*Руки его безсильно опускаются внизъ; лицо блѣдно, какъ у мертвеца.*)

БЕРТА (*ломая руки*). Милосердное небо! это не мой отецъ!

ВЕРРИНА (*послѣ нѣкотораго молчанія съ горь-*

кимъ смѣхомъ). Подѣломъ тебѣ, трусь Веррина! Злодѣй насмѣялся надъ святилищемъ законовъ, но ты не довольствовался этимъ, ты ждалъ, чтобы онъ похозяйничалъ въ святилищѣ твоей крови. (*Вскакиваетъ.*) Слышишь! позови Николо!... Пороху и пуль.... или — стой, стой! это будетъ лучше! подай мнѣ мой мечъ и читай отче нашъ. (*Схватываясь за голову*). Но чего хочу я?

БЕРТА. Мнѣ страшно, батюшка!

ВЕРРИНА. Поди, сядь возлѣ меня. (*Значительно.*) Берта, расскажи мнѣ.... Берта, какъ поступилъ тотъ сѣдовласый Римлянинъ, когда дочь его.... (*Какъ бы это выразиться!*) когда онъ нашелъ свою дочь въ такомъ же завидномъ положеніи? Берта, что сказалъ Виргиній своей поруганной дочери?

БЕРТА (*дрожа*). Я не знаю.

ВЕРРИНА. Глупая! *ничего* не сказалъ онъ. (*Быстро вскакиваетъ и хватается за мечъ*). Онъ взялъ мечъ....

БЕРТА (*въ ужасъ бросается ему на шею*). Великій Боже! что вы хотите дѣлать?

ВЕРРИНА (*бросая мечъ*). Нѣтъ! есть еще правосудіе въ Генуѣ!

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

САККО. КАЛЬКАНЬО. ПРЕЖНІЕ.

КАЛЬКАНЬО. Живѣй, Веррина! Сбирайся. Сегодня начинаются выборы Республики. Мы спѣшимъ въ Синьорію — выбирать новыхъ сенаторовъ. Улицы кипятъ

народомъ. Дворянство спѣшитъ въ Ратушу. Ты вѣдь пойдешь съ нами (*насмѣшливо*) полюбоваться на тріумфъ нашей свободы?

Сакко. На полу валяется мечъ. Веррина смотритъ дико. Глаза Берты покраснѣли отъ слезъ.

Кальканьо. Клянусь Богомъ! теперь и я замѣчаю все это. Сакко, здѣсь случилось несчастіе.

Веррина (*придвигая два кресла*). Садитесь.

Сакко. Другъ, ты насъ пугаешь.

Кальканьо. Другъ, я еще никогда не видалъ тебя такимъ. Не плачь Берта, я бы спросилъ: не гибнетъ ли Генуя?

Веррина (*мрачно*). Гибнетъ! Садитесь. (*Кальканьо и Сакко садятся.*)

Кальканьо (*въ ужасъ*). Веррина, заклинаю тебя!

Веррина. Слушайте.

Кальканьо. Я предчувствовалъ что то не доброе, Сакко!

Веррина. Генуэзцы, вы оба знаете древность моего имени. Ваши предки носили шлейфы у моихъ предковъ. Мои отцы проливали кровь во всѣхъ битвахъ отечества. Мои матери были примѣромъ для Генуэзокъ. *Честь* была нашимъ единственнымъ сокровищемъ и переходила въ наслѣдство отъ отца къ сыну. Или другіе, можетъ быть, думаютъ иначе?

Сакко. Ни кто!

Кальканьо. Какъ Богъ святъ, ни кто!

Веррина. Я послѣдній въ нашемъ родѣ. Жена моя сошла въ могилу и оставила мнѣ одну эту дочь. Генуэзцы, вы знаете, какъ я воспитывалъ ее! Кто осмѣлится сказать, что я мало заботился о Бертѣ?

Кальканьо. Дочь твоя—примѣръ для Генуэзокъ.

ВЕРРИНА. Друзья, я старъ. Потеряй я эту — мнѣ не имѣть уже другой. Память моя гаснетъ. (*Потрясающимъ душою голосомъ.*) Я потерялъ ее! Мой родъ обезчещенъ!

ОБА (*въ сильномъ волненіи*). Да сохранить ее Богъ! (*Берта въ отчаяніи мечется на софѣ.*)

ВЕРРИНА. Нѣтъ, не сомнѣвайся, дитя мое! Эти люди храбры и добры. Ихъ слезы надъ тобою откликнутся гдѣ нибудь кровью. Не удивляйтесь, Генуэзцы! (*Протяжно и значительно.*) Кто угнѣтаетъ Геную, тому не мудрено наругаться надъ невинной дѣвушкой.

ОБА (*вскакиваютъ и опрокидываютъ свои кресла*). Джіанеттино Дорія!

БЕРТА (*съ воплемъ*). Да обрушатся на меня стѣны! Это Сципіонъ!

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Бургоньино. Прежніе.

Бургоньино (*въ волненіи*). Радуйся, Берта! счастливая вѣсть! Благородный Веррина, я пришелъ молить васъ — отдать мнѣ мое блаженство. Я давно люблю вашу дочь, но до сихъ поръ не рѣшался просить руки ея, потому что все мое состояніе плыло на коварныхъ доскахъ изъ Короманделя. Но теперь моя фортуна влетѣла въ гавань, и, какъ говорятъ, привезла мнѣ несмѣтныя сокровища. Теперь я богатъ.

Отдайте мнѣ Бертѣ и я сдѣлаю ее счастливой. (*Берта закрываетъ лицо руками. Молчаніе.*)

ВЕРРИНА (*подумавъ, къ Бургоньино*). Молодой человѣкъ, неужели ты хочешь бросить свое сердце въ лужу?

БУРГОНЬИНО (*хватается за мечъ, но тотчасъ опускаетъ руку*). Это сказалъ отецъ.

ВЕРРИНА. Это скажетъ тебѣ каждый бездѣльникъ въ Италіи. Или, можетъ быть, ты согласенъ довольствоваться чужими объѣдками?

БУРГОНЬИНО. Не мучь меня, старикъ.

КАЛЬКАНЬО. Бургоньино, старикъ говоритъ правду.

БУРГОНЬИНО (*бросаясь къ Бертѣ*). Правда? Меня провела развратница?

КАЛЬКАНЬО. Бургоньино, потише! — Она невинна, какъ ангелъ.

БУРГОНЬИНО (*останавливается въ изумленъ*). Невинна и обезчещена! Клянусь спасеньемъ души моей — я ничего не понимаю. Вы смотрите другъ на друга и молчите. Какое то чудовищное злодѣйство готово сорваться съ вашихъ нѣмѣющихъ устъ. Заклинаю васъ, не тѣшьте болѣе надъ моимъ разсудкомъ! Она невинна! Кто сказалъ — невинна?

ВЕРРИНА. Дитя мое не виновато.

БУРГОНЬИНО. Стало быть — насиліе! (*Хватаетъ мечъ съ полу.*) Генуэзцы, заклинаю васъ всѣми грѣхами подлуннаго міра! — гдѣ, гдѣ найду я разбойника?

ВЕРРИНА. Тамъ же, гдѣ найдешь утѣснителя Генуи! (*Бургоньино стоитъ, какъ пораженный громъ. Веррина въ раздумьѣ ходитъ взадъ и впередъ, потомъ останавливается*). Если только я понимаю Твои неисповѣдимые пути, вѣчное Провидѣ-

ніе, Ты хочешь спасти Геную позоромъ моей Берты. (*Онъ подходитъ къ ней, медленно снимаетъ траурный флеръ съ руки своей, торжественно.*) Пока кровь Дорія не смоетъ этого страшнаго пятна, до тѣхъ поръ дневной лучъ да не падетъ на твои щеки. До тѣхъ поръ (*набрасываетъ на нее флеръ*) — ослѣпни. (*Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ. Молчаніе. Веррина кладетъ руку на голову Берты, торжественно.*) Да будетъ проклятъ воздухъ, которымъ ты дышешь! да будетъ проклятъ сонъ, подкрѣпляющій твои силы! да будетъ проклятъ тотъ, кто захочетъ утѣшить тебя! Скройся въ самый подземный изъ подземныхъ подваловъ моего дома; плачь, тоскуй, утоми самое время своими страданіями. (*Содрагается; потомъ продолжаетъ.*) Жизнь твоя да будетъ судорожными корчами издыхающаго червя — отчаянною, мучительною борьбою между бытіемъ и небытіемъ. Это проклятіе да тяготѣетъ надъ тобою, пока Джіанеттино не испуститъ послѣдняго дыханія. Если жь мщеніе не разразится надъ извергомъ — влачи его черезъ всю вѣчность, пока отыщешь то мѣсто, гдѣ соединяются оба конца ея безпредѣльнаго круга. (*Глубокое молчаніе. Ужасъ изображается на всѣхъ лицахъ. Веррина глядитъ на нихъ твердымъ, проникающимъ взглядомъ.*)

Бургоньино. Ты зловѣщій воронъ, а не отецъ! Что ты сдѣлалъ? Какъ у тебя достало духа обременить свою бѣдную, невинную дочь такимъ ужаснымъ проклятіемъ?

Веррина. Не правда ли — ужасно, мой нѣжный женихъ? (*Значительно.*) Кто жь изъ васъ, выходя отсюда, рѣшится проповѣдывать теперь о хладнокровіи

и отстрочкѣ? Жребій Генуи палъ на мою Бертю. Я пожертвовалъ сердцемъ отца долгу гражданина. Теперь вы знаете, что трусость ваша будетъ причиной безконечныхъ страданій этого невиннаго агнца: кто жь, послѣ этого, станетъ медлить освобожденіемъ Генуи? Клянусь небомъ, это не бредни сумасшедшаго. Я далъ обѣтъ—и не пожалѣю дочери, пока не погибнетъ Доріа, хотя бы мнѣ пришлось самому изобрѣтать мученія, и это невинное существо замучить въ канибальской пыткѣ. Вы дрожите, вы смотрите на меня, какъ замогильные призраки! Еще разъ, Сципіонъ!—она будетъ для меня залогомъ твоего мщенія тирану. Этой драгоценной нитью я связую твои, свои и ваши обязанности. Да погибнетъ деспотъ Генуи,—или слезы и отчаянье будутъ удѣломъ моей дочери! И я исполню свою клятву.

Бургоньино (*бросаясь къ ногамъ Берты*). И онъ падетъ, падетъ за Геную, какъ жертвенный волъ. Мой мечъ также вѣрно вонзится въ сердце Доріа, какъ вѣрно то, что я напечатлѣваю теперь на устахъ твоихъ поцѣлуй жениха. (*Встаетъ.*)

Веррина. Первая чета, благословленная фуріями! Подайте другъ другу руки. Твой мечъ вонзится въ сердце Доріа? — возьми ее, она твоя!

Кальканьо (*преклоняя колѣно*). Еще одинъ Генуэзецъ преклоняетъ предъ тобою колѣно и кладетъ свой губительный мечъ къ ногамъ невинности. Да обрѣтетъ Кальканьо такъ же вѣрно путь къ вѣчному блаженству, какъ его мечъ къ сердцу Доріа. (*Встаетъ.*)

Сакко (*преклоняя колѣно*). Рафаэль Сакко, хотя послѣдній, но также твердо склоняетъ передъ тобой свое колѣно. Если это желѣзо не отопретъ твоей тем-

ницы, Берта, — да отвратить Всеслышущій слухъ свой отъ моей послѣдней молитвы. (*Встаетъ.*)

ВЕРРИНА (*радостно*). Генуя, въ лицѣ моемъ, благодарить васъ, друзья мои! Теперь иди, дитя мое! Радуйся, что стала славной жертвой отечества.

Бургоньино (*обнимая ее*). Иди! Надѣйся на Бога и Бургоньино! Одинъ и тотъ же день освободить и Геную, и Берту. (*Берта уходитъ.*)

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ, *кромя* БЕРТЫ.

КАЛЬКАНЬО. Генуэзцы, прежде, чѣмъ приступимъ къ дѣлу, еще одно слово.

ВЕРРИНА. Догадываюсь.

КАЛЬКАНЬО. Довольно ли будетъ четырехъ патріотовъ, чтобы сокрушить тиранство, эту стоглавую гидру? Не возмутить ли чернь? не склонить ли дворянство на нашу сторону?

ВЕРРИНА. Понимаю. Слушайте жь! я уже давно нанялъ живописца, который употребляетъ все свое искусство, чтобы изобразить паденіе Аппія Клавдія. Фіеско любитъ искусства, и легко воспламеняется при взглядѣ на возвышенныя сцены. Мы отнесемъ картину въ его дворецъ и послушаемъ, что онъ скажетъ, когда будетъ ее разсматривать. Быть можетъ, одинъ взглядъ на нее пробудитъ въ немъ прежній гений; быть можетъ....

Бургоньино. Зачѣмъ? Увеличивай опасность, а не помощниковъ, говоритъ герой. Уже давно чувствую я въ груди своей что-то такое, чего ни чѣмъ не могъ насытить. Теперь я узналъ, что это такое! (*Героически.*) Надо мною — тиранъ.

(Занавѣсъ опускается.)

ВТОРОЙ АКТЪ.

Приемная комната во дворцѣ Фіеско.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕОНОРА. АРАБЕЛЛА.

АРАБЕЛЛА. Нѣтъ! — повѣрьте мнѣ. Вы ошиблись. Ревность ослѣпляетъ васъ.

ЛЕОНОРА. Это былъ портретъ Юліи. Ты меня не разувѣришь. Мой силуэтъ былъ на голубой лентѣ, а эта пунцовая. Мой жребій выпалъ.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Прѣжніе. Юлія.

Юлія (*входя*). Графъ предложилъ мнѣ свой дворецъ, чтобъ я могла лучше увидѣть церемонію шествія въ Сенатъ. Не знаю, какъ убить время. Займите меня чѣмъ нибудь до шоколаду. (*Арабелла уходитъ и тотчасъ возвращается.*)

Леонора. Если угодно, я приглашу гостей?

Юлія. Ужасно нужно. Развѣ я для нихъ сюда пріѣхала? Постарайтесь сами разсѣять мою скуку, графиня (*прохаживаясь по комнатѣ и любуясь собою*), если можете, потому что я и безъ того ничего не потеряю.

Арабелла (*насмѣшливо*). За то ваше прелестное платье потеряетъ очень много. Подумайте только, не жестоко ли лишать лорнеты молодыхъ франтовъ такого чарующаго зрѣлища? А эта чудная игра жемчуга, того и смотри, прожжетъ кому нибудь глаза.

Юлія (*передъ зеркаломъ*). Ты находишь, моя милая? Но, послушай, милая, развѣ ты и языкъ свой отдала въ наймы графинѣ? Прекрасно, синьора, поручать горничнымъ говорить комплименты гостямъ.

Леонора. Къ несчастію, дурное расположеніе духа уменьшаетъ для меня удовольствіе вашего посѣщенія.

Юлія. Это скверная привычка. Она то дѣлаетъ васъ такой необходимой и вялой. Будьте живы, развязны, остроумны. Только этимъ путемъ вы можете привязать къ себѣ мужа.

ЛЕОНОРА. Я знаю только *одинъ* путь, графиня; а вашъ пусть останется симпатическимъ средствомъ.

Юлія (*не обращая вниманія на ея слова*). И какъ вы себя держите, синьора! Обращайте по больше вниманія на ваше тѣло. Прибѣгайте къ искусству тамъ, гдѣ природа была для васъ мачихой. Подрумяньте ваши безцвѣтныя щеки: онѣ хранятъ слѣды болѣзненныхъ страстей. Бѣдное созданье! Въ такомъ видѣ ваше личико никогда не найдетъ покупщика.

ЛЕОНОРА (*весело Белль*). Порадуйся со мною, Белла! Не можетъ быть, что бъ я потеряла моего Фіеско, или я ничего въ немъ не потеряла. (*Роза приноситъ шоколадъ; Белла разливаетъ.*)

Юлія. Вы что-то сказали о *потерь*? Но, Боже мой! какъ это пришла вамъ въ голову такая трагическая мысль — выйти за Фіеско? Къ чему эта высота, дитя мое, гдѣ вы по необходимости должны быть на виду, подвергаться *сравненію*? По чести, мое сокровище, бездѣльникъ или дуракъ сосваталъ васъ за Фіеско. (*Взявъ ея руку, съ видомъ состраданія.*) Бѣденькая! Человѣкъ, терпимый въ высшемъ обществѣ, никогда не могъ быть вамъ парой. (*Беретъ чашку.*)

ЛЕОНОРА (*съ улыбкой Белль*). Или онъ самъ бы не захотѣлъ быть терпимымъ въ этомъ высшемъ обществѣ.

Юлія. У графа пріятная наружность, свѣтскость, вкусъ. Графу посчастливилось сдѣлать знакомства въ высшемъ кругу. Графъ пылкаго темперамента. Вотъ онъ, разгоряченный, вырывается изъ образованнаго свѣтскаго круга; приходитъ домой: жена встрѣчаетъ его будничною нѣжностью; охлаждаетъ его жаръ мокрымъ, ледянымъ поцѣлуемъ; отмѣриваетъ ему свои

ласки такъ экономно, словно нахлѣбнику. Бѣдный мужъ! Тамъ улыбается ему цвѣтущій идеаль, — тутъ надоѣдаетъ плаксивая чувствительность. Синьора, ради самаго Бога!—если онъ не лишился разсудка, что прикажете ему выбрать?

ЛЕОНОРА (*подавая ей чашку*). Васъ, синьора, если онъ лишился его.

Юлія. Хорошо. Пусть эта колкость вонзится въ ваше собственное сердце. *Трепещи* за эту колкость, но прежде, чѣмъ станешь трепетать, *покраснѣй!*

ЛЕОНОРА. А, вамъ знакома и эта вещица, синьора? Почему же и нѣтъ? Вѣдь это только туалетная уловка?

Юлія. Каково! Значить надо раздражить червяка, чтобы выжать изъ него искру природнаго остроумія. Не дурно для перваго раза. Я пошутила, синьора! Дайте мнѣ руку въ знакъ примиренія.

ЛЕОНОРА (*подавая ей руку, выразительно*). Имперіали, вы безопасны отъ моего гнѣва.

Юлія. Великодушно, нечего сказать! Да отчего же мнѣ и не быть безопасной, графиня? (*Протяжно и коварно.*) Если я ношу на себѣ изображеніе одной особы, — не слѣдуетъ-ли изъ этого, что и оригиналь мнѣ дорогъ? Какъ вы думаете объ этомъ?

ЛЕОНОРА (*покраснѣвъ, въ смущеніи*). Что говорите вы? Надѣюсь, это заключеніе слишкомъ поспѣшно.

Юлія. И я думаю тоже. *Сердце* не спрашивается разсудка. Истинное чувство безъ прикрасъ.

ЛЕОНОРА. Боже мой! что навело васъ на эту истину.

Юлія. Состраданье, одно состраданье.... Видите-ли, это справедливо и въ обратномъ смыслѣ, — и вы не потеряли еще вашего Фіеско. (*Отдаетъ ей ея силуэтъ и злобно хохочетъ.*)

ЛЕОНОРА (*съ горечью*). Мой силуэтъ? Вамъ?
(*Въ тоску опускается въ кресло.*) О, безсовѣст-
ный человѣкъ!

ЮЛІА (*торжествуя*). Что, отомстила ли я? ото-
мстила? Что-жь, синьора, видно у васъ нѣтъ болѣе
колкостей въ запасѣ? (*Громко, на всю сцену.*) Ка-
рету! Дѣло сдѣлано. (*Леоноръ, трепля ее по под-
бородку.*) Утѣштесь, дитя мое! Онъ далъ мнѣ силу-
этъ въ припадкѣ безумія. (*Уходитъ.*)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

КАЛЬКАНЬО *входитъ.*

КАЛЬКАНЬО. Имперіали вышла отсюда съ разго-
рѣвшимся лицомъ, а вы такъ встревожены, ма donna?

ЛЕОНОРА (*съ глубокою горестью*). Нѣтъ, это не-
слыханно!

КАЛЬКАНЬО. Небо и земля! ужь не плачете ли вы?

ЛЕОНОРА. Прочь съ глазъ моихъ, вы, другъ без-
человѣчнаго!

КАЛЬКАНЬО. Кого — безчеловѣчнаго? Вы пугаете
меня.

ЛЕОНОРА. Моего мужа — Фіеско.

КАЛЬКАНЬО. О чемъ вы говорите?

ЛЕОНОРА. Всего объ одномъ злодѣйскомъ поступкѣ,
весьма обыкновенномъ у васъ, мужчинъ.

КАЛЬКАНЬО (*схватывая ея руку, съ жаромъ*).

Синьора, у меня есть еердце для плачущей добродѣтели.

ЛЕОНОРА (*сухо*). Вы мужчина — оно не для меня.

КАЛЬКАНЬО. Для васъ, полно вами. О, если бы вы знали, какъ безконечно сильно. . . .

ЛЕОНОРА. Вы лжете! — вы увѣряете, не думая дѣйствовать.

КАЛЬКАНЬО. Клянусь вамъ!

ЛЕОНОРА. Лживыя клятвы! Перестаньте! Вы утомляете руку Божію, записывающую ихъ. Мужчины, мужчины! если бы всѣ ваши клятвы могли превратиться въ дьяволовъ, они завоевали бы небо и увели въ плѣнъ ангеловъ свѣта.

КАЛЬКАНЬО. Вы бредите, графиня! Огорченіе дѣлаетъ васъ несправедливою. Неужели цѣлый полъ долженъ отвѣчать за проступокъ одного мужчины?

ЛЕОНОРА (*пристально взглянувъ на него*). Я молилась всему вашему полу въ одномъ человѣкѣ, отчего-жъ не проклинать мнѣ его въ одномъ?

КАЛЬКАНЬО. Попробуйте, графиня! Въ первый разъ ваше сердце ошиблось. . . . Я знаю мѣсто, гдѣ оно могло бы поправить эту ошибку.

ЛЕОНОРА. Вашъ лживый языкъ способенъ изгнать Творца изъ среды его созданія. Я не хочу васъ слушать.

КАЛЬКАНЬО. Въ *моихъ* обѣятіяхъ еще нынче отреклись бы вы отъ вашего приговора.

ЛЕОНОРА (*внимательно*). Договаривайте. Въ *вашихъ*? . . .

КАЛЬКАНЬО. Въ *моихъ* обѣятіяхъ, готовыхъ принять покинутую и вознаградить потерянную любовь.

ЛЕОНОРА (*лукаво*). Любовь?

КАЛЬКАНЬО (*пламенно, стоя передъ ней на ко-
лѣнахъ*). Да, я высказался. Любовь, *ma donna*! Жить,
или умереть — будетъ зависѣть отъ вашего отвѣта.
Если страсть моя — преступленіе, пусть соединятся
тогда концы добродѣтели и порока, и небо и адъ со-
льются въ одно проклятiе.

ЛЕОНОРА (*отступивъ съ негодованiемъ, вели-
чаю*). Такъ вотъ куда мѣтило твое участiе, притвор-
щикъ? Однимъ колѣнопреклоненьемъ ты измѣнилъ и
дружбѣ и любви. Прочь съ глазъ моихъ! Презрѣнный
попъ! До сихъ поръ я думала, что ты обманываешь од-
нихъ только женщинъ; но *этого* я не знала, что ты
бываешь измѣнникомъ и въ отношеніи къ самому себѣ.

КАЛЬКАНЬО (*встаетъ озадаченный*). Графиня!

ЛЕОНОРА. Мало того, что этотъ лицемеръ сломилъ
священную печать довѣренности, онъ хочетъ отравить
и чистое зеркало добродѣтели своимъ ядовитымъ ды-
ханьемъ и научить мою невинность вѣроломству.

КАЛЬКАНЬО (*быстро*). Что касается вѣролом-
ства, — не *однѣ* вы были бы въ немъ виноваты, *ma donna*.

ЛЕОНОРА. Понимаю! — и мое горе должно было
обольстить мои чувства въ твою пользу? *Этого* только
не зналъ ты (*горделиво*), что и самое возвышенное
несчастье — *страдать изъ за Фіеско* уже облагора-
живаетъ сердце женщины. Прочь! Униженіе Фіеско
не возвыситъ какого нибудь Кальканьо, но — унизитъ
человѣчество. (*Поспѣшно уходитъ.*)

КАЛЬКАНЬО (*озадаченный, провожаетъ ее гла-
зами. За тѣмъ уходитъ, ударивъ себя рукой по
лбу*). Глупецъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАВРЪ. ФІЕСКО.

ФІЕСКО. Кто это вышелъ отсюда?

МАВРЪ. Маркизь Кальканьо.

ФІЕСКО. На софѣ оставленъ носовой платокъ. Моя жена была здѣсь.

МАВРЪ. Только что встрѣтилъ её въ сильномъ волненіи.

ФІЕСКО. Платокъ совсѣмъ влаженъ. (*Прячетъ его.*) Кальканьо былъ здѣсь? Леонора въ сильномъ волненіи? (*Подумавъ, Мавру.*) Вечеромъ я спрошу тебя, что здѣсь случилось?

МАВРЪ. Белла любить, когда ей говорятъ, что она блондинка. Вечеромъ я вамъ отвѣчу.

ФІЕСКО. И такъ — прошло тридцать часовъ. Исполнилъ ли мое порученіе?

МАВРЪ. До іоты, ваше сіятельство.

ФІЕСКО (*садится*). Въ такомъ случаѣ скажи, что болтаютъ про Доріевъ и настоящее правленіе?

МАВРЪ. Ругаютъ подлѣйшимъ манеромъ. Уже одно слово: Дорія — трясетъ ихъ, какъ лихорадка. Джіанеттино ненавидятъ до смерти. Всѣ ропщутъ. Французы, говорятъ они, были крысами для Генуи; котъ Дорія переѣлъ ихъ, и теперь принялся за мышей.

ФІЕСКО. Это похоже на правду. Но не знаютъ ли они какой собаки на этого кота?

МАВРЪ (*равнодушно*). Городъ болтаетъ и сплошь

и рядомъ про одного извѣстнаго, — извѣстнаго . . . .
Какъ бишь его? — Неужели я забылъ его имя?

Фіеско (*вставъ*). Болванъ! Его также легко запомнить, какъ трудно было *сдѣлать*. Развѣ въ Генуѣ болѣе одного?

Мавръ. Также, какъ нѣтъ двухъ графовъ Лаванья.

Фіеско (*садится*). Это другое дѣло! А что говорятъ о моей разгульной жизни?

Мавръ (*смотритъ на него во весь глаза*). Послушайте, графъ Лаванья! — Генуя, должно-быть, очень высокаго мнѣнія о васъ. Ни какъ не могутъ переварить, что человѣкъ высокаго рода, съ головой и вліяніемъ, исполненный талантовъ и огня, владѣлецъ состоянія въ четыре милліона, княжеской крови, человѣкъ, какъ Фіеско, къ которому, по первому мановенію, устремились бы всѣ сердца. . . .

Фіеско (*отвернувшись съ презрѣніемъ*). И это слышать отъ бездѣльника!

Мавръ. Что великій человѣкъ Генуи готовъ проспать великое паденіе Генуи. Многіе сожалеютъ, очень многіе осмѣиваютъ, большая часть проклиняетъ васъ. Всѣ оплакиваютъ государство, потерявшее васъ. *Одному іезуиту впору пронюхатъ, что въ спальнѣй халатъ залѣзла лиса.*

Фіеско. *Лиса чуетъ лису.* А что поговариваютъ о моемъ волокитствѣ за графиней Имперіали?

Мавръ. Что я, конечно, поудержусь повторить передъ вами.

Фіеско. Говори смѣло. Чѣмъ рѣзче, тѣмъ лучше. И такъ, что поговариваютъ объ этомъ?

Мавръ. Не поговариваютъ, а во всѣхъ кофей-

няхъ, билліардныхъ, трактирахъ, гуляньяхъ, на рынкѣ, на биржѣ *кричатъ* всѣ во все горло. . . .

Фіеско. Что? Я приказываю тебѣ!

Мавръ (*отступая*). Что вы—дуракъ!

Фіеско. Прекрасно. Вотъ тебѣ цехинъ за это извѣстіе. Шутовской колпакъ надѣтъ; Генуэзцы заняты мною; скоро я выбрѣю себѣ голову, чтобъ занять по праву мѣсто въ ихъ арлекинадѣ. Какъ приняли мои подарки продавцы шелковыхъ матерій?

Мавръ (*шутовски*). Дуракъ, они прикинулись бѣдными грѣшниками. . . .

Фіеско. Дуракъ? Ты съ ума спятилъ, любезный?

Мавръ. Винавать! Мнѣ захотѣлось получить еще нѣсколько цехиновъ.

Фіеско (*слѣясь, даетъ ему одинъ*). И такъ—бѣдными грѣшниками. . . .

Мавръ. Что ужъ лежали на плахѣ и вдругъ услышали прощенье. Они ваши душой и тѣломъ.

Фіеско. Это меня радуетъ. Они имѣютъ вліяніе на генуэзскую чернь.

Мавръ. Чтò была за сцена! Еще немного, чортъ возьми, — и я вошелъ бы во вкусъ великодушія. Они, какъ съумасшедшіе, вѣшались мнѣ на шею; красотки, казалось, влюбились въ мой наслѣдственный цвѣтъ, — такъ облѣпили они мое лунное затмѣніе. Золото, ты всемогуще! подумалъ я: и Мавра можешь сдѣлать бѣлымъ.

Фіеско. Твоя мысль лучше почвы, на которой она выросла. Извѣстія, принесенныя тобою, хороши; но выйдетъ ли изъ нихъ *дѣло*?

Мавръ. Какъ гроза изъ скопившихся тучъ. Вездѣ перешептываются, собираются въ кучки, произносятъ:

гмъ! чуть пройдетъ незнакомый. Удушливый воздухъ охватилъ всю Геную. Неудовольствіе, какъ черная туча, нависла надъ Республикой: стоитъ дунуть вѣтру — и грянетъ градъ и молнія.

Фіеско. Тихе! чу! Что значитъ этотъ шумъ?

Мавръ (*подбѣгаетъ къ окну*). Это народъ возвращается изъ Синьоріи.

Фіеско. Сегодня избраніе прокуратора. Прикажи подать экипажъ. Не можетъ быть, чтобы засѣданіе окончилось, какъ слѣдуетъ. Мечъ и плащъ. Гдѣ же мой орденъ.

Мавръ. Синьоръ, я его укралъ и заложилъ.

Фіеско. Радуюсь.

Мавръ. Какъ же это? Развѣ не будетъ никакой награды?

Фіеско. За то, развѣ, что не укралъ и плаща?

Мавръ. За то, что открылъ вора.

Фіеско. Шумъ приближается. Чу! это не клики одобренія. (*Быстро.*) Бѣги, отвори ворота! У меня есть предчувствіе. Дорія дерзокъ до безумія. Государство колеблется на остріѣ иголки. Въ Синьоріи вѣрно не обошлось безъ шума.

Мавръ (*у окна*). Что это? Вдоль улицы Бальби стремятся толпы народа, блестятъ алебарды, мечи. . . . Сенаторы бѣгутъ сюда.

Фіеско. Это возмущеніе. Вмѣшайся въ толпу, провозгласи мое имя. Постарайся, чтобы они обратились сюда. (*Мавръ убѣгаетъ.*) Что муравей-разсудокъ съ трудомъ собираетъ въ кучу, то вихорь случая сметаетъ въ одно мгновенье.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Центуріоне, Цибо, Ассерато

съ шумомъ вламываются въ комнату.

Цибо. Графъ, простите нашему гнѣву, что входимъ безъ доклада.

Центуріоне. Я оскорбленъ, смертельно оскорбленъ племянникомъ герцога, въ присутствіи всей Синьоріи.

Ассерато. Дорія осквернилъ золотую книгу!...

Центуріоне. Потому то мы здѣсь. Въ моемъ лицѣ оскорблены вы всѣ; и потому всѣ вы должны раздѣлить мою мѣсть. Мститъ за *собственную честь* — я не сталъ бы искать помощниковъ.

Цибо. Мы всѣ оскорблены въ его лицѣ. Мы всѣ должны дышать огнемъ и пламенемъ.

Ассерато. Права націи попораны. Свобода Республики ранена на смерть.

Фіеско. Вы возбуждаете мое любопытство.

Цибо. Онъ былъ двадцать девятымъ избирателемъ, и взялъ золотой шаръ для избранія прокуратора. Двадцать восемь голосовъ уже было собрано: четырнадцать за меня, столько же въ пользу Ломеллино. Дорія и онъ еще не подавали голосовъ . . . .

Центуріоне (*перебивая его*). Еще не подавали. Я подаю за Цибо. Дорія. . . . (Чувствуете ли вы рану, нанесенную моей чести?) Дорія. . . .

Ассерато (*перебивая*). Этого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ море омываетъ Геную!

Центуріоне (*продолжая съ большимъ жаромъ*).

Доріа обнажаетъ мечъ, что у него былъ спрятанъ подъ плащомъ, натыкаетъ на него мой избирательный шаръ и говоритъ собранію:

Цибо. «Сенаторы, онъ не имѣетъ силы: онъ проколотъ. Ломеллино прокураторъ!»

Центуріоне. «Ломеллино прокураторъ!» — и бросилъ мечъ на столъ.

Ассерато. Сказалъ: «Онъ не имѣетъ силы!» — и бросилъ мечъ на столъ.

Фіеско (*послѣ нѣкотораго молчанія*). На что-жъ вы рѣшились.

Центуріоне. Республика поражена въ самое сердце. На что мы рѣшились?

Фіеско. Центуріоне, былинка никнетъ отъ дыханія. Для дубовъ нужны бури. Я спрашиваю, — на что вы рѣшились?

Цибо. По моему, надо спросить, на что рѣшилась Генуя?

Фіеско. Генуя? Генуя? Довольно объ ней! — она одряхлѣла; въ ней все рушится, за что ни возьмись. Вы надѣетесь на патриціевъ? Потому, быть можетъ, что они корчатъ кислыя рожи,жимаютъ плечами, когда рѣчь касается дѣлъ государственныхъ? Довольно объ нихъ! Ихъ геройскій огонь потухъ межъ тюковъ левантскихъ товаровъ; ихъ души боязливо парятъ надъ остъ-индскимъ флотомъ.

Центуріоне. Вы не знаете нашихъ патриціевъ. Едва Доріа успѣлъ сдѣлать эту дерзость, какъ сотни ихъ, разодравъ одежду, выбѣжали на площадь — и Синьорія опустѣла.

Фіеско (*насмѣшливо*). Какъ разлетаются голуби, когда налетитъ на нихъ ястребъ.

ЦЕНТУРІОНЕ. Нѣтъ, какъ бочки съ порохомъ, когда попадетъ въ нихъ искра.

ЦИБО. Народъ тоже свирѣпѣетъ. Чего не сдѣлаетъ разъяренный вепрь?

ФИЕСКО (*смѣется*). Слѣпой, безпомощный колоссъ! Пошумить сначала своими грубыми костями, погрозить высокому и низкому, близкому и далекому своей зіяющею пастью, и кончаетъ тѣмъ, что падаетъ, запнувшись за нитку. Пустое, Генуэзцы! Эпоха повелителей моря — прошла. Генуя пала подъ своимъ именемъ. Генуя теперь то же, что и непобѣдимый Римъ, когда онъ, какъ воланъ, упалъ въ руки изнѣженнаго ребенка Октавія. Генуя не можетъ быть болѣе свободна. Генуя должна быть согрѣта монархомъ. Генуѣ нуженъ государь: такъ вы и склонитесь передъ буйной головою Джіанеттино.

ЦЕНТУРІОНЕ (*вспыльчиво*). Когда помирятся бунтующія стихіи и сѣверный полюсъ сольется съ южнымъ! Пойдемъ, товарищи!

ФИЕСКО. Пойдите, пойдите! О чемъ вы задумались, Цибо?

ЦИБО. Ни о чемъ, или о комедіи, что называютъ землетрасеніемъ.

ФИЕСКО (*подводитъ ихъ къ статуѣ*). Взгляните на эту фигуру.

ЦЕНТУРІОНЕ. Это флорентинская Венера. Но что намъ до нея.

ФИЕСКО. Но она вамъ нравится?

ЦИБО. Я думаю.... Или мы плохіе итальянцы. Но какъ вамъ приходятъ въ голову подобные вопросы?

ФИЕСКО. Ну, такъ изъѣздите всѣ страны свѣта и сыщите, между всѣми оттисками этой модели женской

красоты, самый удачный, гдѣ бы соединялись всѣ прелести этой идеальной Венеры.

Циво. И тогда получимъ за наши труды?...

Фіеско. Тогда вы опровергнете фантазіи площадныхъ крикуновъ.

Центуріоне (*нетерпѣливо*). И выиграемъ?...

Фіеско. Выиграете старинный процессъ природы съ художниками.

Центуріоне (*вспыльчиво*). И тогда?...

Фіеско. Тогда? тогда? (*Смѣется.*) Тогда вы позабудете, что свобода Генуи грозитъ разрушеніемъ.

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско.

Шумъ около дворца увеличивается.

Удалось, удалось! Солома республики вспыхнула. Огонь охватилъ дома и башни. Сильнѣй, сильнѣй! шире разливайся, пожаръ! громче завывай, вѣтеръ, среди разрушенья!

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Мавръ запыхавшись. Фіеско.

Мавръ. Толпы за толпами!

Фіеско. Раствори ворота. Впускай все, что имѣетъ ноги.

Мавръ. Республиканцы, республиканцы! Тянутъ свою свободу подъ ярмо! кряхтятъ, какъ волю, подъ ея аристократическимъ величіемъ!

Фіеско. Глупцы они, если думаютъ, что Фіеско графъ Лаванья будетъ *продолжать* то, что Фіеско графъ Лаванья *не начиналъ*. *Возмущеніе* вспыхнуло весьма кстати. Но *заговоръ* будетъ моимъ дѣломъ. Они ломаются на лѣстницу.

Мавръ (*выбѣгая*). Да такъ они, пожалуй, разнесутъ весь домъ. (*Народъ вламывается въ залу. Двери разлетаются въ дребезги.*)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Двѣнадцать ремесленниковъ.

Всѣ. Мщеніе Дорію! мщеніе Джіанеттино!

Фіеско. *Потише*, сограждане! То, что вы изъясняете мнѣ такимъ образомъ свое расположеніе, свидѣтельствуешь въ пользу вашего добраго сердца. Но у меня уши по-нѣжнѣе . . . .

Всѣ (*еще шумнѣе*). Долой Доріевъ! долой дядю и племянника!

Фіеско (*пересчитавъ ихъ, съ усмѣшкою*). Двѣнадцать! — армія хоть куда!

Нѣкоторые. Долой этихъ Доріевъ! Государство нуждается въ другой формѣ правленія.

Первый ремесленникъ. Смѣть сталкивать съ

лѣстницы нашихъ мирныхъ судей! — съ лѣстницы мирныхъ судей! . . .

Второй. Подумайте только, Лаванья, — съ лѣстницы, когда они стали возражать ему при выборѣ.

Всѣ. Это нестерпимо! этого мы не можемъ стерпѣть!

Третій. Взять мечъ въ совѣтъ!

Первый. Мечъ, символъ войны — въ зданіе мира.

Второй. Прійдти въ Сенатъ въ пурпурѣ! — не въ чорномъ, какъ другіе сенаторы.

Первый. Ъздитъ восмерикомъ цугомъ по нашей столицѣ!

Всѣ. Измѣнникъ отечества!

Второй. Купить у императора двѣсти Нѣмцевъ въ тѣлохранители!

Первый. Иноземцевъ противъ сыновъ отечества! Нѣмцевъ противъ Итальянцевъ!

Всѣ. Измѣна! насиліе! гибель Генуи!

Первый. Гербъ Республики нарисовать на каретѣ.

Второй. Поставить статую Андрея по-среди двора Синьоріи!

Всѣ. Въ куски Андрея! Въ тысячу кусковъ — и каменнаго и живаго!

Фіеско. Генуэзцы, мнѣ то что за дѣло?

Первый. Вы не должны терпѣть этого; вы должны за всѣхъ насъ думать.

Первый. Вы дворянинъ почище его. Вамъ слѣдуетъ проучить его. Вы не должны терпѣть этого.

Фіеско. Мнѣ льститъ ваша довѣренность. Могу ли оправдать ее на дѣлѣ?

Всѣ (*шумно*). Громи! спасай!

Фіеско. Но прежде дайте рассказать вамъ басенку.

Нѣкоторые. Разсказывайте, Лаванья!

Фіеско (*садится*). Генуэзцы, во время оно, въ царствѣ животныхъ вспыхнуло возмущеніе; партіи возстали на партіи и *мясничья собака* стала во главѣ управленія. Привыкнувъ загонять скотъ въ бойню подъ ножъ, она стала и здѣсь хозяйничать по собачьи: лаяла, кусала и огладывала кости народа. Народъ ропталъ; смѣльчаки составили заговоръ и уходили неугомонную собаку. Потомъ былъ собранъ совѣтъ, чтобы разрѣшить важный вопросъ, какое правленіе самое счастливое? Голоса раздѣлились на три части. Генуэзцы, въ пользу которой рѣшили бы вы?

Первый ремесленникъ. Въ пользу народа. Все въ пользу народа.

Фіеско. Народъ и выигралъ. Правленіе перемѣнилось въ ихъ пользу. Каждый подавалъ свой голосъ. *Большенство* рѣшало. Едва прошло нѣсколько недѣль, какъ человѣкъ объявилъ войну этой вновь испеченной республикѣ. Собралось все царство. Конь, левъ, тигръ, медвѣдь, слонъ и носорогъ выступили впередъ и громко заревѣли: «къ оружію!» Дошла очередь и до другихъ. Овца, заяцъ, олень, осель, все царство насѣкомыхъ, птицъ, цѣлая армія боязливыхъ рыбъ—все выступило и завопило: «миръ!» Видите ли, Генуэзцы, трусливыхъ было *болѣе*, чѣмъ храбрыхъ, глупыхъ *болѣе*, чѣмъ умныхъ. *Большенство* взяло верхъ. Царство животныхъ положило оружіе и человѣкъ захватилъ ихъ владѣнія. И такъ этотъ образъ правленія оказался не годнымъ. Генуэзцы, чтобы предпочли вы теперь?

Первый и Второй. Выборы, разумѣется выборы!

Фіеско. Это мнѣніе понравилось. Управленіе раздѣлилось на множество камеръ. *Волки* завѣдывали фи-

нансами; *лисицы* были ихъ секретарями; *голуби* засѣдали въ уголовномъ судѣ, а *тигры* въ совѣстномъ; *козлы* рѣшали брачныя тяжбы; солдатами были *зайцы*, тогда какъ *львы* и *слоны* попали въ обозъ; *осель* сталъ полномочнымъ посломъ, а *кротъ* — главнымъ инспекторомъ надъ всѣми должностями. Генуэзцы, чего было ждать отъ такого мудраго распредѣленія? Кого не съѣдалъ волкъ, того обирала лисица, кто отдѣлывался отъ ней, того лягалъ осель. Тигры угнѣтали невинность; воровъ и убійцъ миловали голуби; и, къ довершенію благъ, когда приходилось сдавать имъ должности, кротъ находилъ, что всѣ онѣ исправлялись безукоризненно. Звѣри снова взбунтовались. «Изберемъ вмѣсто ихъ *одного!*» вскричали они всѣ въ одинъ голосъ: «но съ когтями, головой и однимъ желудкомъ.» И всѣ покорились *одному* повелителю, *одному*, Генуэзцы, но (*вставъ и подходя къ нимъ, величаво*) — это былъ левъ.

Всѣ (*рукоплещутъ и бросаютъ вверхъ шапки*).
Ловко, ловко сдѣлали!

Первый. И Генуя должна послѣдовать ихъ примѣру; и Генуя уже имѣетъ человека на примѣтѣ.

Фіеско. Я не хочу знать его имени. Ступайте по домамъ — и помните о львѣ (*Граждане выходятъ съ шумомъ.*) Все идетъ, какъ по маслу. Народъ и Сенатъ противъ Доріевъ. Народъ и Сенатъ за Фіеско. Гассанъ! Гассанъ! Надо усилить эту ненависть; оживить это сочувствіе. Эй, Гассанъ! выкидышъ ада! Гассанъ! Гассанъ!

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАВРЪ *входитъ*. ФІЕСКО.

МАВРЪ (*сердито*). У меня горятъ еще подошвы! Что тамъ опять понадобилось?

ФІЕСКО. Что я прикажу.

МАВРЪ (*льстиво*). Куда бѣжать мнѣ сперва? куда послѣ?

ФІЕСКО. На этотъ разъ ты будешь избавленъ отъ бѣготни. Тебя помнутъ только. Соберись съ духомъ. Я разглашу сейчасъ о твоёмъ злодѣйскомъ покушеньѣ, и связаннаго предамъ въ руки правосудія.

МАВРЪ (*отступивъ на шесть шаговъ*). Графъ, это противъ уговора.

ФІЕСКО. Будь покоенъ. Это — только комедія. Въ настоящую минуту все зависитъ отъ того, что бы *покушеніе Джіанеттино на мою жизнь сдѣлать вѣстмъ извѣстнымъ*. Тебя станутъ крѣпко допрашивать.

МАВРЪ. Что-жь, я сознаюсь тогда, или отопрусь?

ФІЕСКО. Отопрешься. Тебя возьмутъ въ пытку. Первую степень ты выдержишь. Эта непріятность пойдетъ въ счетъ твоего покушенья на жизнь. На второй — ты признаешься.

МАВРЪ (*въ раздумьѣ, качая головой*). Чортъ лукавъ. Чего добраго, господамъ вздумается меня позadržать, — и я буду колесованъ ради простой шутки.

ФІЕСКО. Останешься цѣль. Даю тебѣ въ томъ мое графское слово. Въ видѣ удовлетворенія, я выпрошу

предоставить твое наказаніе мнѣ самому, и тогда, передъ глазами всей Республики, прощу тебя.

Мавръ. Дѣлать нечего, согласенъ. Они порасправятъ мнѣ члены. Это придаетъ развязности.

Фіеско. Такъ вынь поскорѣе кинжалъ и оцарапай мнѣ руку, — лишь бы брызнула кровь. Я сдѣлаю видъ, будто только-что поймалъ тебя на дѣлѣ. Хорошо. *(Кричитъ.)* Разбой! разбой! убійство! Держите! запирайте ворота! *(Тащитъ Мавра за воротъ изъ комнаты. Слуги пробѣгаютъ черезъ сцену.)*

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕОНОРА, РОЗА *вбѣгаютъ испуганныя.*

ЛЕОНОРА. Убійство! я слышала крикъ: убійство! Шумъ начался здѣсь.

РОЗА. Навѣрно, пустая тревога, какъ это ежедневно бываетъ въ Генуѣ.

ЛЕОНОРА. Здѣсь закричали: убійство, а въ народѣ внятно пронеслось: Фіеско. Бездушные обманщики! Они хотѣли пощадить мои глаза, но мое сердце ихъ перехитрило. Бѣги за ними, да скорѣе, разузнай и скажи мнѣ, куда они потащили его?

РОЗА. Успокойтесь. Белла уже побѣжала за ними.

ЛЕОНОРА. Белла еще увидитъ его угасающій взглядъ! Счастливая Белла! Горе мнѣ — его убійцѣ! Если-бъ Фіеско могъ любить меня, никогда не кинулся бы онъ

въ вихорь свѣта, на кинжалы зависти. А, вотъ и Белла! Прочь! ни слова, Белла!

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Белла.

Белла. Графъ живъ и невредимъ. Я видѣла, какъ онъ неся по городу. Никогда не видала я графа такимъ красивымъ. Конь рисовался подъ нимъ, и гордымъ копытомъ отгонялъ столпившійся народъ отъ своего благороднаго сѣдока. Проѣзжая мимо, онъ замѣтилъ меня, милостиво улыбнулся, кивнулъ въ эту сторону и послалъ три поцѣлуя. (*Лукаво.*) Что мнѣ съ ними дѣлать, синьора?

Леонора (*въ восхищенъ*). Пустая болтунья! Возврати ихъ ему.

Роза. Вотъ видите! — розы снова на вашихъ щекахъ.

Леонора. Свое сердце бросаетъ онъ развратницѣ, а я молю объ одномъ взглядѣ? О, женщины, женщины! (*Уходятъ.*)

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Во дворцѣ Андрея.

Джіанеттино, Ломеллино *входятъ поспѣшно.*

Джіанеттино. Пусть ихъ ревутъ о свободѣ, какъ лъвица о дѣтёнышахъ. Я не уступлю.

Ломеллино. Но, ваша свѣтлость . . . .

Джіанеттино. Къ чорту съ своимъ *но*, трехъ-часовой прокураторъ. Я не уступлю ни на волосъ. Пусть генуэзскія башни закачаютъ головами и расходившееся море зареветъ: *нѣтъ*. Я не боюсь этой сволочи.

Ломеллино. Конечно, чернь — это горящій костеръ дровъ; но дворянство даетъ ему свой вѣтеръ въ придачу. Вся Республика въ волненьѣ: народъ и патриціи.

Джіанеттино. Вздоръ, вздоръ! Я знаю только одного, кто *могъ бы* сдѣлаться страшнымъ, но и о немъ уже позаботились.

Ломеллино. Ихъ свѣтлость! (*Андрей входитъ. Оба низко кланяются.*)

Андрей. Синьоръ Ломеллино, моя племянница желаетъ ѣхать со двора.

Ломеллино. Я буду имѣть честь ее проводить. (*Уходитъ.*)

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Андрей. Джіанеттино.

Андрей. Послушай, племянникъ! — я тобой доволенъ.

Джіанеттино. Выслушайте меня, мой свѣтлѣйшій дядя!

Андрей. Послѣдняго нищаго въ Генуѣ, если онъ того стоить; негодяя — никогда, будь онъ мой племянникъ. Я еще довольно милостивъ, что говорю съ тобой, какъ дядя; ты заслуживаешь слышать герцога и его Синьорію.

Джіанеттино. Одно только слово, свѣтлѣйшій герцогъ!

Андрей. Сперва выслушай, что ты надѣлалъ и тогда ужъ отвѣчай. Ты разрушилъ зданіе, которое я воздвигалъ, мало по малу, цѣлые полвѣка, — мавзолей твоего дяди, его единственный памятникъ — любовь Генуэзцевъ. *Это* легкомысліе прощаетъ тебѣ Андрей.

Джіанеттино. Мой дядя и герцогъ! . . .

Андрей. Не прерывай меня. Ты разрушилъ прекраснѣйшій механизмъ правленія, добытый мною у неба для моихъ Генуэзцевъ, стоившій мнѣ столько безсонныхъ ночей, опасностей и крови. Предъ цѣлой Генуей ты замаралъ мою герцогскую честь, потому что не уважилъ *мои* учрежденія. Для кого-жъ они будутъ священны, когда *моя собственная кровь* ихъ презираетъ. *Эту глупость* прощаетъ тебѣ дядя.

Джіанеттино (*обижаясь*). Государь, вы сами прочили меня въ генуэзскіе герцоги.

Андрей. Молчи! — ты измѣнникъ отечества; ты поразилъ государство въ самое сердце его жизни. Замѣть это, Джіанеттино! Оно называется — покорностью. Потому что пастухъ легъ отдохнуть вечеромъ послѣ дневныхъ трудовъ, ты ужь вообразилъ, что стадо оставлено? Потому что у Андрея стали волосы бѣлы, какъ лунь, ты вздумалъ попирать законы ногами, какъ уличный мальчишка?

Джіанеттино (*надмѣнно*). Потише, герцогъ! И въ *моихъ* жилахъ кипитъ кровь Андрея, передъ которымъ трепетала Франція.

Андрей. Молчи! — я тебѣ приказываю. Я привыкъ, чтобъ и море утихало, когда говорю я. Ты наругался надъ царственнымъ правосудіемъ въ самомъ его храмѣ. Знаешь ли, какъ за это наказываютъ, возмутитель? Отвѣчай теперь!

Джіанеттино (*стоитъ безмолвно, потупивъ глаза*).

Андрей. Несчастный Андрей! въ своемъ собственномъ сердцѣ вскормилъ ты *червя* заслугъ своихъ. Я сооружалъ Генуэзцамъ зданіе, въ сладкой увѣренности, что оно будетъ смѣяться надъ всѣми усиліями времени, и вотъ самъ вношу въ него *первый пожаръ* (*указывая на Джіанеттино*) — этого! . . . Безразсудный! благодари эту сѣдую голову, что хочетъ быть снесенной въ могилу родными руками; благодари мою безбожную любовь къ тебѣ, что я съ эшафота не бросаю головы возмутителя оскорбленному государству. (*Быстро уходитъ.*)

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛОМЕЛЛИНО *вбѣгаетъ испуганный и запыхавшись*. ДЖІАНЕТТИНО *злобно и безмолвно смотритъ герцогу вслѣдъ*.

ЛОМЕЛЛИНО. Боже, что я видѣлъ? что слышалъ? Теперь... теперь... Спасайтесь, принцъ!—теперь все потеряно!

ДЖІАНЕТТИНО (*въ бѣшенствѣ*). Что тамъ потеряно?

ЛОМЕЛЛИНО. Генуя, принцъ. Я только что съ площади. Народъ толпился во кругъ какого-то Мавра. Онъ былъ связанъ и его тащили. Графъ Лаванья и за нимъ болѣе трехъ-сотъ нобилей шли въ судилище, гдѣ пытаютъ преступниковъ. Мавръ былъ схваченъ на мѣстѣ преступленія, когда собирался убить Фіеско.

ДЖІАНЕТТИНО (*топнувъ ногою*). Какъ? Да сегодня всѣ черти противъ меня!

ЛОМЕЛЛИНО. Стали допрашивать, кто его подослалъ? Мавръ не признавался. Его взяли въ первую пытку. Не сознался. Взяли во вторую, — и онъ сознался, сознался во всемъ. Ваша свѣтлость, какъ вамъ пришло въ голову ввѣрить свою честь негодяю?

ДЖІАНЕТТИНО (*инѣвно*). Не спрашивай ни чего?

ЛОМЕЛЛИНО. Слушайте далѣе. Едва было произнесено слово: Дорія — (Лучше бъ я прочелъ свое имя въ записной книжкѣ дьявола, нежели услыхалъ тутъ ваше!), какъ Фіеско показался народу. Вы знаете его, этого человѣка, что молить повелительно, этого торговца сердцами толпы. Все собраніе, въ недвижныхъ

группахъ, полныхъ ужаса, внимало ему, едва переводя дыханье. Онъ говорилъ не долго, но когда простеръ окровавленную руку, народъ сталъ драться за падающія капли, какъ за святыню. Мавръ былъ выданъ ему, и Фіеско (Какой смертельный ударъ для насъ!) — Фіеско простилъ его. Тутъ безмолвіе народа перешло въ грозный вопль; каждое дыханіе проклинали Дорія; тогда какъ Фіеско былъ отнесенъ домой на рукахъ при тысячеголосномъ: вивать!

Джіанеттино (*съ глухимъ смѣхомъ*). Пускай ихъ бунтуютъ! Императоръ Карлъ!... Однимъ этимъ словомъ я усмирю ихъ такъ, что во всей Генуѣ не загудитъ болѣе ни одинъ колоколъ.

Ломеллино. Отъ Италіи до Богеміи далеко. Если Карлъ и поспѣшитъ — все-таки поспѣетъ развѣ на ваши поминки.

Джіанеттино (*вынимаетъ письмо съ большою печатью*). Къ счастью онъ уже здѣсь. Ты удивленъ, Ломеллино? Неужели ты думалъ — я такъ глупъ, что сталъ бы дразнить бѣшеныхъ республиканцевъ, если бъ они не были уже проданы и преданы?

Ломеллино (*озадаченный*). Не знаю, что и думать!

Джіанеттино. А я такъ думаю кой о чемъ, чего ты не знаешь. Развязка готова. Послѣ завтра падутъ двѣнадцать сенаторовъ. Дорія будетъ монархомъ, а императоръ Карлъ — его защитникомъ. Ты отступаешь?

Ломеллино. Двѣнадцать сенаторовъ! Мое сердце не довольно велико, чтобъ понять двѣнадцать разъ кровавое злодѣйство.

Джіанеттино. Простакъ! На тронѣ — это ни почемъ. Видишь ли, мы рѣшили съ министрами Карла, что Франція еще имѣетъ сильную партію въ Генуѣ, и что

она можетъ во второй разъ предать въ ея руки Республику, если не вырвать ея съ корнемъ. Это затронуло стараго Карла за живое. Онъ подписалъ мое предложение; а *ты* пиши теперь, что я продиктую.

Ломеллино. Я еще не знаю. . . .

Джіанеттино. Садись! Пиши!

Ломеллино. Но что я стану писать? (*Садится.*)

Джіанеттино. Имена двѣнадцати кандидатовъ: Франциско Центуріоне.

Ломеллино (*пишетъ*). Въ благодарность за его голосъ, онъ откроетъ погребальное шествіе.

Джіанеттино. Корнеліо Кальва.

Ломеллино. Кальва.

Джіанеттино. Михайль Цибо.

Ломеллино. Это его прохладить отъ поползновенія на прокураторство.

Джіанеттино. Томассъ Ассерато съ тремя братьями.

Ломеллино (*останавливается*).

Джіанеттино (*выразительно*). Съ тремя братьями.

Ломеллино (*пишетъ*). Далѣе?

Джіанеттино. Фіеско графъ Лаванья.

Ломеллино. Берегитесь! ой, берегитесь! Какъ бы не сломать вамъ шеи объ этотъ *чорный камень*.

Джіанеттино. Сципіонъ Бургоньино.

Ломеллино. Пусть его справляетъ свадьбу гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Джіанеттино. Гдѣ я буду дружкой невесты. Рафаэль Сакко.

Ломеллино. Этого я попросилъ бы простить, пока онъ не выплатитъ мнѣ моихъ пяти тысячъ скуди. (*Пишетъ.*) Смерть насъ сквитаетъ.

Джіанеттино. Винцентъ Кальканьо.

Ломеллино. Кальканьо. Двѣнадцатаго напишу я на свой страхъ, или нашъ злѣйшій врагъ позабыть.

Джіанеттино. Хорошій конецъ дѣлу вѣнецъ. Іосифъ Веррина.

Ломеллино. Вотъ она — голова гидры. (*Встаетъ, засыпаетъ пескомъ, пробѣгаетъ глазами бумагу и подаетъ ее принцу.*) Послѣ завтра смерть даетъ великолѣпный пиръ и приглашаетъ на него двѣнадцать генуэзскихъ князей.

Джіанеттино (*подходитъ къ столу и подписываетъ*). Свершилось! Черезъ два дня — избраніе дожа. Когда соберется Синьорія, будетъ поданъ знакъ платкомъ и эти двѣнадцать лягутъ на мѣстѣ отъ одного ружейнаго залпа; а двѣсти Нѣмцевъ займутъ между тѣмъ ратушу. Когда это будетъ кончено, Джіанеттино Дорія войдетъ въ Синьорію и заставитъ присягнуть себѣ. (*Звонитъ.*)

Ломеллино. А Андрей? . . .

Джіанеттино (*презрительно*). Старъ. (*Входитъ слуга*). Если герцогъ спроситъ обо мнѣ, сказать — у обѣдни. (*Слуга уходитъ.*) Дьяволъ, что сидитъ во мнѣ, можетъ прятаться подъ одной личиною благочестія.

Ломеллино. А бумагу, принцъ? . . .

Джіанеттино. Оставишь у себя и покажешь нашимъ приверженцамъ. Это письмо послать съ нарочнымъ въ Леванто. Оно извѣщаетъ Спинолу обо всемъ и предписываетъ ему завтра въ восемь часовъ утра быть здѣсь въ столицѣ. (*Хочетъ идти.*)

Ломеллино. Ведро съ течью, принцъ! Фіеско не бываетъ въ Сенатѣ.

ДЖІАНЕТТИНО (*останавливаясь*). Вѣдь будетъ же въ Генуѣ еще хотя *одинъ* бунтъ? Я объ этомъ посто-
раюсь. (*Уходитъ въ боковую комнату. Ломеллино
скрывается въ другой.*)

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Пріемная комната у Фіеско.

ФІЕСКО *съ письмомъ и векселями*. МАВРЪ.

ФІЕСКО. И такъ—четыре галеры прибыли?

МАВРЪ. Стоять благополучно въ Дарсенѣ на якорѣ.

ФІЕСКО. Славно. Откуда нарочные?

МАВРЪ. Изъ Рима, Піаченцы и Франціи.

ФІЕСКО (*распечатываетъ письма и пробъ-
гаетъ ихъ*). Милости просимъ, милости просимъ къ
намъ въ Геную! (*Весело.*) Угостить курьеровъ по
княжески.

МАВРЪ. Гмъ! (*Хочетъ идти.*)

ФІЕСКО. Стой! Стой! Тебѣ еще много работы.

МАВРЪ. Что прикажете? —носъ ищейки, или жа-
ло скорпіона?

ФІЕСКО. На этотъ разъ только твой языкъ. Завтра
утромъ проберутся въ городъ двѣ тысячи переодѣтыхъ
солдатъ, чтобы поступить ко мнѣ на службу. Раз-
ставь своихъ длинно-рукихъ у всѣхъ воротъ, да вели имъ
смотрѣть за всѣми входящими въ оба. Одни войдутъ
лоретскими богомольцами; другіе — монахами, или

Савоярами, или музыкантами; нѣкоторые разночинцами или труппой комедьянтовъ; большею частью оставными солдатами, что хотять кормиться генуэзскимъ хлѣбомъ. Каждаго выпросить, гдѣ онъ пристанетъ? Если отвѣтитъ: *подъ золотою змѣею* — дружески ему поклониться и указать мой дворецъ. Смотри, любезный! Впрочемъ, я вполне полагаюсь на твою смѣтливость.

Мавръ. Какъ на мою злость, графъ. Если одинъ волосъ ускользнетъ отъ меня, зарядите духовое ружье моей парой глазъ и выстрѣлите въ воробьевъ. (*Хочетъ идти.*)

Фіеско. Постой! еще одно порученье. Галеры будутъ колоть глаза народу. Замѣчай, что будутъ говорить объ этомъ. Если станутъ спрашивать, — отвѣчай, что ты *слышалъ стороной*, будто твой господинъ собирается поохотиться съ ними на Турокъ. Понимаешь?

Мавръ. Понимаю. Бороды обрѣзанцевъ торчатъ сверху; а что подъ ними — одному чорту извѣстно. (*Хочетъ идти.*)

Фіеско. Постой! Еще одна предосторожность. Джіанеттино имѣетъ новую причину меня ненавидѣть и ставить мнѣ западни. Иди и примѣчай за своими товарищами, не пронюхаешь ли какого нибудь замысла на убійство. Дорія посѣщаетъ подозрительные дома. Познакомься съ дочерями радости. Тайны кабинета охотно прячутся въ складкахъ женскаго платья. Обѣщай имъ золотыя знакомства, обѣщай своего господина. Ни что не можетъ быть слишкомъ возвышенно, чего бы ты не могъ погружать въ это болото, пока не достанешь настоящего дна.

Мавръ. Постойте! постойте! Я вхожъ къ одной

извѣстной Діанѣ Бонони, и слишкомъ годъ состоялъ при ней слугою. Третьяго дня я видѣлъ, какъ прокураторъ Ломеллино выходилъ изъ ея дома.

Фіеско. Вотъ кстати. Этотъ Ломеллино и есть главный ключъ ко всѣмъ глупостямъ Дорія. Завтра же поутру ты долженъ побывать у ней. Можетъ быть, эту же ночь онъ будетъ Эндиміономъ этой цѣломудренной Діаны.

Мавръ. Еще одно обстоятельство, сіятельный графъ! Если Генуэзцы меня спросятъ (И — чортъ меня по-бери! — они это сдѣлаютъ) — если они меня спросятъ, что думаетъ Фіеско о Генуѣ? — Станете ли вы еще долѣе носить маску? — или что отвѣчать мнѣ?

Фіеско. Отвѣчать? Подожди. Плодъ дозрѣваетъ. Потуги предвѣщаютъ роды. Генуя лежитъ на плахѣ, отвѣтишь ты, а твоего господина зовутъ Іоаннъ Людвигъ Фіеско.

Мавръ (*весело потягиваясь*). Ну, ужъ обработаю дѣло: клянусь въ томъ честию бездѣльника! Подымайся, другъ Гассанъ! Сначала въ погребокъ. У моихъ ногъ полныя руки дѣла, такъ надо побаловать желудокъ, чтобъ онъ моимъ ногамъ замолвилъ доброе слово. (*Спитъ и встаетъ, но тотчасъ возвращается.*) А прогос! Я было и забылъ! Вы хотѣли знать, что происходило между вашей женой и Кальканьо? — Ему наклеили носъ, графъ, — и все тутъ. (*Убѣгаетъ.*)

ШЕСТЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФІЕСКО *одинъ.*

Жалѣю, Кальканьо! Неужели вы думали, что я оставилъ бы на произволъ случая щекотливую статью моего брачнаго ложа, если бъ не былъ обезпеченъ съ этой стороны *добродѣтелью моей жены и моимъ собственнымъ достоинствомъ?* Ты хорошій солдатъ. Это пріобрѣтаетъ мнѣ твою руку на гибель Дорія. (*Ходитъ большими шагами назадъ и впередъ.*) Теперь, Дорія, выходи на борьбу со мною! Всѣ пружины великаго предпріятія пущены въ ходъ. Всѣ инструменты настроены къ страшному концерту. Остается снять маску и показать патріотамъ Генуи—Фіеско. (*Слышны шаги.*) Гости. Кто бы это могъ меня потревожить въ такое время?

СЕМЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ВЕРРИНА. РОМАНО, съ картиною. САККО.

БУРГОНЬИНО. КАЛЬКАНЬО. *Всѣ кланяются.*

ФІЕСКО (*встрѣчая ихъ, весело*). Здравствуйте, достойные друзья мои! Какое важное дѣло привело васъ ко мнѣ? И ты здѣсь, дорогой братъ Веррина? Скоро я разучился бы узнавать тебя, если бъ мои мысли не

были съ тобой чаще, нежели глаза. Чуть ли не съ послѣдняго бала я не видалъ моего Веррины?

Веррина. Не упрекай его, Фіеско. Тяжёлое бремя налегло съ тѣхъ поръ на его сѣдую голову. Но довольно объ этомъ.

Фіеско. Но не довольно для любопытства моей любви. На единѣ ты мнѣ скажешь болѣе. (*Бургоньино.*) Здравствуйте, юный герой! Наше знакомство еще зелено, но моя дружба уже созрѣла. Что, измѣнили ли вы свое мнѣніе обо мнѣ?

Бургоньино. Почти.

Фіеско. Веррина, я слыхалъ, что этотъ молодой человѣкъ будетъ мужемъ твоей дочери. Поздравляю съ выборомъ. Я говорилъ съ нимъ всего одинъ разъ, и, не смотря на то, почелъ бы за честь вступить съ нимъ въ родство.

Веррина. Этотъ отзывъ радуетъ меня за дочь.

Фіеско (*къ другимъ*). Сакко? Кальканьо? Все такіе рѣдкіе гости въ моей гостиной. Мнѣ скоро прійдется стыдиться своего гостепріимства, если благороднѣйшія украшенія Генуи станутъ обѣгать его. Привѣтствую моего пятого гостя, хотя мнѣ не знакомаго, но уже дорогого по сообществу съ такими достойными людьми.

Романо. Это не болѣе, какъ живописецъ, графъ! Романо по имени, что кормится обкрадываніемъ природы, не имѣетъ другаго герба, кромѣ своей кисти, и теперь пришѣлъ сюда (*съ низкимъ поклономъ*) — найти благородную черту для головы Брута.

Фіеско. Вашу руку, Романо! Ваша богиня родная моему дому. Я братски люблю ее. Искусство — правая рука природы. Природа создала только тва-

рей, искусство — *человѣка*. Но что вы пишете, Романо?

Романо. Сцены изъ энергической древности. Во Флоренціи находится мой *умирающій Геркулесъ*, моя *Клеопатра* — въ Венеціи, бѣшенный *Аяксъ* — въ Римѣ, гдѣ герои древности снова воскресли въ Ватиканѣ.

Фиеско. А теперь чѣмъ занята ваша кисть?

Романо. Она брошена, графъ. *Свѣтъ гения* расходуетъ менѣе масла, нежели *свѣтъ жизни*. Стоитъ выйти изъ колеи и тебя увѣнчаютъ *бумажной короной*. Вотъ моя послѣдняя работа.

Фиеско (*весело*). Вы пришли, какъ нельзя болѣе кстати. Сегодня я необыкновенно веселъ; все мое существо проникнуто какимъ то героическимъ покоемъ, и совсѣмъ готово отдаться чудной природѣ. Поставьте вашу картину. Мнѣ хочется сдѣлать изъ этого праздникъ. Станемъ въ кружокъ, друзья мои. Отдадимъ себя во власть художника. Поставьте вашу картину.

Веррина (*отълая знакъ другимъ*). Теперь замѣчайте, Генуэзцы!

Романо (*устанавливая картину*) Свѣтъ долженъ падать отсюда. Поднимите *эту* занавѣсь, а *ту* опустите. Хорошо. (*Отходитъ въ сторону*). Это исторія *Виргиніи* и *Аппія Клавдія*.

(*Продолжительное, многозначительное молчаніе, въ продолженіе котораго всѣ разсматриваютъ картину.*)

Веррина (*вдохновенно*). Кипи гнѣвомъ, сѣдовласый отецъ! А! ты трепещешь, тиранъ? Отчего вы такъ блѣдны, трусы Римляне? За нимъ, Римляне! Блеснулъ жертвенный ножъ. За мной, трусы Генуэзцы! Долой

Доріевъ! долой! долой! (*Махаетъ мечемъ передъ картиной.*)

Фіеско (*улыбаясь, живописцу*). Захотите ли вы еще большей похвалы? Ваше искусство сдѣлало этого старика безбородымъ мечтателемъ.

Веррина (*въ изнеможеніи*). Гдѣ я? Куда они дѣлись? . . . Исчезли, какъ мыльные пузыри? Ты здѣсь, Фіеско? Тиранъ еще живъ, Фіеско?

Фіеско. Видишь? Засмотрѣвшись, ты, кажется, забылъ про глаза. Ты находишь голову этого Римлянина достойной удивленья? Оставь ее въ покоѣ! Посмотри лучше на эту дѣвушку. Какое выраженье! Какъ мягко, какъ женственно! Какая прелесть въ этихъ поблекшихъ устахъ! Не подражаемо, божественно, Романо! А эта ослѣпительной бѣлизны грудь; какъ роскошно приподнята она послѣднею волною дыханья! Побольше такихъ нимфъ, Романо, и я преклоню колѣна передъ вашимъ воображеніемъ и подпишу отпускную природѣ.

Бургоньино. Веррина, это ли надѣялся ты услышать?

Веррина. Мужайся, сынъ мой! Богъ отринулъ руку Фіеско: значитъ Онъ избралъ *наши*.

Фіеско (*живописцу*). И такъ — это ваша послѣдняя работа, Романо! Ваше воображеніе истощено. Вы не должны болѣе братья за кисть. Но удивляясь художнику, я позабылъ о его работѣ. Я бы могъ здѣсь стоять и смотрѣть и не замѣтить землетрясенія. Уберите вашу картину. Если бъ я захотѣлъ заплатить вамъ за эту голову Виргиніи, мнѣ бы пришлось заложить Геную. Уберите вашу картину.

Романо. Слава — награда художника. Я дарю вамъ ее. (*Хочетъ уйти.*)

Фіеско. Подождите не много, Романо! (*Величаво ходитъ по комнатѣ, и кажется размышляетъ о чемъ-то великомъ. По временамъ окидываетъ присутствующихъ бѣлымъ, но пронизательнымъ взглядомъ, наконецъ беретъ живописца за руку и подводитъ къ картинѣ*). Подойди сюда, живописецъ! (*Гордо и съ достоинствомъ*). Ты гордишься, что можешь передразнивать жизнь на мертвомъ полотнѣ и безъ большаго труда увѣковѣчивать великія дѣянья. Ты величаешься поэтическимъ жаромъ, безмозгой игрой маріонетокъ фантазіи, безъ сердца, безъ силы, подвигающей къ великому. На холстѣ свергаешь тирановъ, — а самъ жалкій рабъ. Однимъ ударомъ кисти освобождаешь республики, тогда какъ не можешь разбить своихъ собственныхъ цѣпей. (*Повелительно*). Иди! Твоя работа — фиглярство. Призракъ да исчезнетъ предъ дѣломъ! (*Опрокидываетъ картину, величественно*). Я сдѣлалъ то, что ты — нарисовалъ. (*Всѣ потрясены. Романо въ смущеніи уноситъ свою картину.*)

ВОСЕМЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Фіеско. Веррина. Бургоньино. Сакко.

Кальканьо.

Фіеско (*прерывая общее молчаніе*). Вы думали, что левъ спитъ, потому, что онъ не рычалъ? Неужели вы такъ самолюбивы, что могли вообразить, буд-

то вы одни чувствуете цѣпи Генуи? одни хотите разорвать ихъ? Прежде нежели вы издали услышали ихъ звонъ, Фіеско уже разорвалъ ихъ. (*Отворяетъ шкапулку, вынимаетъ связку писемъ и разбрасываетъ ихъ по столу*). Вотъ пармскіе солдаты, вотъ французское золото, вотъ четыре папскія галеры. Чего не достаетъ еще, чтобы согнать тирана съ гнѣзда его? О чемъ еще надо вспомнить, по вашему? (*Всѣ пораженны и молчатъ. Фіеско подходитъ къ столу и говоритъ съ чувствомъ собственного достоинства*). Республиканцы! вы гораздо искуснѣе проклинаете тирановъ, нежели взрываете ихъ на воздухъ. (*Всѣ, кромѣ Веррины, безъ словъ повергаются къ ногамъ Фіеско.*)

ВЕРРИНА. Фіеско! мой духъ преклоняется предъ твоимъ, но мои колѣна неспособны на это. Ты — великій человекъ; но — встаньте, Генуэзцы!

ФІЕСКО. Вся Генуя сердилась на сластолюбца Фіеско. Вся Генуя проклинала распутнаго негодяя Фіеско. Генуэзцы, Генуэзцы! Мое распутство обмануло хитраго деспота; мои *дурачества* скрыли отъ вашей проницательности мою опасную *мудрость*. Чудное дѣло заговора закуталось въ пеленки сладострастія. Довольно. Генуя знаетъ меня въ васъ. Мое величайшее желанье — удовлетворено.

БУРГОНЬИНО (*огорченный, бросается въ кресло*). И такъ — я ничего не значу!

ФІЕСКО. Но перейдемъ отъ мыслей къ дѣламъ. Всѣ пружины готовы къ дѣйствію. Я могу осадить городъ съ моря и суши. Римъ, Франція и Парма на моей сторонѣ. Дворянство недовольно. Сердца народа — мои. Тирановъ я убаюкалъ. Республика готова преобразо-

ваться. Счастье на нашей сторонѣ. Все готово. . . Но Веррина задумался?

Бургоньино. Пойдите. Я знаю слово, способное разбудить его скорѣе, чѣмъ трубный звукъ страшнаго суда. (*Онъ подходитъ къ Верринѣ и говоритъ ему выразительно*). Отецъ, очнись! Твоя Берта въ отчаяніи.

Веррина. Кто сказалъ это? Къ дѣлу, Генуэзцы!

Фіеско. Поразмыслите объ исполненіи нашего предпріятія. Ночь застала насъ за важнымъ разговоромъ. Генуя спитъ. Заснулъ и тиранъ, утомленный грѣхами дня. Бодрствуйте за обоихъ!

Бургоньино. Прежде, чѣмъ мы разстанемся, освятимъ нашъ геройскій союзъ объятіемъ. (*Обнявъ другъ друга, образуютъ кругъ.*) Здѣсь соединяются пять славнѣйшихъ сердецъ Генуи, чтобы славнѣй рѣшить ея судьбу. (*Кръпче сжимаютъ другъ друга*). Когда разрушится мірозданіе и звукъ послѣдней трубы разорветъ связи крови и любви,—и тогда этотъ пяти-лиственный геройскаго союза да не распадется на части! (*Расходятся.*)

Веррина. Когда мы соберемся снова?

Фіеско. Завтра въ полдень я соберу ваши мнѣнья.

Веррина. И такъ — завтра въ полдень. Доброй ночи, Фіеско! Идемъ, Бургоньино! Ты услышишь нѣчто необыкновенное. (*Оба уходятъ.*)

Фіеско (*остальнымъ*). Выходите на улицу задними воротами, чтобы васъ не замѣтили шпіоны Дорія. (*Всѣ уходятъ.*)

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФІЕСКО, погруженный въ размышленіе, ходитъ взадъ и впередъ.

Что за волненіе въ груди моей! что за таинственный приливъ мыслей! Точно подозрительные братья, что выходятъ на чорное дѣло, крадутся на цыпочкахъ и боязливо потупляютъ свои разгорѣвшіяся лица, — такъ проходятъ тайкомъ роскошные призраки мимо души моей. Постойте! постойте! Дайте мнѣ посвѣтить вамъ въ лицо. Честная мысль укрѣпляетъ сердце мужчины, и геройски показываетъ себя дню. О, я знаю васъ! Это ливрея вѣчнаго лжеца. Изчезните! *(Снова молчаніе, потомъ съ возрастающимъ жаромъ)*. Республиканецъ Фіеско? Герцогъ Фіеско? Остерегись! — передъ тобой неисходная бездна, гдѣ стынетъ мозгъ добродѣтели, гдѣ небо граничитъ съ адомъ. Здѣсь-то спотыкались герои, — и падали герои, и міръ проклинаятъ имена ихъ. Здѣсь-то сомнѣніе овладѣвало героями, и герои останавливались и дѣлались полубогами. *(Съ болѣею живостью)*. Но вѣдь они мои, сердца Генуи. Вѣдь мои руки водятъ произвольно то туда, то сюда грозную Геную? О, какъ лукавъ порокъ! Каждого духа тьмы заслоняетъ духомъ свѣта. Несчастное славолубіе! застарѣлое соперничество! Духи свѣта своими поцѣлуями отняли у тебя небо и твое чрево изрыгнуло — смерть. *(Содрогаясь)* Духовъ обольщаешь ты пѣснями сиренъ о безсмертіи; людей ловишь ты золотомъ, женщинами и жаждою власти. *(Послѣ нѣкотораго молчанія.)* Пріо-

брѣсть власть—*велико*; отказаться отъ нее — *божественно*. (*Рѣшительно.*) Да погибнетъ злодѣй! Будь свободна, Генуя, а я (*пониживъ голосъ*) — твой счастливѣйшій гражданинъ!

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Дикая мѣстность.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ВЕРРИНА, БУРГОНЬИНО *идутъ въ темнотѣ*.

БУРГОНЬИНО (*останавливаясь*). Но куда ведешь ты меня, отецъ? Ты вызвалъ меня, подавленный горемъ; и оно отзывается еще до сихъ поръ въ твоёмъ неровномъ дыханіи. Отвѣчай, или я не пойду далѣе.

ВЕРРИНА. Мы на мѣстѣ.

БУРГОНЬИНО. Самомъ ужасномъ, какое ты только могъ отыскать. Отецъ, если то, что ты мнѣ намѣренъ

открыть, похоже на это мѣсто, мои волосы станутъ дыбомъ.

ВЕРРИНА. И это еще *день* въ сравненіи съ *ночью* моей души. Слѣдуй за мной туда, гдѣ тлѣніе пожираетъ тѣла, и смерть возсѣдаетъ за своей страшной трапезой; туда, гдѣ стоны погибшихъ душъ веселятъ дьяволовъ и неблагодарныя слезы горя струятся сквозь дырявое сито вѣчности, — туда, мой сынъ, гдѣ міръ измѣняетъ свой лозунгъ, и божество уничтожаетъ свое изображеніе. Тамъ стану я говорить съ тобою *конвульсіями*, и ты, скрежеща зубами, будешь внимать мнѣ.

Бургоньино. Внимать? чему?... Заклинаю тебя!...

ВЕРРИНА. Юноша! Я страшусь.... Юноша, твоя кровь еще горяча, тѣло твое нѣжно; *такія* природы чувствуютъ человѣчнѣй, мягче; на этомъ тихомъ пламени растопляется моя жѣсткая мудрость. Если бѣ холодъ старости или свинцовое бремя горя налегли на радостный полетъ твоего духа, если бѣ черная, сгустившаяся кровь страждущей природы преградила путь къ твоему сердцу, тогда бы ты могъ еще понять языкъ моихъ страданій и подивиться моему предпріятію.

Бургоньино. Я узнаю его — и оно будетъ моимъ.

ВЕРРИНА. Нѣтъ, мой сынъ! Веррина избавитъ отъ него твое сердце. О, Сципіонъ! тяжёлое бремя давитъ эту грудь: мысль, ужасная, какъ беззвѣздная ночь, способная растерзать грудь мужчины. Понимаешь ли? *Одинъ* хочу я *привести* ее въ исполненіе, но *носитъ* ее *одинъ* — я не въ силахъ. Будь я гордъ, Сципіонъ, я бы могъ сказать, что *мука быть единственнымъ великимъ человекомъ*. Слушай, Сципіонъ!...

Бургоньино. Моя душа поглащаетъ твою.

ВЕРРИНА. Слушай, но не возражай! Ни слова, юный

другъ! Слышишь ли? — ни слова противъ: *Фіеско долженъ умереть!*

Бургоньино (*въ изумленъ*). Умереть! Фіеско!

ВЕРРИНА. Умереть! Боже, благодарю тебя! Я высказался: Фіеско долженъ умереть, сынъ мой, умереть отъ руки моей. Теперь иди. Есть дѣла.... они не подлежатъ ни какому суду: ихъ судья — небо. Это одно изъ нихъ. Иди. Мнѣ не нужно ни твоей хулы, ни твоего одобренія. Я знаю, чего оно мнѣ стоитъ, и потому — довольно. Но, стой! Ты, пожалуй, додумаешься изъ за этого до безумія. Послушай! Замѣтилъ ли ты вчера, какъ онъ всматривался въ наше изумленье. Станетъ ли человѣкъ, чья улыбка провела всю Италію, терпѣть себѣ равныхъ въ Генуѣ. Иди. Фіеско свергнетъ тирана, — это вѣрно; Фіеско будетъ опаснѣйшимъ тираномъ Генуи, — это еще вѣрнѣе. (*Поспѣшно уходитъ. Бургоньино молча и съ удивленіемъ смотритъ ему въ слѣдъ, потомъ медленно слѣдуетъ за нимъ.*)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

Зала во дворцѣ Фіеско. По срединѣ большая стеклянная дверь; сквозь нее видны вдали море и Генуя. Свѣтаетъ.

ФІЕСКО у окна.

Чтобы это значило? Луна потухла; утро встаетъ все въ огнѣ изъ моря. Дикія мечты прогнали мой сонъ. Все существо мое судорожно ухватилось за одно ощу-

щенье. Мнѣ надо воздуху. (*Отворяетъ стеклянную дверь. Городъ и море окрашены утреннею зарею. Фіеско ходитъ большими шагами по комнатѣ.*) Я величайшій человекъ въ Генуѣ! — и не должны ли низшія души собратья около высшей? Но я отдаляюсь отъ добродѣтели. (*Остнавливается.*) Добродѣтель? Но избранная голова имѣетъ иныя искушенія, чѣмъ обыкновенная; неужели-жъ ей дѣлать съ ней и добродѣтель? Развѣ панцырь, облекающій тощее тѣло пигмея, можетъ быть внору великану?

(*Солнце восходитъ надъ Генуею.*)

Этотъ величавый городъ (*кидается къ дверямъ съ отверстыми объятіями*) — мой! . . . И сіять надъ нимъ подобно царственному дню, заботиться о немъ съ мощью монарха, всѣ кипучія страсти, всѣ несытыя желанья потопить въ этомъ бездонномъ океанѣ? Да, если остроуміе обманщика и не можетъ облагородить обмана, — по крайней мѣрѣ, цѣна облагораживаетъ обманщика, Подло вытащить кошелекъ изъ кармана, дерзко надуть на миллионъ, но невыразимо-велико похитить власть. Стыдъ уменьшается съ возрастаніемъ преступленія. (*Молчаніе. Потомъ значительно.*) Повиноватся? — повелѣвать? — ужасная, бездонная пропасть! Бросьте въ нее все, что только человекъ имѣетъ драгоцѣннаго: ваши побѣды, завоеватели, художники — ваши бессмертныя созданья, ваше сластолюбіе, эпикурейцы, ваши моря и острова, вы, мореходы! Повиноватся и повелѣвать: быть и не быть! Развѣ тотъ, кто перенесется черезъ страшную пропасть между послѣднимъ серафимомъ и Безконечнымъ, измѣритъ этотъ полетъ? (*Торжественно.*) Стоять на той ужасной, неизмѣримой высотѣ!

смотрѣть на кружащійся внизу водоворотъ человѣчества, гдѣ колесо слѣпой обманщицы коварно вертитъ судьбами! первому припадать устами къ кубку радости! управлять неукротимыми страстями народа, какъ бѣшенными конями, мягкою игрою поводовъ! *Однимъ* — однимъ дуновеніемъ превращать въ прахъ зазнавшуюся гордость вассала! вызывать къ жизни творческимъ железомъ грёзы своей горячки! О, эта картина возноситъ духъ выше его предѣловъ! *Одна* минута владычества поглотила мозгъ всего существованія. Не *шумъ* жизни, а ея содержаніе опредѣляетъ ей цѣну. Раздѣли громъ на простые звуки и ты станешь убаюкивать ими дѣтей; но соедини ихъ въ одинъ внезапный ударъ — и царственный звукъ потрясетъ вѣчное небо. Я рѣшился. (*Ходитъ величественно назадъ и впередъ.*)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ФІЕСКО. ЛЕОНОРА *входитъ съ замѣшательствомъ.*

ЛЕОНОРА. Простите, графъ! Боюсь, не нарушила ли я вашъ ранній покой?

ФІЕСКО (*удивленный въ высшей степени, отступаетъ назадъ*). Признаюсь, графиня, вы меня изумили.

ЛЕОНОРА. Этого не случается только съ тѣми, кто любить.

ФІЕСКО. Прелестная графиня, вы подвергаете свою красоту вредному дыханью утренняго воздуха.

ЛЕОНОРА. Но зачѣмъ мнѣ беречь немногіе ея остатки для горя.

ФІЕСКО. *Горя, моя радость? А я думалъ до сихъ поръ, что не желать ворочать государствами, значить быть спокойнымъ духомъ.*

ЛЕОНОРА. Можетъ быть. Но я чувствую, что моя женская грудь ломится подъ этимъ спокойствіемъ духа. Я пришла, графъ, обезпокоить васъ пустою просьбою, если только вамъ будетъ угодно удѣлить мнѣ нѣскольکو минутъ. Вотъ уже семь мѣсяцевъ, какъ мнѣ видится странный сонъ, что будто бы я графиня Лаванья. Теперь онъ отлетѣлъ. Голова тяжела. Я должна вызвать всѣ наслажденья моего невиннаго дѣтства, чтобы вылечить воображеніе отъ этого живаго призрака, и потому — позвольте мнѣ возвратиться въ объятія моей доброй матери.

ФІЕСКО (*сильно озадаченный*). Графиня!

ЛЕОНОРА. Вы должны имѣть состраданіе къ этой слабой, изнѣженной вещицѣ — моему сердцу. Малѣйшее воспоминаніе о чудномъ снѣ можетъ повредить моему больному воображенію; и потому я возвращаю послѣднія оставшіяся у меня залого — ихъ законному владѣльцу. (*Кладетъ на столъ нѣсколько дорогихъ вещицъ.*) И этотъ кинжалъ, пронзившій насквозь мнѣ сердце (*его любовныя письма*), — и этотъ.... и (*въ то время, какъ она, рыдая, хочетъ выбѣжать изъ комнаты*) — не оставляю себѣ ничего, кромѣ раны.

ФІЕСКО (*потрясенный, сплшитъ за нею, и останавливаетъ ее*). Леонора! что за сцена? Ради Бога!

ЛЕОНОРА (*изнеможенная, падаетъ въ его объятія*). Я не заслужила быть вашей женой; но жена ваша должна была бы заслужить ваше уваженіе. Какъ они теперь шипятъ, эти злые языки! Какъ презрительно глядятъ на меня генуэзскія дамы и дѣвицы: «Взгляните, какъ она отцвѣтаетъ, эта вѣтреница, что вздумала быть женою Фіеско!» Жестокое наказанье моему женскому самолюбію! Когда мой Фіеско велъ меня къ брачному алтарю — я презирала весь свой полъ.

Фіеско. Право, ма donna, эта сцена становится странною.

ЛЕОНОРА (*про себя*). А! Онъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ. Теперь я сильна.

Фіеско. Только два дня, графиня, и тогда обвиняйте меня.

ЛЕОНОРА. Пожертвована — (О, не допусти меня договорить предъ тобою, дѣвственная зоря!) пожертвована для кокетки. Нѣтъ! Посмотрите на меня, Фіеско! или глаза, приводящія въ рабскій трепетъ всю Геную, должны теперь потупиться предъ слезами женщины?

Фіеско (*въ смущеніи*). Ни слова болѣе, синьора! ни слова!

ЛЕОНОРА (*съ грустью и нѣкоторою колкостью*). Терзать слабое женское сердце! О, какъ это достойно сильнаго пола! Я кинулась въ объятія этого человѣка. Всѣ мои женскія слабости сладострастно прильнули къ этой мощной груди. Я отдала ему все свое небо, — и великодушный человѣкъ даритъ его какой-то . . . .

Фіеско (*прерывая ее, съ силою*). Моя Леонора, ты ошибаешься.

ЛЕОНОРА. Моя Леонора! Небо, благодарю тебя! Это прежній правдивый, золотой звукъ любви. Ко-

варный, я бы должна ненавидѣть тебя, а сама жадно бросаюсь на крохи твоей нѣжности. *Ненавидѣть?* я сказала: *ненавидѣть Фіеско?* О, не вѣрь этому! *Умереть* научить меня твоя измѣна, но ненавидѣть — никогда. Мое сердце обмануто. (*За сценой слышенъ голосъ Мавра.*)

Фіеско. Леонора, исполните-ли вы для меня одну пустую, ребяческую просьбу?

Леонора. Все, Фіеско, если только рѣчь не о вашемъ равнодушіи.

Фіеско. Что хотите! какъ хотите! (*Значительно.*) Пока Генуя не состарится двумя днями, не спрашивайте меня ни о чемъ, и не осуждайте меня. (*Уводитъ ее въжливно въ сосѣднюю комнату.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАВРЪ запыхавшись. ФІЕСКО.

Фіеско. Откуда это такъ запыхавшись?

Мавръ. Скорѣе, графъ!

Фіеско. Не забѣжало-ль чего въ твои сѣти?

Мавръ. Прочитайте это письмо. Да тутъ ли я, въ самомъ дѣлѣ? Я думаю, что или Генуя стала на двѣнадцать улицъ короче, или мои ноги во столько разъ длиннѣе. Вы блѣднѣете? Да, вамъ приходится играть на головы, и ваша уже на картѣ. Какъ это вамъ нравится?

Фіеско (*взволнованный, бросаетъ письмо на*

столъ). Косматая голова и десять чертей! — какъ завладѣлъ ты этими письмами?

Мавръ. Да почти также, какъ ваше сіятельство Республикой. Нарочный долженъ былъ скакать съ нами въ Леванто. Я пронюхалъ поживу, подстерегъ молодца въ трущобѣ: бацъ! — хорекъ лежитъ, а у насъ курица.

Фіеско. Кровь его на тебѣ! За это письмо нельзя заплатить золотомъ.

Мавръ. Я поблагодарю и за серебро. (*Серьезно и значительно.*) Графъ Лаванья, недавно мнѣ хотѣлось полакомиться вашей головой. (*Показывая письмо.*) *Этимъ возвращаю ее вамъ.* Теперь, надѣюсь, сіятельнѣйшій графъ и бездѣльникъ — квиты. За слѣдующее вы уже можете поблагодарить вашего пріятеля. (*Подаетъ ему вторую бумагу.*) Номеръ второй.

Фіеско (*беретъ бумагу, съ изумленіемъ*). Въ своемъ ли ты умѣ?

Мавръ. Номеръ второй. (*Подбоченившись, гордо становится рядомъ съ нимъ*). Кажется, левъ не сдѣлалъ большой глупости, что простилъ мышенка. (*Лукаво.*) Право, онъ поступилъ умно; иначе кто бы теперь выпуталъ его изъ сѣтей. Ну, какъ это вамъ нравится?

Фіеско. Любезный, сколько у тебя чертей въ услуженіи.

Мавръ. Къ услугамъ — всего *одинъ*, и тотъ на графскихъ хлѣбахъ.

Фіеско. Собственноручная подпись Дорія! — откуда добылъ ты эту бумагу?

Мавръ. Еще тепленькой — изъ рукъ моей Бонони. Прошлую ночь я побывалъ у ней и позвонилъ таки по-

рядкомъ вашими красными словами и еще прекраснѣйшими цехинами. Послѣдніе одолѣли. Мнѣ приказано было явиться передъ шестью часами утра. Графъ былъ дѣйствительно тамъ, какъ вы говорили, и заплатилъ *сполна* за контрабандное небо.

Фіеско (*порывисто*). Жалкіе рабы женщинъ! Хотите низвергать республики, а не умѣете помолчать передъ продажною красотою. Я вижу изъ этихъ бумагъ, что Дорія съ приверженцами составилъ заговоръ — убить меня съ одиннадцатью сенаторами и провозгласить Джіанеттино самодержавнымъ герцогомъ.

Мавръ. Не иначе, и при томъ утромъ въ день избранія дожа, третьяго числа этого мѣсяца.

Фіеско (*быстро*). Наша бурная ночь должна задушить это утро въ чревѣ матери. Живѣй, Гассанъ! Мои замыслы созрѣли. Созови своихъ . . . . Намъ нужно перегнать ихъ на одинъ кровавый скачекъ. Поспѣшай же, Гассанъ!

Мавръ. Сперва дайте мнѣ вытряхнуть передъ вами мою сумку съ новостями. Двѣ тысячи человѣкъ пробрались благополучно. Я помѣстилъ ихъ у капуциновъ, гдѣ ихъ не съищеть самъ пройдоха солнечный лучъ. Они горятъ нетерпѣніемъ увидѣть своего повелителя, и всѣ до послѣдняго brave ребята.

Фіеско. Изъ каждой головы выраститъ для тебя по скуди. Что болтаетъ Генуя о моихъ галерахъ?

Мавръ. Это самая забавная статья, ваше сіятельство. Слишкомъ четыреста авантюристовъ, которыхъ миръ между Франціей и Испаніей посадилъ на мель, пристали къ моимъ людямъ съ убѣдительною просьбой замолвить вамъ доброе слово о нихъ, чтобъ вы ихъ по-

слали на невѣрныхъ. Я велѣлъ имъ вечеромъ собраться на дворъ вашего дворца.

Фіеско (*весело*). Я, кажется, скоро обниму тебя, бездѣльникъ. Мастерское дѣло! Четыреста, говоришь ты? Теперь Генуѣ ужь нѣтъ спасенья. Четыреста скуди твои.

Мавръ (*простодушно*). Знаете, Фіеско, мы съ вами такъ перевернемъ Геную, что послѣ законы хоть метлами выметай. — Я вамъ не говорилъ, что у меня и въ здѣшнемъ гарнизонѣ есть птицы, на которыхъ могу надѣяться, какъ на свое будущее путешествіе въ адъ. Я постарался, чтобы у каждаго воротъ между часовыми было по крайней мѣрѣ по шести изъ нашихъ. Этого будетъ достаточно, чтобы занять остальныхъ и утопить въ винѣ всѣ ихъ пять чувствъ. И такъ, если вамъ пришла охота рискнуть въ эту ночь, — вы найдете стражу пьяной.

Фіеско. Ни слова болѣе. До сихъ поръ я ворочалъ громадный камень безъ человѣческой помощи; и вотъ у самой цѣли меня пристыжаетъ негоднѣйшій изъ всего человѣчества. Твою руку, молодецъ! Чего не доплатить тебѣ графъ, то возвратить съ лихвою герцогъ.

Мавръ. Вотъ еще записка отъ графини Имперіали. Она зазвала меня къ себѣ съ улицы; была весьма милостива; спросила насмѣшливо, — не разлилась ли жолчь у графини Лаванья? «Ваша свѣтлость», говорю я: «изволите только спрашивать объ *одномъ* здоровьѣ», говорю я . . . .

Фіеско (*прочитавъ записку бросаетъ еѣ*). Славно сказано. Что жъ она отвѣчала?

Мавръ. Отвѣчала, что жалѣетъ о судьбѣ бѣдной вдовы, но что она надѣется дать ей удовлетвореніе, и

запретить впередъ вашему сіятельству за собой ухаживать.

Фіеско (*насмѣшливо*). Что могло продлиться до втораго пришествія. Вотъ въ чемъ сила, Гассанъ!

Мавръ (*злобно*). Ваше сіятельство, дамскія дѣла слѣдуютъ сей часъ за политическими.

Фіеско. О, конечно! и *эти* въ особенности. Что тамъ у тебя за бумажка?

Мавръ. Одна чертовщина выкапываетъ другую. Этотъ порошокъ дала мнѣ синьора, чтобы подмѣшивать его по утрамъ въ шеколадъ вашей супруги.

Фіеско (*поблѣднѣвъ и отступивъ шагъ назадъ*). Дала тебѣ?

Мавръ. Донна Юлія, графиня Имперіали.

Фіеско (*вырываетъ у него изъ рукъ порошокъ, итѣвно*). Если ты лжѣшь, бездѣльникъ, — я тебя живаго прикую къ флюгеру башни святаго Лоренца, гдѣ вѣтеръ въ *одно* мгновенье перевернетъ тебя десять разъ. Этотъ порошокъ?

Мавръ (*нетерпѣливо*). Долженъ давать я вашей женѣ пить въ шеколадъ, какъ приказала донна Юлія Имперіали.

Фіеско (*внѣ себя*). Чудовище, чудовище! — Этому чистому существу? И эдакій адъ можетъ вмѣщаться въ одной женской душѣ? Но я зыбылъ благодарить тебя, святое Провидѣнье, что ты разрушило это, — разрушило еще злѣйшимъ демономъ! Твои пути неисповѣдимы! (*Мавру.*) Обѣщай повиноваться и молчать.

Мавръ. Согласенъ, особенно на послѣднее: она уже заплатила мнѣ за это.

Фіеско. Этой запиской она приглашаетъ меня къ себѣ. Я приду, синьора! Я уговорю васъ пожаловать

сюда. Прекрасно. Теперь бѣги, скорѣе, какъ можешь, и зови сюда заговорщиковъ.

Мавръ. Я чуялъ напередъ, что вы дадите мнѣ это приказанье, и потому пригласилъ ихъ всѣхъ собраться сюда къ десяти часамъ.

Фіеско. Я слышу шаги. Это они. Любезный, ты заслуживаешь имѣть свою собственную висѣлицу, гдѣ еще не корчился ни одинъ потомокъ Адама. Иди въ переднюю и жди пока позову.

Мавръ (*уходя*). Мавръ сдѣлалъ свое дѣло, — Мавръ можешь убираться. (*Уходитъ.*)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Всѣ заговорщики.

Фіеско (*встрѣчая ихъ*). Гроза готова разразиться. Собираются тучи. Входите потише. Заприте замокъ на оба поворота.

Веррина. Восемь дверей я заперъ за собою. Подозрѣніе не подойдетъ къ намъ и на сто шаговъ.

Бургоньино. Здѣсь нѣтъ измѣнника, если только не станетъ имъ нашъ страхъ.

Фіеско. Страхъ не переступаетъ моего порога. Привѣтствую тѣхъ, кто еще думаетъ по вчерашнему. Садитесь. (*Садятся.*)

Бургоньино (*ходитъ по комнатѣ*). Я не люблю сидѣть, когда думаю о разрушеніи.

Фіеско. Генуэзцы, насталъ рѣшительный часъ.

ВЕРРИНА. Ты требовалъ, чтобы мы обдумали планъ, какъ убить тирана. Спрашивай. Мы собрались сюда, чтобы отвѣчать тебѣ.

ФІЕСКО. И такъ, во первыхъ, — вопросъ, немного запоздалый и непривычно-звучащій, — *кто* долженъ пасть? (*Всѣ молчатъ.*)

БУРГОНЬИНО (*опираясь на спинку креселъ Фіеско, значительно*). Тираны.

ФІЕСКО. Дѣльно, тираны. Но вникните хорошенько въ значеніе этого слова. Кто *болѣе* тиранъ? тотъ ли, кто имѣетъ намѣреніе попрасть свободу, или тотъ, кто имѣетъ власть ее попрасть?

ВЕРРИНА. Я ненавижу перваго, и боюсь послѣдняго. Андрей Дорія долженъ пасть.

КАЛЬКАНЬО (*быстро*). Андрей, дряхлый Андрей, который, быть можетъ, послѣ завтра кончитъ расчетъ съ природой?

САККО. Андрей, кроткій старикъ?

ФІЕСКО. *Ужасна* кротость этого старика, мой Сакко! Безумная дерзость Джіанеттино *только смѣшина*. Андрей Дорія падетъ. Это изрекла твоя мудрость, Веррина.

БУРГОНЬИНО. Цѣпи изъ стали или шолку — все-таки цѣпи: и Андрей Дорія падетъ.

ФІЕСКО (*подходя къ столу*). И такъ — жезлъ переломленъ надъ дядей и племянникомъ. Подпишитесь. (*Всѣ подписываются.*) *Кто?* — рѣшено. (*Садится.*) Теперь поговоримъ о столько же важномъ какъ? Ваше мнѣніе, другъ Кальканьо?

КАЛЬКАНЬО. Мы можемъ исполнить это, или какъ *солдаты*, или какъ *убійцы*. *Первое опасно*, потому что для этого необходимы сообщники, и *рисковано*, по-

тому что сердца націи еще не всѣ на нашей сторонѣ; для *второго* довольно пяти хорошихъ кинжаловъ. Черезъ три дня будетъ большая обѣдня въ церквѣ святаго Лоренца. Оба Дорія всегда тамъ бываютъ. Въ присутствіи Всевышняго засыпаетъ и боязнь тирановъ. Я все сказалъ.

Фіеско (*отворачиваясь*). Кальканьо, ваше благоразумное мнѣніе отвратительно. Рафаэль Сакко?

Сакко. Я одобряю доводы Кальканьо, но выборъ его меня ужасаетъ. Лучше пусть Фіеско пригласитъ дядю и племянника на обѣдъ, и тамъ, осажденнымъ всѣмъ гнѣвомъ Республики, предоставитъ имъ выборъ, или отвѣдать смерть съ нашихъ кинжаловъ, или выпить ее въ добромъ кипрскомъ. Покрайней мѣрѣ, это средство удобно.

Фіеско (*съ отвращеніемъ*). Сакко, и если капля вина на ихъ коснѣющемъ языкѣ превратится въ кипящую смолу — предвкушеніе ада? — что тогда, Сакко? Прочь съ этимъ совѣтомъ. Говори, Веррина!

Веррина. Открытое сердце дѣйствуетъ открыто. Убіиство побратаетъ насъ съ каждымъ разбойникомъ. Мечъ въ рукѣ — признакъ героя. По моему — мы явно подадимъ знакъ къ возстанію и громко призовемъ патріотовъ Генуи къ отмщенію. (*Онъ вскакиваетъ со стула. Всѣ слѣдуютъ его примѣру. Бургоньино бросается ему на шею.*)

Бургоньино. И вооруженной рукою принудимъ счастье быть съ нами. Это голосъ чести и мой!

Фіеско. И мой. Стыдитесь, Генуэзцы! (*Обращаясь къ Кальканьо и Сакко.*) Счастье и безъ того много для насъ сдѣлало; мы должны и сами поработать. И такъ — возстаніе, Генуэзцы, — и въ эту же ночь!

(Веррина и Бургоньино въ изумленіи. Остальные въ ужасъ.)

Кальканьо. Какъ? въ эту ночь? Тираны еще слишкомъ сильны; наша партія еще слишкомъ слаба.

Сакко. Въ эту же ночь? Еще ничего не готово, а солнце уже садится.

Фиеско. Ваше сомнѣніе очень благоразумно; но прочтите эти бумаги. (*Подаетъ имъ письмо Джіанеттино, и, между тѣмъ какъ они читаютъ, ходитъ насмѣшливо взадъ и впередъ.*) Теперь — гасни прекрасная звѣзда Дорія! Гордо и надмѣнно стояла ты на горизонтѣ Генуи, словно взяла его въ наймы; тогда какъ видѣла, что и самое солнце уступаетъ небо и дѣлитъ скиптръ свѣта съ луною. Гасни, прекрасная звѣзда Дорія!

И Патроклъ погибъ въ сраженьѣ,
А онъ выше былъ тебя.

Бургоньино (*прочитавъ письмо*). Это ужасно!

Кальканьо. Двѣнадцать однимъ выстрѣломъ!

Веррина. Завтра въ Синьоріи!

Бургоньино. Дайте мнѣ эти бумаги. Я промчусь съ ними по всей Генуѣ; буду держать ихъ вотъ такъ, — и камни запрыгаютъ вслѣдъ за мною, и собаки залаютъ о мщеніи.

Всѣ. Мщенье, мщенье, мщенье! — и въ эту же ночь!

Фиеско. Давно бы такъ. Какъ только смеркнется, я пошлю пригласить къ себѣ на вечеръ всѣхъ недовольныхъ, именно — всѣхъ означенныхъ въ смертномъ спискѣ Джіанеттино, а также Саули, Жентили, Вивальди и Весодимари, всѣхъ заклятыхъ враговъ дома Дорія, которыхъ убійца позабылъ бояться. Они обѣими

руками ухватятся за мой планъ: въ этомъ я не сомнѣваюсь.

Бургоньино. Въ этомъ и я не сомнѣваюсь.

Фіеско. Прежде всего мы должны завладѣть моремъ. Галеры и матросы у меня есть. Двадцать кораблей Дорія не оснащены, не вооружены: взять ихъ не трудно. Устье Дарсены будетъ заперто, всякая надежда къ бѣгству отрѣзана. Если мы овладѣемъ гаванью — Генуя въ цѣпяхъ.

Веррина. Безъ сомнѣнья.

Фіеско. За тѣмъ городскія укрѣпленія будутъ взяты и заняты нашими. Важнѣйшее изъ нихъ — ворота святаго Оомы, что ведутъ къ гавани: взятіе ихъ соединитъ наши сухопутныя и морскія силы. Оба Дорія будутъ схвачены въ ихъ дворцахъ и убиты. На всѣхъ улицахъ ударятъ въ набатъ, зазвонятъ въ колокола и созовутъ гражданъ принять нашу сторону и сразиться за свободу Генуи. Если счастье намъ поблагопріятствуетъ — остальное узнаете въ Синьоріи.

Веррина. Планъ хорошъ. Теперь скажи, что каждому изъ насъ дѣлать?

Фіеско (*значительно*). Генуэзцы, вы добровольно избрали меня главою заговора. Будете-ли вы и впередъ повиноваться моимъ приказаніямъ?

Веррина. Если они будутъ полезны.

Фіеско. Веррина, слыхалъ-ли ты объ одномъ военномъ словечкѣ? Генуэзцы, скажите ему: оно называется — *дисциплина*. Если я не буду имѣть власти ворочать этими головами, какъ мнѣ вздумается (Поймите меня хорошенько!), если я не властелинъ заговора, то и онъ лишается одного члена.

ВЕРРИНА. Свободная жизнь стоить двухъ часовъ рабства. Мы повинемся.

ФИЕСКО. Такъ оставьте меня теперь. Одинъ изъ васъ обойдетъ городъ и донесетъ мнѣ о сильныхъ и слабыхъ мѣстахъ городскихъ укрѣпленій; другой узнаетъ пароль; третій размѣститъ людей на галерахъ; четвертый приведетъ двѣ тысячи человекъ на дворъ моего замка. Вечеромъ я осмотрю все самъ, и, кстати, если посчастливится, сорву банкъ. Въ десять часовъ всѣмъ быть здѣсь — принять мои послѣднія приказанія. *(Звонитъ.)*

ВЕРРИНА. Я беру на себя гавань. *(Уходитъ.)*

БУРГОНЬИНО. Я — солдатъ. *(Также уходитъ.)*

КАЛЬКАНЬО. Я узнаю пароль. *(Уходитъ.)*

САККО. А я обойду Геную рундомъ. *(Уходитъ.)*

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ФИЕСКО. *Потомъ* МАВРЪ.

ФИЕСКО *(садится къ столу и пишетъ)*. Не билась-ли они около словечка *дисциплина*, какъ червякъ на иголкѣ? — но уже поздно, республиканцы!

МАВРЪ *(входитъ)*. Графъ . . . .

ФИЕСКО *(встаетъ и подаетъ ему записку)*. Всѣхъ, чьи имена здѣсь написаны, пригласишь на *комедию* къ нынѣшней ночи.

МАВРЪ. Чтобы самимъ играть въ ней, конечно; а входъ будетъ стоить горла.

Фіеско (*холодно и презрительно*). Когда это будетъ исполнено, я не стану болѣе удерживать тебя въ Генуѣ. (*Онъ идетъ къ выходу и роняетъ за собою кошелекъ съ золотомъ.*) Это твоя послѣдняя работа. (*Уходитъ.*)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

МАВРЪ медленно подымаетъ кошелекъ съ пола, провожая его подозрительнымъ взглядомъ.

Такъ вотъ каковы наши теперешнія отношенія? *Не стану болѣе удерживать тебя въ Генуѣ.* Это значитъ въ переводѣ съ христіанскаго на языческій діалектъ: когда я стану герцогомъ, то повѣшу добраго друга на генуэзской висѣлицѣ. Хорошо. Ему страшно, что я знаю всѣ его шашни, и могу сбалтнуть — замарать его честь, когда онъ будетъ герцогомъ. Потише, ваше сіятельство! О послѣднемъ мы еще подумаемъ.

Теперь, старикъ Дорія, твоя шкура въ моемъ распоряженіи. Если я не предостерегу тебя — ты пропалъ. Если я пойду къ нему и открою заговоръ, то сохраню генуэзскому герцогу, не болѣе не менѣе, какъ жизнь и герцогство, и его благодарность, по крайней мѣрѣ, наполнить до верху мою шляпу золотомъ. (*Хочетъ идти, но вдругъ останавливается.*) Но, постой, пріятель Гассанъ! Какъ бы не сдѣлать глупости. Что, если рѣзня не состоится, и въ добавокъ изъ

этого выйдетъ что нибудь *путное*? Тфу! тфу! на какія дьявольскія штуки подталкиваетъ меня моя жадность! Что надѣлаетъ болѣе зла? — когда прижму Фіеско? или подведу подъ ножъ самого Дорія? Ну, черти, растолкуйте-ка мнѣ эту загадку. Если удастся Фіеско — Генуя можетъ подняться. Нѣтъ, этого не должно быть. Удержится Дорія — все останется по прежнему, и въ Генуѣ будетъ миръ. Это еще хуже. А зрѣлище, когда головы заговорщиковъ полетятъ къ палачу на кухню? А забавная рѣзня этой ночи, когда ихъ свѣтлости будутъ задушены по свистку Мавра? Нѣтъ! пусть христіанинъ выбирается изъ этой путаницы; для язычника эта загадка ужъ черезъ чуръ мудрена. Спрошу-ка ученаго. (*Уходитъ.*)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Зала во дворцѣ графини Имперіали.

Юлія въ утреннемъ платьѣ. ДЖІАНЕТТИНО входитъ встревоженный.

ДЖІАНЕТТИНО. Здравствуй, сестра!

Юлія (*вставая*). Вѣроятно случилось что нибудь особенное, когда наслѣдный принцъ Генуи рѣшается навѣстить свою сестру?

ДЖІАНЕТТИНО. Сестра, ты окружена бабочками, а я шмелями. Но кто избавленъ отъ нихъ. Сядемъ.

Юлія. Ты подстрѣкаешь мое нетерпѣніе.

Джіанеттино. Сестра, когда былъ у тебя въ послѣдній разъ Фіеско?

Юлія. Какъ будто я могу помнить подобный вздоръ

Джіанеттино. Мнѣ необходимо знать это.

Юлія. Ну, онъ былъ вчера.

Джіанеттино. И былъ *любезенъ*?

Юлія. Какъ обыкновенно.

Джіанеттино. И все прежній *сумасбродъ*?

Юлія (*обижаясь*). Братъ!

Джіанеттино (*возвышая голосъ*). Слышишь: и все прежній сумасбродъ?

Юлія (*встаетъ, съ негодованіемъ*). За кого принимаете вы меня?

Джіанеттино (*не вставая, съ насмѣшкою*). За кусокъ женскаго мяса, завернутый въ длинную, длинную дворянскую грамоту. Это между нами, сестра, такъ какъ насъ ни кто не подслушиваетъ.

Юлія (*вспыльчиво*). Между нами, — вы дерзкая обезьяна.... выѣзжаете на заслугахъ своего дяди, какъ на палкѣ... такъ какъ насъ ни кто не подслушиваетъ.

Джіанеттино. Сестрица, сестрица, полно сердиться! Я только радуюсь, что Фіеско еще прежній сумасбродъ. Это только мнѣ и нужно было знать. До свиданія!

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Ломеллино *входитъ*.

Ломеллино (*цѣлуя руку Юліи*). Извините мою

смѣлость, графиня! (*Обращаясь къ Джіанеттино.*)
Дѣла, не терпящія отлагательства. . . .

Джіанеттино (*отводитъ его въ сторону. Юлія
интѣвно подходитъ къ клавесину и играетъ алле-
ро*). Все ли готово къ завтрашнему утру?

Ломеллино. Все, принцъ. Только курьеръ, по-
сланный утромъ въ Леванто, еще не возвратился. Спи-
нолы также еще нѣтъ. Ну, какъ онъ схваченъ? Это
меня сильно беспокоитъ.

Джіанеттино. Не безпокойся. Списокъ у тебя?

Ломеллино (*въ замѣшательствѣ*). Списокъ,
принцъ? Я не знаю. . . . быть можетъ я оставилъ его
въ карманѣ платья, что было на мнѣ вчера.

Джіанеттино. Ничего. Когда бы только Спи-
нола воротился. Фіеско завтра утромъ будетъ найденъ
мертвымъ въ постелѣ. Я уже распорядился.

Ломеллино. Но — это надѣлаетъ много шума.

Джіанеттино. Въ этомъ-то, братецъ, и заклю-
чается наша безопасность. Обыкновенное преступленіе
способно только взволновать кровь обиженного, и тогда
человѣкъ на все готовъ. Преступленіе же не обыкно-
венное леденитъ ее страхомъ, и человѣкъ — ничто.
Слыхалъ ли ты сказку о головѣ Медузы? Взглядъ ея
превращалъ въ *камни*. А чего нельзя сдѣлать, бра-
тецъ, пока камни разогрѣются.

Ломеллино. Напоминали ли вы объ этомъ графи-
нѣ?

Джіанеттино. Зачѣмъ? Съ ней надо, ради самаго
Фіеско, обойтись по деликатнѣе. Пусть сперва попро-
буетъ плода, а тамъ уже горюетъ объ убыткѣ. Пой-
демъ. Я жду сегодня вечеромъ солдатъ изъ Милана,
такъ надо отдать кое-какія приказанія стражѣ у во-

ротъ. (*Юліи.*) Ну, что, сестра, выбрянчала ты свой гнѣвъ, или нѣтъ?

Юлія. Подите прочь! Вы дерзкій гость.
(*Джіанеттино идетъ къ двери и наталкивается на Фіеско.*)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФІЕСКО *входитъ.*

ДЖІАНЕТТИНО (*отступая*). А!

ФІЕСКО (*подходя къ нему, вкрадчиво*). Принцъ, вы избавляете меня отъ посѣщенія, которое я только-что намѣревался . . . .

ДЖІАНЕТТИНО. И для меня, графъ, ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ встрѣча съ вами.

ФІЕСКО (*подходитъ къ Юліи и почтительно цѣлуетъ у ней руку*). Синьора, мы уже привыкли къ тому, что вы всякій разъ превосходите наши ожиданія.

Юлія. Подите. Другая приняла бы это за двусмысленность. Но меня пугаетъ мой нарядъ. Извините, графъ! (*Хочетъ бѣжать въ свою уборную.*)

ФІЕСКО. О, останьтесь, прелестная графиня! Женщина никогда не бываетъ такъ прекрасна, какъ въ спальномъ платьѣ. (*Улыбаясь.*) Это одежда ея ремесла. Какая у васъ принужденная прическа. Позвольте мнѣ ее немножко измѣнить.

Юлія. Вы мужчины такъ охотно ее портите.

Фіеско (*простодушно къ Джіанеттино*). Волосы и республики! Не правда-ли, это для насъ одно и тоже? И этотъ бантъ дурно приколотъ. Сядьте, прелестная графиня. Обольщать глаза — умѣетъ ваша Лаура, но не сердца. Позвольте мнѣ быть вашей горничной. (*Она садится; онъ поправляетъ ея прическу.*)

Джіанеттино (*толкаетъ Ломеллино*). Бѣдный, безпечный простакъ!

Фіеско (*убирая грудь Юліи*). Видите — это я нарочно закрываю. Чувства должны быть всегда слѣпыми вѣстниками, и имъ не слѣдуетъ знать, что дѣлаютъ другъ съ другомъ фантазія и природа.

Юлія. Это опромѣтчиво.

Фіеско. Ни сколько, потому что, видите-ли, самая свѣжая новость теряетъ свое достоинство, когда становится городскимъ слухомъ. Наши чувства — это только основная закваска нашей внутренней республики. Дворянство живетъ ими, но возвышается надъ ихъ плоскимъ вкусомъ. (*Окончивъ уборъ, онъ подводитъ ее къ одному изъ зеркалъ.*) Ну, клянусь честью, этотъ уборъ завтра же будетъ модой въ Генуѣ! (*Любезно.*) Смѣю ли, графиня, проводить васъ такъ по городу?

Юлія. Хитрецъ! Какъ искусно умѣетъ онъ заставить покориться своей волѣ. Но у меня болитъ голова, и я останусь дома.

Фіеско. Извините, графиня! — вы это можете сдѣлать, если захотите, но вы не захотите этого. Сегодня въ полдень прибыла сюда труппа флорентинскихъ актеровъ и вызвалась играть въ моемъ дворцѣ. Я не могъ отказать многимъ изъ здѣшнихъ благородныхъ

дамъ въ желаніи быть зрительницами, что меня приводитъ въ крайнее замѣшательство, потому что не знаю кого помѣстить въ главной ложѣ, не сдѣлавъ какой-нибудь веловкости противъ моихъ щекотливыхъ гостей. Осталось одно средство. (*Съ низкимъ поклономъ.*) Не будете-ли вы такъ снисходительны, синьора?

Юлія (*краснѣетъ и идетъ въ уборную*). Лаура!

Джіанеттино (*подходитъ къ Фіеско*). Графъ, вы помните эту непріятную сцену, что была на дняхъ между нами?

Фіеско. Я желалъ бы, принцъ, чтобъ мы оба об ней забыли. Мы люди, судимъ другъ о другѣ, смотря потому, на сколько одинъ другаго знаемъ; и кто виновать, какъ не я, если другъ мой Дорія не узналъ меня до сихъ поръ.

Джіанеттино. По крайней мѣрѣ я никогда не вспомню этого, не попросивъ у васъ прощенія, отъ чистаго сердца.

Фіеско. А я всякій разъ прощу васъ отъ души. (*Юлія входитъ, немного передѣвши.*)

Джіанеттино. Графъ, вы, кажется, собираетесь крейсировать противъ Турокъ?

Фіеско. Сегодня вечеромъ снимутся съ якорей.... По этому я не совсѣмъ спокоенъ.... и только одна обязательность друга моего Дорія могла бы меня выручить.

Джіанеттино (*особенно вѣжливо*). Съ удовольствіемъ. Располагайте всѣмъ моимъ вліяніемъ.

Фіеско. Это обстоятельство можетъ быть причиною большаго стеченія народа около гавани и моего дворца, что герцогъ, вашъ дядя, можетъ объяснить въ дурную сторону.

ДЖІАНЕТТИНО (*чистосердечно*). Въ этомъ вы можете положиться на меня. Продолжайте начатое, и я желаю всевозможнаго счастія вашему предпріятію.

ФІЕСКО (*сухо*). Премного обязанъ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. НѢМЕЦЪ-ТѢЛОХРАНИТЕЛЬ.

ДЖІАНЕТТИНО. Что скажешь?

НѢМЕЦЪ. Около воротъ святаго Θомы я повстрѣчалъ цѣлая толпы вооруженныхъ солдатъ; они спѣшили къ Дарсенѣ и сѣли на галеры графа Лаванья.

ДЖІАНЕТТИНО. Только-то? Довольно объ этомъ.

НѢМЕЦЪ. Слушаю. Также изъ монастыря капуциновъ высыпала какая-то подозрительная сволочь, и пробирается черезъ площадь. По походкѣ и виду — должны быть солдаты.

ДЖІАНЕТТИНО (*инѣвно*). Вотъ тебѣ и услужливость дурака. (*Тихо Ломеллино.*) Это мои Миланцы.

НѢМЕЦЪ. Не прикажите-ли задержать ихъ, ваша свѣтлость?

ДЖІАНЕТТИНО (*гролко Ломеллино*). Посмотрите тамъ, Ломеллино. (*Нѣмцу грозно.*) Ну, ступай! хорошо! (*Ломеллино.*) Растолкуйте этому нѣмецкому быку, чтобъ онъ держалъ языкъ на привязи. (*Ломеллино и Нѣмецъ уходятъ.*)

ФІЕСКО (*который все это время любезничалъ съ Юліей и только украдкой на нихъ косился.*)

Нашъ другъ что-то скученъ. Могу-ли спросить о причинѣ?

Джіанеттино. Не диво: вѣчныя спросы и доклады!... (*Уходитъ.*)

Фіеско. И насъ также ожидаетъ театръ. Смѣю предложить вамъ руку, синьора?

Юлія. Подождите. Мнѣ надо еще накинуть мантилью. Только не трагедію, графъ. Мнѣ приснится потѣмъ.

Фіеско (*коварно*). О, вы умрете со смѣху, графиня!

(*Онъ уводитъ ее. Занавѣсъ опускается.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

Ночь. Дворъ дворца Фіеско. Зажигаютъ фонари. Носятъ оружіе. Одна сторона дворца освѣщена.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Бургоньино *вводитъ солдатъ.*

Бургоньино. Стой! Четыре поста къ главнымъ воротамъ. По два къ каждымъ дверямъ дворца. (*Часовые занимаютъ указанные мѣста.*) Кто захочетъ войти въ ворота — пропустить. Изъ воротъ — ни кого. Кто станетъ сопротивляться — убить. (*Уходитъ съ остальными солдатами во дворецъ. Часовые ходятъ взадъ и впередъ. Молчаніе.*)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ЧАСОВЫЕ У ВОРОТЪ (кричатъ). Кто идетъ? (*Входитъ Центуріоне.*)

ЦЕНТУРІОНЕ. Другъ Лаваньи! (*Идетъ черезъ дворъ къ правому входу во дворецъ.*)

ЧАСОВЫЕ (*тамъ*). Назадъ!

ЦЕНТУРІОНЕ (*изумляется и подходитъ къ левому входу.*)

ЧАСОВЫЕ (*у левыхъ воротъ*). Назадъ!

ЦЕНТУРІОНЕ (*въ недоумѣніи останавливается. Молчаніе. Потомъ часовому съ льва*). Любезный, какъ пройти въ театръ?

Часовой. Не знаю.

ЦЕНТУРІОНЕ (*ходитъ взадъ и впередъ съ замѣтными безпокойствомъ, потомъ къ часовому съ права*). Любезный, когда начнется представленье?

Часовой. Не знаю.

ЦЕНТУРІОНЕ (*испуганный, закутывается въ плащъ*). Странно!

ЧАСОВЫЕ У ВОРОТЪ (кричатъ). Кто идетъ?

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ЦИБО *входитъ.*

ЦИБО (*входя*). Другъ Лаваньи!

ЦЕНТУРІОНЕ. Цибо, гдѣ мы?

Цибо. Что?

Центуріоне. Осмотрись-ка, Цибо.

Цибо. Гдѣ? Какъ?

Центуріоне. У всѣхъ дверей часовые.

Цибо. Здѣсь лежить оружіе.

Центуріоне. Никто ничего не говоритъ.

Цибо. Это странно.

Центуріоне. Который часъ?

Цибо. Восемь пробило.

Центуріоне. Что за холодъ.

Цибо. Восемь, это назначенный часъ.

Центуріоне (*качая головою*). Здѣсь что-то не ладно.

Цибо. Фіеско, кажется, вздумалъ сыграть съ нами шутку.

Центуріоне. Завтра избраніе дожа. Цибо, здѣсь что-то не ладно.

Цибо. Тише! тише! тише!

Центуріоне. Правая сторона дворца вся въ огнѣ.

Цибо. Слышишь ли? слышишь ли?

Центуріоне. Глухой говоръ несется изъ замка.

Цибо. Я слышу неясный звукъ панцырей — какъ они трутся другъ о друга.

Центуріоне. Странно, странно.

Цибо. Чу, карета. Она остановилась у воротъ.

Часовые у воротъ (*кричатъ*). Кто идетъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. ЧЕТВЕРО БРАТЬЕВЪ АССЕРАТО.

АССЕРАТО (*входя*). Другъ Фіеско.

ЦИБО. Это — четверо Ассерато.

ЦЕНТУРИОНЕ. Добрый вечеръ, землякъ.

АССЕРАТО. Мы идемъ смотрѣть комедію.

ЦИБО. Счастливаго пути.

АССЕРАТО. А вы развѣ не пойдете въ театръ?

ЦЕНТУРИОНЕ. Проходите впередъ. Мы хотимъ сперва подышать чистымъ воздухомъ.

АССЕРАТО. Скоро начнутъ. Пойдемте. (*Идутъ далѣе.*)

ЧАСОВОЙ. Назадъ!

АССЕРАТО. Что это?

ЦЕНТУРИОНЕ (*смѣясь*). Дорога во дворецъ.

АССЕРАТО. Это недоразумѣнье.

ЦИБО. Самое явное. (*Слытится музыка.*)

АССЕРАТО. Вы слышите симфонію? Комедія скоро начнется.

ЦЕНТУРИОНЕ. А мнѣ кажется, что она уже началась, и мы играемъ въ ней роль дураковъ.

ЦИБО. Не скажу, чтобы мнѣ было жарко. Я уйду.

АССЕРАТО. Здѣсь оружіе.

ЦИБО. Пустое! — театральнѣй хламъ.

ЦЕНТУРИОНЕ. Долго ли мы будемъ стоять здѣсь, какъ дураки у Ахерона? Пойдемъ въ кофейню. (*Всѣ шестеро бѣгутъ къ воротамъ.*)

ЧАСОВЫЕ (*громко кричатъ*). Назадъ!

ЦЕНТУРІОНЕ. Адъ и смерть! Мы здѣсь въ западнѣ.

ЦИБО. Мой мечъ говорить: не надолго.

АССЕРАТО. Въ ножны! въ ножны! Графъ человѣкъ благородный.

ЦИБО. Измѣна! предательство! Театръ былъ для насъ саломъ: за мышью захлопнулись дверцы.

АССЕРАТО. Сохрани Богъ! Я трепещу за развязку.

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЧАСОВЫЕ. Кто идетъ? (*Веррина и Сакко входятъ.*)

ВЕРРИНА. Друзья дома. (*Семь другихъ нобилей входятъ за ними.*)

ЦИБО. Его сообщники. Теперь все объяснится.

САККО (*продолжая разговоръ съ Верриною*). Лескаро, какъ я вамъ уже сказалъ, стоитъ на стражѣ у воротъ святаго Оомы. Это лучший офицеръ Дорія, и слѣпо ему преданъ.

ВЕРРИНА. Это меня радуетъ.

ЦИБО (*Верринѣ*). Вы приходите, какъ нельзя болѣе кстати, Веррина, чтобы разрѣшить наше недоумѣніе.

ВЕРРИНА. Какъ такъ? какъ такъ?

ЦЕНТУРІОНЕ. Насъ пригласили глядѣть комедію.

ВЕРРИНА. Значить, у насъ съ вами одна дорога.

ЦЕНТУРІОНЕ (*нетерпѣливо*). Дорога всѣхъ смерт-

ныхъ. Знаю я эту дорогу. Вы, конечно, видите, что у всѣхъ дверей стража? Зачѣмъ же ихъ заперли?

Цибо. Къ чему эта стража?

Центуріоне. Мы здѣсь стоимъ, какъ подъ висѣлицей.

Веррина. Вотъ скоро придетъ самъ графъ.

Центуріоне. Могъ бы поторопиться. Мое нетерпѣніе готово лопнуть. (*Нобили ходятъ взадъ и впередъ въ глубинѣ сцены.*)

Бургоньино (*выходя изъ дворца*). Что дѣлается въ гавани, Веррина?

Веррина. Все благополучно.

Бургоньино. Дворецъ биткомъ набитъ солдатами.

Веррина. Скоро девять часовъ.

Бургоньино. Графъ что-то медлитъ.

Веррина. Все-таки слишкомъ скоро для своихъ надеждъ. Бургоньино, у меня кровь стынетъ въ жилахъ, когда я вспомню кое о чемъ.

Бургоньино. Отецъ, будь остороженъ, не торопись.

Веррина. Тамъ нечего *торопиться*, гдѣ нельзя *медлить*. Если я не сдѣлаю втораго убійства, то никогда не оправдаюсь въ первомъ.

Бургоньино. Но когда долженъ умереть Фіеско?

Веррина. Когда Генуя будетъ свободна — Фіеско умретъ.

Часовые. Кто идетъ?

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ФІЕСКО.

ФІЕСКО (*входя*). Другъ! (*Всѣ низко кланяются. Часовые отдають честь.*) Здравствуйте, дорогие гости! Вы вѣрно уже порядкомъ выбрали хозяина, что такъ долго заставилъ себя дожидаться. Извините. (*Тихо Верринъ.*) Готово?

ВЕРРИНА (*ему на ухо*). Какъ желалъ.

ФІЕСКО (*тихо Бургоньино*). А у васъ?

БУРГОНЬИНО. Все исполнено.

ФІЕСКО (*Сакко*). А у васъ?

САККО. Все готово.

ФІЕСКО. А Кальканьо?

БУРГОНЬИНО. Еще не пришелъ.

ФІЕСКО (*громко часовымъ у воротъ*). Запереть ворота! (*Онъ снимаетъ беретъ и свободно подходитъ къ собранію.*)

Господа!

Я пригласилъ васъ на спектакль не для того, чтобы позабавить, какъ зрителей, но что бы самимъ вамъ раздать въ немъ роли. Слишкомъ долго, друзья мои, сносили мы высокомѣріе Джіанеттино Дорія и не справедливыя притязанія Андрея. Если мы хотимъ спасти Геную, друзья, намъ нечего терять времени. Къ чему всѣ эти союзы, заключенные Доріями. Къ чему оружіе чужеземцевъ, вонзаемое ими въ сердце Генуи? Теперь ропоть и проклятія—безполезны. Чтобы спасти все, должно *всѣмъ* жертвовать. Отчаянная болѣзнь

требуетъ рѣшительнаго леченія. Неужели въ этомъ собраніи найдется хотя одинъ, у кого хватитъ апатіи, чтобы признать себѣ равнаго — своимъ господиномъ? (*Ропотъ.*) Здѣсь нѣтъ ни одного, чьи бы предки не стояли у колыбели Генуи. Чѣмъ? (Ради всего, что есть святаго!) чѣмъ? — чѣмъ эти два гражданина выше насъ, что носятся дерзкимъ полетомъ надъ нашими головами? (*Дикій ропотъ.*) Каждый изъ васъ торжественно вызванъ защищать дѣло Генуи противъ его утѣснителей. Ни кто изъ васъ не можетъ отступить и на волосъ отъ *своихъ* правъ, не предавъ съ тѣмъ вмѣстѣ и душу всего государства.

(*Шумные возгласы слушателей перебиваютъ его; потомъ онъ продолжаетъ.*)

Вы тронуты — побѣда за нами. Я проложилъ вамъ дорогу къ славѣ. Хотите-ль слѣдовать за мной? Я готовъ вести васъ. Эти приготовленія, поразившія васъ ужасомъ, должны вдохнуть въ васъ новое мужество. Эта дрожь страха должна воспламенить славное соревнованіе — съ этими патріотами и со мною составить союзъ и истребить тирановъ. Послѣдствія оправдаютъ рискъ, потому что мои распоряженія вѣрны. Предпріятіе наше право, потому что Генуя страдаетъ. Эта мысль насъ обезсмертитъ, потому что она опасна и ужасна.

ЦЕНТУРІОНЕ (*въ буйномъ волненіи*). Довольно! Генуя будетъ свободна! Съ этимъ браннымъ кликомъ я готовъ хоть въ самый адъ.

ЦИБО. И если онъ въ комъ не разгонитъ дремоты, тотъ пусть вѣчно потѣетъ за веслами, пока не разрѣшитъ его труба второго пришествія.

ФИЕСКО. Это слова мужчины. Только теперь за-

служиваете вы узнать объ опасности, висѣвшей надъ вами и Генуей. (*Онъ подаетъ имъ записку Мавра.*) Посвѣтите солдаты! (*Нобили тѣсняются къ факелу и читаютъ. Верринъ.*) Все идетъ, какъ я желалъ, другъ!

ВЕРРИНА. Однако не говори такъ громко. Я видѣлъ тамъ, съ лѣвой стороны, блѣднѣющія лица и дрожащія колѣна.

ЦЕНТУРИОНЕ (*въ ярости*). Двѣнадцать сенаторовъ! Адъ и черти! Къ оружію! (*Всѣ, за исключеніемъ двухъ, бросаются къ приготовленному оружію.*)

ЦИБО. И твое имя стоитъ тамъ, Бургоньино.

БУРГОНЬИНО. И еще нынче же, если Богъ поможетъ, станетъ поперегъ горла Дорія.

ЦЕНТУРИОНЕ. Здѣсь лежитъ еще два меча.

ЦИБО. Что? что?

ЦЕНТУРИОНЕ. Двое не взяли мечей.

АССЕРАТО. Мои братья не могутъ видѣть крови. Пощадите ихъ.

ЦЕНТУРИОНЕ (*съ яростію*). Что? что? Не могутъ видѣть крови тирановъ? Смерть трусамъ! Выкинуть ихъ изъ Республики! (*Нѣкоторые изъ заговорщиковъ въ бѣшенствѣ кидаются на обоихъ.*)

ФИЕСКО (*разнимая ихъ*). Остановитесь! Неужели Генуя должна быть обязана своей свободой рабамъ. Неужели наше золото должно потерять свой настоящій звонъ отъ примѣси этого неблагогороднаго металла? (*Онъ освобождаетъ ихъ.*) Вы же, господа, должны будете довольствоваться комнатою въ моемъ дворцѣ, пока не разрѣшится наше дѣло. (*Стражъ.*) Два арестанта!

Вы отвѣчаете за нихъ. Два бдительныхъ поста къ ихъ порогу. (*Ихъ уводятъ.*)

Часовые у воротъ. Кто идетъ? (*Стучатся.*)

Кальканьо (*дрожащимъ голосомъ*). Отоприте! Другъ! Ради Бога, отоприте!

Бургоньино. Это Кальканьо. Чтобы значило это «ради Бога?»

Фіеско. Солдаты, впустить.

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Кальканьо *выпъ себя отъ ужаса.*

Кальканьо. Все кончено! Спасайся кто можетъ! Все кончено!

Бургоньино. Что кончено? Развѣ ихъ тѣло изъ желѣза, наши мечи изъ лыка?

Фіеско. Одумайтесь, Кальканьо! Недоразумѣнье теперь не простительно.

Кальканьо. Намъ измѣнили. Адская измѣна! Вашъ Мавръ, Лаванья, бездѣльникъ! Я изъ дворца Синьоріи. Онъ говорилъ съ герцогомъ. (*Всѣ нобили блѣднѣютъ; самъ Фіеско измѣняется въ лицѣ.*)

Веррина (*рѣшительно часовымъ*). Солдаты про-
ткните меня вашими алебардами. Я не хочу умереть
отъ руки палача. (*Нобили въ смятеніи бѣгаютъ
туда и сюда.*)

Фіеско (*спокойнѣе*). Куда? что вы дѣлаете? Уби-
райся въ адъ, Кальканьо! Вашъ страхъ напрасенъ, гос-

пода! Баба! — и говорить это такимъ дѣтямъ! И ты Веррина? Бургоньино, и ты? Куда ты?

Бургоньино (*быстро*). Домой. Убью Берту и снова приду сюда.

Фіеско (*хохочетъ*). Остановитесь! не уходите! Это ли мужество карателей тирановъ? Ты мастерски сыгралъ свою роль, Кальканьо. И вы не замѣтили, что это извѣстіе пришло сюда по моему распоряженію. Кальканьо, скажите, не я ли велѣлъ вамъ испытать этихъ Римлянъ?

Веррина. Ну, если ты можешь смѣяться, — я готовъ вѣрить; или никогда не буду считать тебя за человека.

Фіеско. Стыдитесь, мужчины! Не выдержать такого дѣтскаго испытанія! Возьмитесь снова за оружіе. Вы должны драться, какъ раненые медвѣди, если хотите стереть эту зазубрину. (*Тихо Кальканьо.*) Вы сами были тамъ?

Кальканьо. Исполняя ваше порученіе — узнать пароль, я протѣснился между герцогскими тѣлохранителями. . . . Возвращаясь назадъ, я наткнулся на Мавра. . . .

Фіеско (*громко*). И такъ старикъ въ постелѣ. Мы его поднимаемъ съ перины. (*Тихо.*) Что, онъ долго говорилъ съ герцогомъ?

Кальканьо. Сначала испугъ, а потомъ мысль, что вы въ опасности, не дали мнѣ пробыть тамъ и двухъ минутъ.

Фіеско (*громко и весело*). Взгляни-ка, наши земляки еще дрожатъ до сихъ поръ.

Кальканьо. Стоило бы ихъ помучить по-дольше.

(*Тихо.*) Но, ради Бога, графъ, что принесетъ намъ этотъ обманъ?

Фіеско. *Время, другъ! — а тамъ и первый испугъ пройдетъ. (Громко.) Эй, вина! (Тихо.) Что, герцогъ поблѣднѣлъ? (Громко.) Смѣлѣй, друзья! Отпирuemъ успѣхъ этой ночи! (Тихо.) Что, герцогъ поблѣднѣлъ?*

Кальканьо. Должно быть первымъ словомъ Мавра было: *заговоръ!* Старикъ, блѣдный, какъ снѣгъ, отступилъ назадъ.

Фіеско (*смущенный*). Дьяволъ хитеръ, Кальканьо! Молчалъ, пока не занесли ножа надъ ихъ горломъ.... Теперь, конечно, онъ сталъ ихъ ангеломъ-хранителемъ. Мавръ хитеръ. (*Ему подають кубокъ съ виномъ; онъ обращается къ присутствующимъ и пьетъ.*) За успѣхъ предпріятія, товарищи!

Часовые. Кто идетъ?

Голосъ. Посланный отъ герцога. (*Нобили въ отчаяніи бѣгаютъ по двору.*)

Фіеско (*кидается къ нимъ*). Нѣтъ, дѣти! Не бойтесь! — я здѣсь. Живѣй! Спрячьте это оружіе. Будьте мужчинами, прошу васъ. Это посѣщеніе даетъ мнѣ надежду, что Андрей еще сомнѣвается. Ступайте во дворецъ. Соберитесь съ духомъ. Отоприте, солдаты. (*Всѣ уходятъ. Отворяютъ ворота.*)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ФИЕСКО, *дѣлая видъ, что выходитъ изъ дворца.* ТРИ
НѢМЦА *вводятъ связаннаго МАВРА.*

ФИЕСКО. Кто спрашивалъ меня здѣсь на дворѣ?

НѢМЕЦЪ. Проводите насъ къ графу.

ФИЕСКО. Я — графъ. Кому нужно говорить со мною?

НѢМЕЦЪ (*дѣлаетъ ему честь*). Герцогъ желаетъ вамъ добраго вечера, и посылаетъ вашему сіятельству этого связаннаго Мавра. Онъ проболтался. Остальное узнаете изъ этой записки.

ФИЕСКО (*хладнокровно беретъ ее*). Не предсказывалъ-ли я тебѣ еще сегодня, что попадешь на галеры? (*Нѣмцу.*) Хорошо, братецъ! Мой поклонъ герцогу.

МАВРЪ (*кричитъ ему вслѣдъ*). И мой также! Да скажи ему, герцогу, что если-бы онъ не послалъ осла, то узналъ бы, что во дворцѣ спрятано двѣ тысячи солдатъ. (*Нѣмцы уходятъ. Нобили возвращаются.*)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФИЕСКО. ЗАГОВОРЩИКИ. МАВРЪ *нагло стоитъ между ними.*

ЗАГОВОРЩИКИ. Что это?

ФИЕСКО (*прочитавъ записку, съ подавленнымъ*

интервалъ). Генуэзцы, опасность миновалась, а съ ней и заговоръ!

ВЕРРИНА (*въ изумленіи*). Что? Развѣ Доріи мертвы?

ФІЕСКО (*въ волненіи*). Видитъ Богъ! — я готовъ былъ противостать всѣмъ силамъ Республики, но противъ *этого* — я беззащитенъ. Слабый старикъ четырьмя строками побѣждаетъ полторы тысячи чело-вѣкъ. (*Въ изнеможеніи опускаетъ руки.*) Дорія побѣждаетъ Фіеско.

Бургоньино. Да говорите же! Мы ничего не понимаемъ.

ФІЕСКО (*читаетъ*). «Лаванья, у васъ, кажется, одна судьба со мною: за благодѣянія платятъ вамъ не-благодарностью. Этотъ Мавръ предостерегаетъ меня отъ заговора. Посылаю его связаннымъ къ вамъ на-задъ, и буду эту ночь спать безъ стражи.» (*Онъ ро-няетъ письмо; всѣ переглядываются.*)

ВЕРРИНА. Ну, Фіеско?

ФІЕСКО (*съ благородствомъ*). Ужели Дорія побѣдитъ меня въ великодушіи? *Одной* добродѣтели не хватитъ въ родѣ Фіеско? Нѣтъ! и это вѣрно, какъ то, что я существую! Я пойду туда и сознаюсь во всемъ. (*Хочетъ идти.*)

ВЕРРИНА (*останавливаетъ его*). Что съ тобою, Фіеско? Развѣ предпріятіе наше — злодѣйство? Остановись! Или это не дѣло отечества? Остановись! или тебѣ хотѣлось одной жизни Андрея, а не тирана? Остановись, говорю я! Я арестую тебя, какъ государственнаго измѣнника.

Заговорщики. Вяжите его, валите на землю!

ФІЕСКО (*вырываетъ у одного изъ нихъ мечъ и*

очищаетъ себѣ дорогу). Потихе! Кто первый накинеть намордникъ на тигра? Смотрите, господа, — я свободенъ, и могъ бы уйти, если бъ захотѣлъ; но я остаюсь, потому что перемѣнилъ намѣреніе.

Бургоньино. И вспомнилъ свой долгъ.

Фіеско (*инѣвно и гордо*). Ребенокъ, научись сначала исполнять свой въ отношеніи ко мнѣ. Смирно, господа! Все остается по прежнему. (*Мавру, на которомъ онъ разрѣзаетъ веревки.*) Ты имѣешь честь — быть поводомъ къ великому дѣлу. Бѣги!

Кальканьо (*яростно*). Какъ? какъ? Оставить въ живыхъ язычника? въ живыхъ, чтобы всѣхъ насъ предалъ снова?

Фіеско. Въ живыхъ, напугавъ васъ до смерти. Ступай, братецъ! Постарайся, чтобы Генуя поскорѣй осталась у тебя за спиною, а то, пожалуй, захотятъ на тебѣ поправить свою храбрость.

Мавръ. Это значитъ: дьяволъ не покидаетъ въ бѣдѣ негодяевъ. Мое почтенье, господа! Вижу въ Италіи еще не свили для меня веревки. Надо поискать ее въ другомъ мѣстѣ. (*Уходитъ со смѣхомъ.*)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

СЛУГА *входитъ*. ПРЕЖНІЕ, *кромя Мавра*.

СЛУГА. Графиня Имперіали уже три раза спрашивала о вашемъ сіятельствѣ.

Фіеско. Чортъ побери! И такъ комедія должна

идти своимъ чередомъ. Скажи графинѣ, что я сейчасъ буду. Постой! Попросить жену мою прійти въ концертную залу, и тамъ подождать меня за занавѣской. (*Слуга уходитъ.*) Здѣсь, на этой бумагѣ, я написалъ роли для всѣхъ васъ; если каждый исполнить свою — дѣло сдѣлано. Сначала Веррина отправится на гавань, и когда корабли будутъ въ нашихъ рукахъ — *пушечнымъ выстрѣломъ подастъ знакъ къ возмущенію.* Я ухожу: меня призываетъ еще одно важное дѣло. Какъ только услышите колокольчикъ — войдите всѣ вмѣстѣ въ концертную залу. Пока ступайте во дворецъ и позаймитесь моимъ кипрекимъ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Концертная зала.

ЛЕОНОРА. АРАБЕЛЛА. РОЗА. *Вся въ безпокойствѣ.*

ЛЕОНОРА. Сюда, въ концертную залу обѣщаль прійти Фіеско — и нейдетъ. Уже пробило одиннадцать. Дворецъ ломится отъ людей и оружія, а Фіеско все нейдетъ.

РОЗА. Вамъ сказано спрятаться за занавѣской: что бы могла значить эта воля графа?

ЛЕОНОРА. Онъ желаетъ этого, Роза; значитъ, я знаю довольно, чтобы повиноваться; довольно, Белла, что-бъ быть совершенно спокойной. И все же — все

же я дрожу, Белла, и мое сердце тоскливо замираетъ. Милыя, ради Бога, не отходите отъ меня!

Белла. Не бойтесь ничего. Страхъ охраняетъ наше любопытство.

Леонора. Куда ни посмотрю, вездѣ встрѣчаю незнакомыя лица, блѣдныя и искаженные, какъ у привидѣній. Кого не спрошу я, каждый трепещетъ, какъ пойманный, и спѣшитъ укрыться въ ночной темнотѣ, *этомъ страшномъ приближищъ нечистой совѣсти*. А если и отвѣтитъ, то какимъ-то таинственнымъ полу-звукомъ, замирающимъ боязливо на его трепетномъ языкѣ. Фіеско? — Я не знаю, что за ужасы замышляются здѣсь.... но только защитите моего Фіеско (*сложивъ руки на груди*) вы, силы небесныя!

Роза (*вздрагивая*). Боже, что-то прошумѣло въ галлерей!

Белла. Это часовой. (*Часовой кричитъ за сценой: «Кто идетъ?» Ему отвѣчаютъ.*)

Леонора. Идутъ! За занавѣску! скорѣй! (*Прячутся.*)

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Юлія. ФІЕСКО, *продолжая разговоръ*.

Юлія (*разстроенная*). Перестаньте, графъ! Ваши любезности проникаютъ уже не въ равнодушное ухо, а въ кипящую кровь. Гдѣ я? Здѣсь нѣтъ никого,

кромѣ этой соблазнительной ночи. Куда завлекли вы мое неосторожное сердце?

Фіеско. Туда, гдѣ робкая страсть становится смѣлѣе, и волненіе свободнѣе говоритъ съ волненіемъ.

Юлія. Постой, Фіеско! Ради всего, что есть святаго, нейти далѣе. Когда-бъ ночь не была такъ темна, ты увидѣлъ бы мои пламенные щеки — и сжалился бы надо мною.

Фіеско. О, нѣтъ, Юлія! Тогда *мои* чувства подмѣтили бы огненное зарево *твоихъ*, и тѣмъ бодрѣе понеслись бы къ нимъ на встрѣчу. (*Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку.*)

Юлія. Твое лицо горитъ лихорадочнымъ огнемъ, какъ твои рѣчи. Горе мнѣ! — я чувствую, что и мое дышетъ дикимъ, преступнымъ пламенемъ. Умоляю тебя, выйдемъ на свѣтъ. Разгоряченные чувства могутъ воспользоваться гибельнымъ намѣкомъ этой темноты. Пойдемъ! Эти коварные возмутители, въ отсутствіе стыдливаго дня, могутъ предаться своимъ безбожнымъ дѣламъ. Пойдемъ, заклинаю тебя!

Фіеско. Ты боишься ея безъ причины, моя любовь! Развѣ можетъ повелительница бояться своего невольника?

Юлія. Мужчины! — вы вѣчное противорѣчіе! Отдаваясь въ плѣнъ нашему самолюбію, развѣ вы не становитесь самыми опасными побѣдителями? Неужели я должна сознаться передъ тобою, Фіеско, что только пороки охраняли до сихъ поръ мою добродѣтель? одна гордость насмѣхалась надъ твоими усиліями? одни мои правила сопротивлялись тебѣ? Ты отчаялся въ успѣхѣ своихъ хитростей, — и сталъ дѣйствовать на кровь Юліи. И я побѣждена.

Фіеско (*легкомысленно*). Что-жь теряешь ты отъ этой потери?

Юлія (*вспыльчиво, съ жаромъ*). Если я уступлю ключъ къ моему женскому святилищу, и ты станешь заставлять меня краснѣть, когда тебѣ вздумается? — что я тогда потеряю? — Все! Хочешь знать болѣе, насмѣшникъ? Хочешь вынудить признанье, что вся *тайная мудрость* нашего пола заключается въ жалкомъ умѣньѣ *отстаивать* нашу смертную сторону, которую одну только вы и *осаждаете* своими клятвами? что она сама (признаюсь со стыдомъ) желаетъ быть *побѣжденной*, и часто при первомъ косомъ взглядѣ добродѣтели измѣннически сдается врагу? что все наше женское искусство только и отстаиваетъ этотъ слабый оплотъ, какъ въ *шахматахъ* всѣ офицеры прикрываютъ беззащитнаго короля? Ты побѣдилъ его — мать! (*Послѣ нѣкотораго молчанія, значительно.*) Вотъ картина нашей хвастливой нищеты! — Будь великодушень!

Фіеско. Такъ что же, Юлія! Гдѣ лучше, какъ не въ моей безконечной любви, ты можешь зарыть это сокровище?

Юлія. Конечно — нигдѣ лучше и нигдѣ хуже. Послушай, Фіеско, какъ долго продолжится эта безконечность? Ахъ, я играла уже слишкомъ несчастливо, чтобы мнѣ не рискнуть послѣднимъ. *Поймать* тебя — я довѣряла своей красотѣ; но не надѣюсь на ея всемогущество — *удержать* тебя. Ахъ, что я сказала! (*Она отступаетъ и закрываетъ лицо руками.*)

Фіеско. Два грѣха въ *одинъ* мигъ. Недовѣріе къ моему вкусу, или проступокъ противъ твоей любезности — что труднѣе простить?

Юлія (*полупобѣжденная, толнымъ голосомъ*). Ложь — орудіе ада; въ ней не нуждается Фіеско, чтобъ погубить свою Юлію. (*Въ изнеможеніи падаетъ на софу; потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, торжественно.*) Послушай, дай сказать тебѣ еще одно слово, Фіеско! Мы героини, когда увѣрены въ безопасности своей добродѣтели; когда защищаемъ ее — *дѣти*; (*глядя пристально ему въ глаза*) *фуріи*, когда мстимъ за неѣ! Послушай, Фіеско! а если ты меня губишь хладнокровно?

Фіеско (*принимая раздраженный тонъ*). Хладнокровно? Но, ради самого Бога! чего же требуетъ еще ненасытное самолюбіе женщины? — Она видитъ, какъ пресмыкается у ея ногъ мужчина, и все еще сомнѣвается? Но онъ просыпается, я это чувствую (*переходя въ холодный тонъ*): еще во время открываются глаза мои. Что вымаливалъ я? Величайшая благосклонность женщины не стоитъ малѣйшаго униженія мужчины. (*Ей, низко и холодно кланяясь.*) Успокойтесь, графиня! Теперь вы безопасны.

Юлія (*озадаченная*). Графъ, что это значитъ?

Фіеско (*совершенно равнодушно*). Да, синьора! Вы совершенно правы: нашу честь мы можемъ всего только *разъ* ставить на карту. (*Въжливо, цѣлуя ей руку.*) Я буду имѣть удовольствіе засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе передъ обществомъ. (*Хочетъ идти.*)

Юлія (*бѣжитъ за нимъ и останавливаетъ его*). Пстой! Съ ума ты сошелъ? Пстой! Неужели я должна сказать — признаться въ томъ, чего всѣ мужчины на колѣняхъ, въ слезахъ, въ пыткѣ не вырвали бы у моей гордости? Горе мнѣ! и эта темнота слишкомъ свѣтла, чтобы скрыть пламенный румянецъ,

зажженный на щекахъ моихъ этимъ признаніемъ. Фіеско! (О, я пронзаю сердце всего нашего пола!... весь мой полъ будетъ вѣчно меня ненавидѣть....) я люблю тебя, Фіеско! (*Падаютъ предъ нимъ на колѣни.*)

Фіеско (*отступаетъ на три шага, оставляетъ ее на колѣняхъ и, торжествуя, хохочетъ*). Мнѣ жаль васъ, синьора! (*Онъ звонитъ въ колокольчикъ, отдергиваетъ занавѣску и выводитъ Леонору.*)

Юлія (*съ крикомъ вскакиваетъ съ полу*). Ахъ! я обманута!

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЗАГОВОРЩИКИ *входятъ всѣ вмѣстѣ*. ДАМЫ *съ другой стороны*. ФІЕСКО, ЛЕОНОРА и ЮЛІЯ.

ЛЕОНОРА. Супругъ мой, это жестоко!

Фіеско. Дурное сердце не заслуживаетъ снисхожденія. *Твоимъ* слезамъ я обязанъ былъ сдѣлать это удовлетвореніе. (*Присутствующимъ.*) Нѣтъ, господа, я не привыкъ при каждомъ удобномъ случаѣ вспыхивать дѣтскимъ пламенемъ. Людскія глупости долго меня забавляютъ, прежде чѣмъ разсердятъ. Эта заслуживаетъ всю силу моего гнѣва: она хотѣла отравить этимъ порошкомъ этого ангела. (*Показываетъ ядъ. Всѣ отступаютъ съ отвращеніемъ.*)

Юлія (*подавляя свою ярость*). Хорошо! хорошо! очень хорошо, графъ! (*Хочетъ идти.*)

Фіеско (*останавливая ее за руку*). Подождите

немного, синьора! Мы еще не разочлись съ вами. Быть можетъ, присутствующимъ захочется знать, почему я, вопреки здравому смыслу, рѣшился разыгрывать романъ съ первой душой въ цѣлой Генуѣ.

Юлія (*вздрыгнувъ*). Это нестерпимо! Но трепещи ты! (*Грозя.*) Дорія еще гремитъ въ Генуѣ, а я — его сестра.

Фіеско. Плохо, если это ваша *последняя желчь*. Къ сожалѣнію я долженъ объявить вамъ, что Фіеско, графъ Лаванья, свилъ веревку изъ украденной діадемы вашего свѣтлѣйшаго братца, и въ эту же ночь готовится удавить ею вора Республики. (*Въ то время, какъ она мѣняется въ лицъ, онъ презрительно хохочетъ.*) Не правда-ли, это случилось такъ неожиданно! — и видите-ли (*еще колче*) — для того я счелъ необходимымъ дать занятіе непрошенымъ взглядамъ вашего дома; для того облекся я (*показывая на нее*) въ эту шутовскую страсть; для того (*показывая на Леонору*) я бросилъ этотъ драгоценный алмазь, и вотъ — моя добыча благополучно попала въ просакъ. Благодарю васъ, синьора, за благосклонность и возвращаю вамъ это театральное украшеніе. (*Отдаетъ Юліи ея силуэтъ съ низкимъ поклономъ.*)

Леонора (*ласкаясь къ Фіеско*). Мой Людовико, она плачетъ. Тебя умоляетъ твоя Леонора!

Юлія (*дерзко Леонорѣ*). Молчи, ты, ненавистная! . . .

Фіеско (*случъ*). Будь любезенъ другъ, предложи руку этой дамѣ; она желаетъ осмотрѣть мою государственную тюрьму. Ты мнѣ отвѣтишь, если ктонибудь обезпокоитъ графиню. На дворѣ слишкомъ свѣжо;

буря, что нынѣшнюю ночь расколетъ родословное дерево Доріевъ, могла бы легко разстроить ея прическу.

Юлія (*рыдая*). Да разразится надъ тобою чума, черный, коварный лицемѣръ! (*Леоноръ, яростно.*) Не смѣши торжествовать! Онъ погубить и тебя и себя, и кончить — отчаяніемъ! (*Бросается вонъ.*)

Фіеско (*кланяясь гостямъ*). Вы были свидѣтелями — такъ спасите мою честь передъ лицомъ Генуи. (*Заговорщикамъ.*) Когда грянетъ пушка — вы прійдете за мной. (*Всѣ уходятъ.*)

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕОНОРА. ФІЕСКО.

ЛЕОНОРА (*робко подходитъ къ нему*). Фіеско! Фіеско! я понимаю васъ только вполовину, но уже трепещу за васъ.

ФІЕСКО (*важно*). Леонора, я видѣлъ когда-то, что вы шли по лѣвую сторону одной Генуэзки; я видѣлъ, что на собраніяхъ знати вы довольствовались вторымъ поклономъ нобилей. Леонора, это рѣзало мнѣ глаза. Я рѣшилъ, что этого не должно быть, и — этого не будетъ. Слышите ли воинскій шумъ въ моемъ дворцѣ? Что васъ ужасаетъ — свершится. Идите спать, графиня; завтра я разбужу герцогиню.

ЛЕОНОРА (*всплеснувъ руками, падаетъ въ кресло*). Боже! Мое предчувствіе! Я погибла!

ФІЕСКО (*съ достоинствомъ*). Выслушайте меня,

моя любовь! Двое изъ моихъ предковъ носили тройную корону. Кровь Фіеско обращается спокойно только подъ порфирой. Неужели вашъ супругъ долженъ блистать однимъ наслѣдственнымъ блескомъ? (*Живѣе.*) Какъ? за все свое величіе быть благодарнымъ шаткому случаю, слѣпившему въ минуту прихоти изъ сгнившихъ заслугъ — Іоанна Людвига Фіеско? Нѣтъ, Леонора! Я слишкомъ гордъ, чтобы принимать въ подарокъ то, что самъ съумѣю добыть. Нынѣшнюю ночь я возвращу моимъ предкамъ свое заемное украшеніе. *Графы Лаваньи* — вымерли, начинаются *герцоги*.

ЛЕОНОРА (*въ тихой задумчивости, качая головой*). Я вижу, какъ мой супругъ, покрытый глубокими, смертельными ранами, падаетъ на землю. (*Глухо.*) Я вижу, какъ нѣмые носильщики несутъ мнѣ на встрѣчу растерзанное тѣло моего супруга. (*Вскакиваетъ въ ужасъ.*) Первая встрѣчная пуля пробиваетъ сердце моего Фіеско!

ФІЕСКО (*съ любовью беретъ ее за руку*). Успокойся, дитя мое! Этой первой пули не будетъ.

ЛЕОНОРА (*смотритъ на него серьезно*). И Фіеско съ такою увѣренностію испытуетъ небо? И если бы изъ тысячи случаевъ былъ возможенъ только одинъ, и этотъ одинъ изъ тысячи можетъ выпасть, — и мой супругъ погибнетъ. Подумай, ты играешь съ небомъ, Фіеско! И если бы на одинъ проигрышъ было бильонъ выигрышей, неужели осмѣлился бы ты встряхнуть ихъ и выйти на дерзкій бой съ самимъ Богомъ? Нѣтъ, мой супругъ! Когда все поставлено на карту, тогда игра — богохульство.

ФІЕСКО (*улыбаясь*). Не тревожься, — счастье со мною.

ЛЕОНОРА. И ты говоришь это, когда самъ видѣлъ эту губящую душу игру (Вы называете ее препровожденіемъ времени!), самъ смотрѣлъ на обманщицу, какъ она манила своего любимца ничтожными выигрышами, пока онъ не разгорячился, не вскочилъ, не захотѣлъ сорвать всего банка, — и потомъ въ одну сдачу предала его мукамъ отчаянія? О, мой супругъ! ты идешь не для того, чтобы показать себя Генуэзцамъ, и быть обожаемому. Разбудить республиканцевъ, напомнить коню о его копытахъ — это не бездѣлица. Фіеско, не полагайся на этихъ бунтовщиковъ. Умные, что тебя возбуждаютъ — боятся тебя; глупцы обожаютъ, но бесполезны. И куда ни погляжу — всюду ожидаетъ гибель моего Фіеско.

ФІЕСКО (*ходитъ большими шагами по комнатѣ*). Малодушіе опасно. Величіе требуетъ жертвъ.

ЛЕОНОРА. Величіе, Фіеско? О, зачѣмъ твой геній такъ враждебенъ моему сердцу! Если счастье тебѣ не измѣнитъ — ты побѣдишь, хочу я сказать, — тогда горю миѣ злополучнѣйшей изъ женщинъ. Я буду несчастна, если тебѣ не удастся; если жъ посчастливится — стану еще несчастнѣе. Тутъ нѣтъ выбора, мой возлюбленный! Если Фіеско не станетъ герцогомъ — онъ погибъ; погибъ мой супругъ, если я въ немъ обниму герцога.

ФІЕСКО. Я не понимаю тебя.

ЛЕОНОРА. Мой милый Фіеско! въ бурной атмосферѣ честолюбія увядаетъ нѣжное растеніе любви. Сердце человека — и будь этимъ человекомъ самъ Фіеско — слишкомъ тѣсно для двухъ всемогущихъ боговъ, боговъ такъ не похожихъ другъ на друга. Любви даны слезы, и даръ понимать эти слёзы. Глаза властолюбія — же-

лѣзо; изъ нихъ не выжмешь сочувствія. У любви всего *одно* благо: ей нѣтъ нужды до остальнаго міра; *властолюбіе* голодаетъ и тогда, когда грабитъ всю природу. *Властолюбіе* разрушаетъ міръ и превращаетъ его въ тюрьму; *любовь* и въ пустынь создаетъ Элизіумъ. Захочешь ли ты успокоиться на груди моей — упрямый вассалъ постучится въ твоё царство; захочу ли я упасть въ твои объятія — деспотическій страхъ твой будетъ видѣть убійцъ, спрятанныхъ за пологомъ, и гнать тебя изъ комнаты въ комнату. А тамъ вкрадется подозрительность и отравитъ домашнее согласіе. Если твоя Леонора подастъ тебѣ пить, ты оттолкнешь кубокъ съ омерзѣніемъ и мою нѣжность назовешь отравительницей.

Фіеско (*въ ужасъ останавливается*). Довольно, Леонора! Какая ужасная картина!

Леонора. И все таки картина еще не окончина. Я бы сказала: жертвуй *любовью* величію, жертвуй *спокойствіемъ*, если бы только Фіеско остался прежнимъ.... Боже! вотъ гдѣ ударъ!... Кому нечего бояться людей, сжалится ли тотъ надъ человѣкомъ? Кто по произволу поражаетъ громовыми стрѣлами, найдетъ ли тотъ нужнымъ ободрить его ласковымъ словомъ?...

Фіеско (*въ безпокойствѣ прохаживаясь по комнатѣ*). Довольно, Леонора! Мостъ поднять за мною.

Леонора (*томно смотритъ на него*). Такъ что же, мой супругъ? Только того, что сдѣлано — не веротишь. (*Нѣжно и немного лукаво.*) Я слыхала однажды, какъ ты клялся, что красота моя разрушила всѣ твои планы. Ты произнесъ ложную клятву, лицемеръ, или красота моя отцвѣла прежде временно. Спро-

си свое сердце, кто виновать? (*Съ жаромъ, обнявъ его обѣими руками.*) Воротись! опомнись! откажись! Любовь вознаградить тебя. Если мое сердце не можетъ утолить твоего ненасытнаго голода, Фіеско, то *власть* утолить еще того менѣе. (*Ласкаясь.*) Пойдемъ! Я изучу всѣ твои желанія, солью всѣ чары природы въ одномъ поцѣлѣ любви. чтобъ только удержатъ бѣглеца въ этихъ небесныхъ оковахъ. Твое сердце безконечно: пусть будетъ такою и наша любовь, Фіеско! Осчастливитъ бѣдное созданье, что ищетъ свое небо на груди твоей, — неужели это можетъ оставить пустоту въ твоёмъ сердцѣ?

Фіеско (*совершенно потрясенный*). Леонора, что ты сдѣлала? (*Въ безсилъь припадаетъ ей на грудь.*) Теперь я не буду въ силахъ показаться на глаза ни одному Генуэзцу.

Леонора (*радостно, быстро*). Бѣжимъ, Фіеско! Бросимъ въ прахъ всю эту блестящую ничтожность, поселимся гдѣ нибудь въ пустынѣ и будемъ жить для одной любви! (*Она восторженно прижимаетъ его къ сердцу.*) Наши души, чистыя, какъ прозрачная лазурь неба надъ нами, перестанетъ заражаться ядовитымъ дыханьемъ горя. Наша жизнь потечетъ тогда согласно, журчащимъ потокомъ, на лоно Творца. (*Раздается пушечный выстрѣлъ. Фіеско вырывается изъ ея объятій. Заговорщики входятъ въ залу.*)

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Заговорщики. Настало время!

Фіеско (*Леоноръ, твердо*). Прощай! — на вѣки, или Генуя завтра же будетъ лежать у ногъ твоихъ. (*Хочетъ выбѣжать.*)

Бургоньино (*кричитъ*). Графинѣ дурно! (*Леонора падаетъ въ обморокъ. Всѣ бросаются ее поддерживать. Фіеско падаетъ къ ея ногамъ.*)

Фіеско (*раздирающимъ душу голосомъ*). Леонора! Спасите! ради Самого Бога, спасите! (*Роза и Белла прибѣгаютъ къ ней на помощь.*) Она открываетъ глаза.... (*Встаетъ, съ рѣшительностію.*) Теперь пойдемъ — закрыть ихъ Дорію! (*Заговорщики бросаются изъ залы. Занавѣсъ опускается.*)

ПЯТЫЙ АКТЪ.

За полночь. Большая улица въ Генуѣ. Тамъ и сямъ у нѣкоторыхъ изъ домовъ мерцаютъ фонари, которые постепенно гаснутъ. На заднемъ планѣ видны ворота Святаго Ѳомы, еще запертые. Въ перспективѣ — море. Проходитъ нѣсколько человѣкъ съ фонарями, потомъ рундъ и патруль. Все спокойно. Одно море сильно волнуется.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

ФИЕСКО *входитъ вооруженный и останавливается передъ дворцомъ Андрея Дорія. Потомъ АНДРЕЙ.*

ФИЕСКО. Старикъ сдержалъ слово — во дворцѣ потушены свѣчи. Стражи нѣтъ Позвоню. (*Звонитъ.*) Эй! проснись, Дорія! преданный, проданный Дорія! Проснись! проснись!

АНДРЕЙ (*показывается на балконѣ*). Кто тамъ звонилъ?

ФИЕСКО (*измѣнивъ голосъ*). Не спрашивай! Слѣдуй за мной! Твоя звѣзда гаснетъ, герцогъ! Генуя возстаетъ противъ тебя. Уже палачи твои близко, — и ты можешь спать, Андрей?

Андрей (*гордо*). Я помню, какъ бурное море ссорилось съ моей Беллоной: уже киль трещалъ и рухнула главная мачта, а Андрей Дорія спалъ спокойно. Кто шлетъ палачей?

Фіеско. Тотъ, кто страшнѣе твоего ревущаго моря — Іоаннъ Людвигъ Фіеско.

Андрей (*смѣется*). Ты въ духѣ шутить, другъ! Но для шутокъ есть день; а полночь — часъ не обычный.

Фіеско. Ты смѣешься надъ тѣмъ, кто пришѣлъ предостеречь тебя.

Андрей. Я благодарю его — и иду спать. Фіеско закипировался: у него нѣтъ лишняго времени для Дорія.

Фіеско. Несчастный старикъ! не довѣрай змѣѣ! Семь цвѣтовъ играетъ на ея скользкой спинѣ. Ты приближаешься — и вмигъ обхватываетъ тебя смертоносная спираль. Ты презираешь извѣтъ предателя; не пренебрегай совѣтомъ друга. Осѣдланый конь стоитъ на твоёмъ дворѣ. Бѣги, пока есть время! Не пренебрегай совѣтомъ друга!

Андрей. Фіеско благороденъ. Я ни разу не оскорбилъ его, и Фіеско мнѣ не измѣнитъ.

Фіеско. Онъ благороденъ — онъ измѣнилъ тебѣ — и доказалъ тебѣ то и другое.

Андрей. Такъ у меня есть стража; и ее не побѣдитъ ни какой Фіеско, если только ему не служатъ херувимы.

Фіеско (*насмѣшливо*). Я бы хотѣлъ поговорить съ нею, чтобъ передать письмо въ вѣчность.

Андрей (*гордо*). Жалкій насмѣшникъ! или ты никогда не слыхалъ, что *Андрею Дорію* *восемьдесятъ*

лѣтъ, и что Генуя — счастлива? (Уходитъ съ балкона.)

ФИЕСКО (пристально смотритъ ему вслѣдъ). И мнѣ надо сперва свергнуть этого человѣка, чтобы узнать потомъ, какъ трудно съ нимъ сравняться? (Въ раздумьѣ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ и впередъ.) Нѣтъ, я противопоставилъ величіе величію. Мы съ тобою сквитались, Андрей; и гибель — да идетъ своею дорогой! (Уходитъ въ заднюю улицу. Барабаны гремятъ повсюду. Жаркая схватка у воротъ Св. Θомы. Ворота падаютъ и открываютъ видъ на гавань, гдѣ стоятъ корабли, освѣщенные факелами.)

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ДЖІАНЕТТИНО ДОРІА закутанный въ красную мантию.

ЛОМЕЛЛИНО. СЛУГИ съ факелами.

ДЖІАНЕТТИНО (останавливаясь). Кто приказалъ бить тревогу?

ЛОМЕЛЛИНО Съ галеръ грянулъ выстрѣлъ.

ДЖІАНЕТТИНО. Видно невольники разорвали свои цѣпи. (Выстрѣлы у воротъ Св. Θомы.)

ЛОМЕЛЛИНО. Тамъ дерутся.

ДЖІАНЕТТИНО. Ворота сбиты! стража въ смятеніи! (Слуhamъ.) Живѣй, бездѣльники! Свѣтите къ гавани! (Спѣшитъ къ воротамъ.)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. БУРГОНЬИНО *съ* ЗАГОВОРЩИКАМИ *входитъ въ ворота Св. Оолы.*

БУРГОНЬИНО. Себастіанъ Лескаро храбрый солдатъ.

ЦЕНТУРІОНЕ. Дрался, какъ медвѣдь, пока не убили.
ДЖІАНЕТТИНО (*въ смущеніи отступаетъ*). Что я слышу? Стойте!

БУРГОНЬИНО. Кто тамъ съ факелами?

ЛОМЕЛЛИНО. Это враги, принцъ! Бѣгите скорѣй!

БУРГОНЬИНО (*запальчиво*). Кто тамъ съ факелами?

ЦЕНТУРІОНЕ. Стой! Что лозунгъ?

ДЖІАНЕТТИНО (*выхватываетъ мечъ, гордо*). Покорность и Дорія!

БУРГОНЬИНО (*въ ярости*). Губитель Республики и моей невѣсты! (*Заговорщикамъ, въ то время, какъ бросается на Джіанеттино.*) Удачная встрѣча, товарищи! Сами дьяволы выдаютъ его мнѣ! (*Закалываетъ его.*)

ДЖІАНЕТТИНО (*падаетъ съ воплемъ*). Разбой! разбой! разбой! Отомсти за меня, Ломеллино!

ЛОМЕЛЛИНО и СЛУГИ (*разбѣгаясь*). Помогите! убійцы! убійцы!

ЦЕНТУРІОНЕ (*громко*). Этотъ лежитъ. Взять графа! (*Ломеллино схватываютъ.*)

ЛОМЕЛЛИНО (*на колѣняхъ*). Не убивайте меня! Я перейду на вашу сторону!

Бургоньино. Живетъ же эта гадина? Трусъ можетъ бѣжать. (*Ломеллино убѣгаетъ.*)

Центуріоне. Ворота наши; Джіанеттино убить. Бѣгите живѣй, и расскажите обо всемъ Фіеско.

Джіанеттино (*судорожно приподымаясь*). Чума! — Фіеско! . . . (*Умираетъ.*)

Бургоньино (*вырываетъ мечъ изъ трупа*). Генуя свободна, — свободна и моя Берта. Дай мнѣ свой мечъ, Центуріоне, а этотъ, обагрѣнный его кровью, снеси моей невѣстѣ. Тюрьма ея разрушена. Я прійду вѣлѣдъ за тобою. (*Поспѣшно расходятся въ разныя стороны.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

Андрей Дорія. Нѣмцы.

Нѣмецъ. Буря пронеслась въ другую сторону. На коня, герцогъ!

Андрей. Дайте мнѣ еще разъ взглянуть на башни Генуи и на ея небо! Нѣтъ, это не сонъ: Андрею изменили.

Нѣмецъ. Кругомъ враги! Бѣгите! спѣшите перебраться черезъ границу.

Андрей (*бросается на трупъ своего племянника*). Здѣсь хочу я умереть. Пусть никто не говоритъ мнѣ о бѣгствѣ. Здѣсь лежитъ опора моей старости. Мой путь оконченъ. (*Вдали показываются Кальканьо съ заговорщиками.*)

Нѣмецъ. Убійцы близко! Бѣгите, герцогъ!

Андрей (*въ то время, когда снова раздаётся бой барабановъ*). Слышите ли, чужеземцы? слышите? Это Генуэзцы, которыхъ я освободилъ изъ подъ ярма. (*Закрываетъ лицо руками.*) Такъ ли отплачиваютъ въ вашемъ отечествѣ?

Нѣмецъ. Бѣгите отсюда! а мы тѣмъ временемъ станемъ зазубривать ихъ мечи нашими нѣмецкими костями.

Андрей. Спасайтесь сами! Оставьте меня! Ужасните народы страшною вѣстью: Генуэзцы убили своего отца!

Нѣмецъ. Бѣгите! До убійства еще далеко. Стойте, товарищи! окружите герцога! (*Обнажаютъ мечи.*) Да внушатъ наши мечи этимъ итальянскимъ собакамъ уваженіе къ сѣдинамъ.

Кальканьо (*кричитъ*). Кто идетъ? Что тамъ такое?

Нѣмцы (*нанося удары*). Нѣмецкіе удары! (*Уходятъ, сражаясь. Трупъ Джіанеттино уносятъ съ собою.*)

ШЕСТЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕОНОРА *въ мужскомъ платьѣ*. АРАБЕЛЛА *слѣдуетъ за нею. Обѣ крадутся боязливо.*

Арабелла. Воротитесь, синьора! о, воротитесь!

Леонора. Тамъ кипитъ возмущеніе. Чу! что это?

не стонъ ли умирающаго? Горе мнѣ! они окружають его. . . . На сердце Фіеско устремлены зіяющія дула ихъ ружей — на мое сердце, Белла! Они спускають курокъ. . . . Остановитесь! — это мой мужъ! (*Протираетъ руки къ небу.*)

АРАБЕЛЛА. Но, ради Бога! . . .

ЛЕОНОРА (*кричитъ въ забвеніе*). Фіеско! Фіеско! Фіеско! Они оставляють его — его сообщники. Вѣрность бунтовщиковъ шатка! (*Въ ужасъ.*) Мой мужъ предводительствуетъ бунтовщиками? Белла! Праведное небо! — мой Фіеско бунтовщикъ!

АРАБЕЛЛА. Нѣтъ, синьора! — онъ грозный судья Генуи!

ЛЕОНОРА (*внимательно*). Быть можетъ и такъ, — а Леонора трепетала? Перваго изъ республиканцевъ обнимала малодушнѣйшая изъ республиканокъ? Ступай, Арабелла! Когда мужчины сражаются за отечество, тогда и женщины должны чувствовать свое достоинство! (*Слышенъ снова барабанный бой.*) Я пойду — и брошусь между бойцами.

АРАБЕЛЛА (*всплеснувъ руками*). Милосердное небо!

ЛЕОНОРА. Тише! На что это споткнулась моя нога? Шляпа и плащъ. А вотъ и мечъ лежитъ возлѣ. (*Подымаетъ его.*) Какъ онъ тяжелъ, моя Белла! Однако я смогу еще тащить его за собою: и мечъ не опозоритъ своего владѣльца. (*Звонятъ въ набатъ.*)

АРАБЕЛЛА. Слышите? слышите? Это съ доминиканской башни. Господи помилуй! Какъ страшно.

ЛЕОНОРА (*мечтая*). Скажи, какъ восхитительно! Этимъ набатамъ говоритъ Фіеско съ Генуей. (*Барабанный бой становится слышимъ.*) Ни когда еще

флейты не звучали для меня такъ сладко! И эти барабаны оживляетъ мой Фіеско. Какъ бьется мое сердце! Вся Генуя возстаетъ; наемники стремятся вслѣдъ за его именемъ, — и жена его будетъ трепетать? (*Раздается набатъ еще съ трехъ башенъ.*) Нѣтъ! только героиня можетъ обнять моего героя. Мой Брутъ обниметъ Римлянку. (*Она надѣваетъ шляпу и накидываетъ красный плащъ.*) Я Порція!

АРАБЕЛЛА. Синьора, опомнитесь! — Вы въ бреду! (*Колокола и барабаны.*)

ЛЕОНОРА. Несчастливая, ты все это слышишь! — и не въ бреду. Эти камни готовы заплакать, что у нихъ нѣтъ ногъ — слѣдовать за моимъ Фіеско. Эти дворцы негодуютъ на своихъ зодчихъ, приковавшихъ ихъ къ землѣ такъ твердо, что они не въ силахъ уйти въ слѣдъ за моимъ Фіеско. Берега, если бъ могли только, забыли бы свой долгъ, предали всю Геную въ добычу моря и пошли бы за его барабанами. Неужели и то, что распеленываетъ самую смерть, не можетъ пробудить твоего мужества? Оставь меня! — я и сама найду дорогу.

АРАБЕЛЛА. Великій Боже! и вы думаете исполнить вашъ капризъ?

ЛЕОНОРА (*величественно*). Да, думаю!... (*Восторженно.*) Туда, гдѣ всего яростнѣй кипитъ битва, туда, гдѣ дерется мой Фіеско. Это ли Лаванья? спрашиваютъ они, кого ни кто не можетъ побѣдить, кто играетъ на Геную въ желѣзные кости, это ли Лаванья? Генуэзцы, это онъ! скажу я: и этотъ герой — мой мужъ, и у меня также есть рана. (*Сакко съ заговорщиками.*)

САККО (*окликаетъ*). Кто идетъ? Дорія или Фіеско?

ЛЕОНОРА (*вдохновенно*). Фіеско и свобода! (*Кидается въ улицу. Смятеніе. Беллу оттъсняютъ.*)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

САККО *съ толпою*. КАЛЬКАНЬО *съ другою встрѣчается съ нимъ*.

КАЛЬКАНЬО. Андрей Дорія бѣжалъ.

САККО. Худшая для тебя рекомендація передъ Фіеско.

КАЛЬКАНЬО. Медвѣди, эти Нѣмцы! — окружили старика, какъ утесы. Мнѣ даже не удалось его увидѣть. Десять нашихъ остались на мѣстѣ. Я самъ раненъ въ лѣвое ухо. Чортъ возьми! какъ же должны они защищать *своихъ собственныхъ государей*, когда такъ дерутся за *чужихъ тирановъ*?

САККО. Теперь наша партія сильна. Всѣ ворота въ нашихъ рукахъ.

КАЛЬКАНЬО. Въ замкѣ, слышалъ я, все еще дерутся.

САККО. Тамъ Бургоньино. Что дѣлаетъ Веррина?

КАЛЬКАНЬО. Сталь между Генуей и моремъ, какъ цѣпная собака у входа въ адъ: и комаръ не пролетитъ.

САККО. Я пойду подымать предмѣстія.

КАЛЬКАНЬО. А я — на піацца Сарцано. Шевелись барабанщикъ! (*Уходитъ съ барабаннымъ боемъ.*)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ

МАВРЪ Толпа машенниковъ съ факелами.

МАВРЪ. Знайте, бездѣльники, что я заварилъ всю эту кашу, а мнѣ не даютъ и ложки. Прекрасно! Мнѣ нравится эта суматоха. Начнемъ-ка жечь и грабить. Тамъ они дерутся изъ за герцогства, а мы здѣсь станемъ жечь церкви. (*Разсыплются по сосѣднимъ домамъ.*)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

БУРГОНЬИНО. БЕРТА *переодѣтая*.

БУРГОНЬИНО. Отдохни здѣсь, мой милый! Ты въ безопасности. Не раненъ ли ты?

БЕРТА (*измѣнивъ голосъ*). Нѣтъ.

БУРГОНЬИНО (*съ живостью*). Такъ вставай. Я поведу тебя туда, гдѣ добываютъ раны за Геную, славныя, какъ эта. (*Показываетъ руку.*)

БЕРТА (*отступая*). Праведное небо!

БУРГОНЬИНО. Ты пугаешься? Ребенокъ, тебѣ рано еще быть мужчиной. Сколько тебѣ лѣтъ?

БЕРТА. Пятнадцать.

БУРГОНЬИНО. Плохо! Тебѣ не хватаетъ пяти лѣтъ для этой ночи. Кто твой отецъ?

БЕРТА. Лучшій гражданинъ Генуи.

Бургоньино. Осторожнѣй, ребенокъ! Я знаю только *одного*, и дочь его моя невѣста. Знаешь ли ты семейство Веррины?

БЕРТА. Надѣюсь.

Бургоньино (*быстро*). И знаешь его божественную дочь?

БЕРТА. Его дочь зовутъ Бертой.

Бургоньино (*съ жаромъ*). Ступай сію минуту и передай ей это кольцо. Оно стòитъ обручальнаго, скажешь ты ей.... и голубое перо еще развивается. Теперь иди! Я долженъ спѣшить туда.... Опасность еще не миновалась. (*Нѣсколько домовъ загорается.*)

БЕРТА (*вслѣдъ ему, тихимъ голосомъ*). Сципіонъ!

Бургоньино (*останавливается въ изумленіи*). Клянусь моимъ мечемъ, я знаю этотъ голосъ!

БЕРТА (*бросаясь ему на шею*). Клянусь моимъ сердцемъ, и я тебя знаю!

Бургоньино (*вскрикиваетъ*). Берта! (*Набатъ въ предмѣстіяхъ. Смятеніе. Обнявшись, оба исчезаютъ въ толпѣ.*)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФІЕСКО *входитъ разсерженный*. ЦИБО. СВИТА.

ФІЕСКО. Кто это поджогъ?

ЦИБО. Замокъ взять.

Фіеско. Кто это поджогъ?

Цибо (*обращаясь къ свитѣ*). Отыскать поджигателей. (*Нѣкоторые уходятъ.*)

Фіеско (*инѣно*). Они хотятъ сдѣлать меня зажигателемъ? Скорѣй за пожарными трубами и ведрами. (*Свита уходитъ.*) Схватили ль Джіанеттино?

Цибо. Говорятъ.

Фіеско (*бѣшено*). Только говорятъ! Кто говоритъ это? Цибо, ради вашей чести, неужели онъ убѣжалъ?

Цибо. Если я смѣю противопоставить свои глаза словамъ дворянина — Джіанеттино живъ.

Фіеско (*вспыльчиво*). Вы говорите на свою шею, Цибо.

Цибо. Еще разъ — восемь минутъ тому назадъ я видѣлъ его живаго съ желтымъ перомъ и въ красномъ плащѣ.

Фіеско (*внѣ себя*). Небо и адъ! Цибо, я укорочу Бургоньино на цѣлую голову. Бѣгите, Цибо! — Пусть запрутъ всѣ городскія ворота; пусть стрѣляютъ по всякой фелукѣ: такъ, по крайней мѣрѣ, онъ не уйдетъ моремъ. Этотъ алмазъ, Цибо, самый цѣнный въ Генуѣ, Луккѣ, Венеціи и Пизѣ, — кто мнѣ принесетъ извѣстіе: Джіанеттино убитъ, — тотъ получитъ этотъ алмазъ. (*Цибо убѣгаетъ.*) Летите, Цибо!

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФІЕСКО. САККО. МАВРЪ. СОЛДАТЫ.

САККО. Мы поймали этого Мавра на дѣлѣ: онъ собирался кинуть горящую головню въ іезуитскій соборъ.

ФІЕСКО. Твоя измѣна сошла тебѣ съ рукъ, потому что косалась лично меня. Зажигателямъ — веревка. Отвесь его сей часъ и повѣсить на церковныхъ воротахъ.

МАВРЪ. Тьфу! скверно! Это мнѣ не понутру. Нельзя ли тутъ чего нибудь выканючить?

ФІЕСКО. Ничего.

МАВРЪ (*довѣрчиво*). Сошлите меня на этотъ разъ, для пробы, на галеры.

ФІЕСКО (*даетъ знакъ солдатамъ*). На висѣлицу.

МАВРЪ (*нахально*). Такъ я приму Христіанство.

ФІЕСКО. Церковь не нуждается въ языческой проказѣ.

МАВРЪ (*лѣстиво*). Покрайней мѣрѣ спровадьте меня въ вѣчность пьянымъ.

ФІЕСКО. Трезвымъ.

МАВРЪ. Ну, такъ не вѣшайте на христіанской церкви.

ФІЕСКО. Рыцарь держитъ слово. Я обѣщалъ тебѣ почетную висѣлицу.

САККО (*съ неудовольствіемъ*). Полно пороть вздоръ, язычникъ. У насъ еще много дѣла.

МАВРЪ. Но — на всякій случай — если оборвется веревка?

ФІЕСКО (*Сакко*). Ее совьютъ вдвое.

МАВРЪ (*рѣшительно*). Ну, такъ и быть! — дьяволъ долженъ быть готовъ на всякій чрезвычайный случай. (*Уходитъ вмѣстѣ съ солдатами, которые его и вѣшаютъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.*)

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФІЕСКО. ЛЕОНОРА *появляется сзади его въ красномъ плащѣ Джіанеттино.*

ФІЕСКО (*замѣчаетъ ее, бросается впередъ, потомъ останавливается и глухо шепчетъ*). Кажется, я знаю это перо и шляпу? (*Подбѣгаетъ ближе, инѣно.*) Я знаю это перо и шляпу. (*Въ бѣшенствѣ бросается на нее и закалываетъ.*) Если у тебя три жизни, то встань снова и ходи! (*Леонора падаетъ съ глухимъ стономъ. Слышется побѣдный маршъ. Барабаны, рога и гобои.*)

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ФІЕСКО. КАЛЬКАНЬО. САККО. ЦЕНТУРІОНЕ. ЦИБО.

Солдаты входятъ съ музыкой и знаменами.

ФІЕСКО (*съ торжественнымъ видомъ идетъ имъ на встрѣчу*). Генуэзцы, жребій выпалъ! Здѣсь

лежить червь моей души — ужасная пища моей ненависти. Подымите мечи — это Джіанеттино!

Кальканьо. А я прихожу сказать вамъ, что двѣ трети Генуи приняли вашу сторону и присягнули знаменамъ Фіеско.

Цибо. А черезъ меня Веррина шлетъ вамъ съ адмиральскаго корабля свой привѣтъ и владычество надъ гаванью и моремъ.

Центуріоне. А черезъ меня губернаторъ города — свой жезлъ и ключи.

Сакко. Въ лицѣ моемъ преклоняютъ колена (*становясь на одно колено*) большой и малый совѣтъ Республики передъ своимъ владыкою, и молятъ о милости и пощадѣ.

Кальканьо. Да будетъ мнѣ позволено первому привѣтствовать великаго побѣдителя Генуи въ ея стѣнахъ! Да здравствуетъ (*Преклоните знамена!*) — *герцогъ генуэзскій!*

Всѣ (*снимая шляпы*). Да здравствуетъ герцогъ генуэзскій! (*Торжественный маршъ.*)

Фіеско (*все это время стоитъ, склонивъ голову на грудь, погруженный въ размышленіе.*)

Кальканьо. Народъ и сенатъ желаютъ видѣть своего повелителя въ герцогской одеждѣ. Позвольте намъ, свѣтлѣйшій герцогъ, проводить васъ съ тріумфомъ въ Синьорію.

Фіеско. Сперва позвольте мнѣ исполнить то, чего требуетъ сердце. Я долженъ былъ оставить дорогое для меня существо въ томительномъ ожиданіи, существо, что должно раздѣлить со мною славу этой ночи. (*Растроганный, къ окружающимъ.*) Будьте такъ

добры — проводите меня сперва къ вашей несравненной герцогинѣ. (*Хочетъ идти.*)

Кальканьо. Неужели мы оставимъ этого негодяя лежать здѣсь и скрывать свой позоръ въ этомъ захолустьѣ?

Центуріоне. Вздѣньте его голову на алебарду.

Цибо. Выметите его разтерзаннымъ тѣломъ наши мостовыя. (*Къ трупу подносятъ факелы.*)

Кальканьо (*въ испугъ, тихо.*) Взгляните сюда, Генуэзцы! Клянусь Богомъ, это лицо не Джіанеттино! (*Всѣ пристально смотрятъ на трупа.*)

Фіеско (*не трогаясь съ мѣста, искоса бросаетъ на него испытующій взглядъ, и потомъ съ содроганіемъ медленно отворачивается*). Нѣтъ, дьяволъ, нѣтъ! — это не Джіанеттино, коварный дьяволъ! (*Глаза его дико блуждаютъ.*) Генуя моя, говорите вы? моя? (*Въ бѣшенствѣ, съ ужаснымъ крикомъ.*) Навожденъ ада! — это жена моя! (*Падаетъ, какъ пораженный громомъ. Заговорщики, въ ужасъ, хранятъ мертвое молчаніе.*)

Фіеско (*медленно подымаясь, глухимъ голосомъ*). Неужели я убилъ жену мою, Генуэзцы? Заклинаю васъ, не смотрите, какъ замогильные призраки, на эту игру случая. Слава Богу! Есть случаи, которыхъ человекъ можетъ не бояться, потому что онъ только человекъ. Кому отказано въ божественныхъ восторгахъ, того нечего пытаться муками ада. Это заблужденіе было бы уже слишкомъ велико. (*Съ ужаснымъ спокойствіемъ.*) Генуэзцы, благодаренье Богу, этого не можетъ быть!

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. АРАБЕЛЛА *входитъ печальная.*

АРАБЕЛЛА. Пускай они убьютъ меня: мнѣ нечего уже терять. Будьте сострадательны! Здѣсь оставила я свою госпожу и теперь нигдѣ не могу отыскать её.

ФІЕСКО (*подходитъ къ ней ближе, тихимъ, дрожащимъ голосомъ*). Леонорой зовутъ госпожу твою?

АРАБЕЛЛА (*радостно*). Ахъ, вы здѣсь, мой добрый господинъ! Не сердитесь на насъ: мы не могли её удержать.

ФІЕСКО (*мрачно и глухо*). Отъ чего удержать, ненавистная?

АРАБЕЛЛА. Чтобы она не шла....

ФІЕСКО (*съ возрастающимъ инѣвомъ*). Молчи! Куда шла?

АРАБЕЛЛА. Въ толпу.

ФІЕСКО (*въ бѣшенствѣ*). Да превратится языкъ твой въ крокодила! Ея одежда?

АРАБЕЛЛА. Красный плащъ....

ФІЕСКО (*въ бѣшенствѣ наступая на нее*). Да разверзнется подъ тобою адская бездна! Этотъ плащъ?

АРАБЕЛЛА. Лежалъ здѣсь на землѣ.

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ЗАГОВОРЩИКОВЪ (*сквозь зубы*). Здѣсь былъ убитъ Джіанеттино.

ФІЕСКО (*отступаетъ въ изнеможеніи, потомъ Арабелла*). Госпожа твоя найдена. (*Арабелла уходитъ въ отчаяніи. Фіеско блуждающимъ взоромъ*

обводитъ присутствующихъ, потомъ тихимъ, замирающимъ голосомъ, который мало по малу переходитъ въ отчаянный крикъ.) Все это правда, правда — и я орудіе этого безконечнаго злодѣйства. (*Звѣрски махая мечемъ.*) Прочь, вы, человѣческія лица. О, (*глядя на небо, съ дерзкимъ скрежетомъ зубовъ*) если-бъ только *Его* мірозданье было между этими зубами! Мнѣ кажется, я истерзалъ бы всю природу, и превратилъ бы ее въ зіяющее ранами страшилище, чтобы уподобить ее моимъ мукамъ. (*Къ присутствующимъ, которые трепеща стоятъ кругомъ.*) Человѣкъ! — какъ радостно стоитъ теперь это жалкое порожденіе и благословляетъ судьбу свою, что она не похожа на мою. Не похожа на мою! (*Впадая въ сильную дрожь.*) Я самъ нанесъ ударъ. (*Дико.*) Я? Отчего я? Отчего и эти не вмѣстѣ со мною? Отчего мукамъ моимъ не притупиться о муки подобнаго мнѣ существа?

Кальканьо (*боязливо*). Мой дорогой герцогъ....

Фіеско (*бросается къ нему съ ужасающею радостью*). Ахъ! добро пожаловать! Здѣсь, слава Богу, есть еще одинъ, подобно мнѣ, разбитый этимъ громомъ. (*Въ бѣшенствѣ сжимая Кальканьо въ объятіяхъ.*) Несчастный братъ! Да будетъ проклятіе тебѣ радостью! Она умерла! Ты также любилъ ее. (*Насильно приводитъ его къ трупу и наклоняетъ къ нему его голову.*) Она умерла! (*Устремивъ безумный взглядъ на одну точку.*) Ахъ, если бы я могъ стать во вратахъ проклятія! мои глаза поглядѣть на разныя пытки изобрѣтательнаго ада! мой слухъ вслушаться въ стоны терзаемыхъ грѣшниковъ! — Если бы я могъ увидѣть свои мученія, кто знаетъ, быть

можетъ, я и перенесъ бы ихъ! (*Съ трепетомъ подходя къ трупу.*) Здѣсь лежитъ убитая жена моя. Нѣтъ, это слабо! (*Выразительнѣе*) Я, негодяй, убилъ жену свою. О, подобныя бездѣлицы едва радуютъ адъ! Сперва онъ вознесъ меня на послѣднюю, скользкую, головоломную вершину радости, къ послѣднимъ предѣламъ неба, и *потомъ* — долой, потомъ (О, если бы мое дыханье могло заразить всю природу!) — потомъ, потомъ — я убиваю жену мою. Нѣтъ! его остроуміе еще утонченнѣе! — Потомъ ошибаются (*презрительно*) два глаза, и (*съ страшною выразительностью*) — я убиваю жену мою! (*Злобно улыбаясь.*) Это мастерское дѣло!

(*Всѣ заговорщики стоятъ растроганные, опершись на оружіе. Нѣкоторые утираютъ слезы. Молчаніе.*)

Фіеско (*испуганный и тише, окидывая взоромъ присутствующихъ*). Здѣсь плачутъ? Да, клянусь Богомъ, цареубійцы плачутъ! (*Переходя въ тихую горестъ.*) Скажите, о чемъ вы плачете? — объ этой гибельной измѣнѣ смерти, или о жалкомъ упадкѣ моего духа? (*Убитый стоитъ надъ усопшей.*) Если убійцы, безчувственные, какъ скалы, льютъ горькія слёзы, неужели отчаяніе Фіеско станетъ изрыгать одни проклятія? (*Рыдая склоняется къ ней.*) Леонора, прости! Гнѣвомъ не добудешь раскаянья у неба! (*Съ тихою грустью.*) Много лѣтъ тому назадъ, Леонора, я уже наслаждался заранѣ той счастливой минутой, когда я представилъ бы Генуэзцамъ ихъ герцогиню. Я уже видѣлъ, какъ румянились твои щеки прелестью стыдливости; какъ твоя грудь царственно-прекрасно вздымалась подъ серебряной дым-

кой; какъ чудно твой лепечущій голосъ замиралъ отъ восторга! (*Живѣе.*) Какъ обаятельно поражали слухъ гордые клики; какъ отражалось торжество любви моей въ упадающей зависти! Леонора, эта минута наступила: твой Фіеско герцогъ Генуи, и послѣдній нищій въ Генуѣ не промѣняетъ своей нищеты на мои муки и на мою порфиру! (*Трогательно.*) Горе свое онъ раздѣляетъ съ женою: съ кѣмъ же раздѣлю я свое величіе? (*Онъ горько плачетъ, и скрываетъ лицо свое на трупъ. Состраданіе на всѣхъ лицахъ.*)

Кальканьо. Она была чудная женщина!

Цибо. Какъ бы скрыть отъ народа вѣсть объ этомъ ужасномъ происшествіи; не то она лишитъ бодрости нашихъ и придастъ ее врагамъ.

Фіеско (*встаетъ, твердо и спокойно*). Слушайте, Генуэзцы! Провидѣніе, если только я понимаю пути Его, нанесло мнѣ эту рану, чтобы приготовить мое сердце къ близкому величію. Испытаніе это — было ужасно; теперь я не боюсь болѣе ни мукъ, ни восторговъ. Идемъ! *Генуя ждетъ меня*, говорите вы? Я подарю Генуѣ такого монарха, какого не видалъ еще ни одинъ Европеецъ. Идемъ! Я воздамъ этой несчастной герцогинѣ такое погребеніе, что жизнь лишится своихъ обожателей и тлѣніе явится блистательнымъ, какъ невѣста. Теперь за мной — вашимъ герцогомъ! (*Уходитъ при звукахъ торжественнаго марша.*)

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Андрей Дорія. Ломеллино.

Андрей. Туда пошли они ликовать!

Ломеллино. Они опьянѣли отъ счастья. Ворота оставлены безъ защиты. Все хлынуло къ Синьоріи.

Андрей. Одинъ мой племянникъ устрашалъ коня. Племянникъ мой умеръ. Послушай, Ломеллино!

Ломеллино. Какъ? еще? еще надѣетесь вы, герцогъ?

Андрей (*серьозно*). Трепещи самъ за свою жизнь: ты въ насмѣшку называешь меня герцогомъ, когда я не могу даже и надѣяться.

Ломеллино. Свѣтлѣйшій герцогъ, взволнованная нація лежитъ на вѣсахъ въ чашкѣ Фіеско. Что же въ вашей?

Андрей (*величественно и съ жаромъ*). Небо!

Ломеллино (*пожимая насмѣшливо плечами*). Съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтенъ порохъ, ангелы перестали участвовать въ битвахъ.

Андрей. Гнусная обезьяна! — ты хочешь отнять и вѣру въ Бога у горяющаго старца! (*Важно и повелительно.*) Поди и объяви, что Андрей живъ еще. Скажи что восьмидесятилѣтній Андрей проситъ дѣтей своихъ не выгонять его къ иноземцамъ, которые никогда не простятъ ему цвѣтущаго состоянія его отечества. Скажи имъ, что Андрей проситъ дѣтей своихъ о клочкѣ родной земли для старыхъ костей его.

Ломеллино. Я повинуюсь, но не надѣюсь. (*Хочетъ идти.*)

Андрей. Постой! — Возьми съ собою этотъ сѣдой локонъ волосъ. Скажи имъ, что онъ былъ послѣдній на головѣ моей, и отпалъ въ ночь на третье января, когда Генуя оторвалась отъ моего сердца; что онъ держался восемьдесятъ лѣтъ, и покинулъ обнаженную голову на восьмидесятомъ году. Локонъ высохъ, но все еще довольно крѣпокъ, чтобъ застегнуть порфиру на стройномъ юношѣ. (*Уходитъ, закрывъ лицо руками. Ломеллино убѣгаетъ въ противоположную сторону. Слышны громкія, радостныя восклицанія, звуки барабановъ и трубъ.*)

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВЕРРИНА съ гавани. БЕРТА и БУРГОНЬИНО.

ВЕРРИНА. Что значуть эти радостные клики? Кому это?

БУРГОНЬИНО. Они провозглашаютъ Фіеско герцогомъ

БЕРТА (*боязливо прижимаясь къ Бургоньино*). Отецъ мой ужасенъ, Сципіонъ!

ВЕРРИНА. Оставьте меня одного, дѣти. О, Генуя, Генуя!

БУРГОНЬИНО. Народъ боготворить его, и съ бѣшеннымъ крикомъ потребовалъ порфиры. Дворянство съ ужасомъ внимало ему и не смѣло сказать: нѣтъ!

ВЕРРИНА. Сынъ мой, все мое имущество я обратилъ въ золото и отправилъ на твой корабль. Возьми жену свою и не медля иди въ море. Быть можетъ я послѣдую за вами, быть можетъ — нѣтъ. Плывите въ Марсель, и *(грустно и крѣпко ихъ обнимая)* — да благословить васъ Богъ! *(Быстро уходитъ.)*

БЕРТА. Боже! что это задумалъ отецъ мой?

БУРГОНЬИНО. Ты поняла его слова?

БЕРТА. Бѣжать! о Боже! бѣжать въ день брака!

БУРГОНЬИНО. Это его воля — и мы должны повиноваться. *(Оба уходятъ по направленію къ гавани.)*

ШЕСТЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ВЕРРИНА. ФІЕСКО въ герцогской одеждѣ.

(Идутъ другъ другу на встрѣчу.)

ФІЕСКО. Веррина! какъ кстати! Я только что вышелъ искать тебя.

ВЕРРИНА. И я тоже.

ФІЕСКО. Не замѣчаешь ли, Веррина, какой нибѣудь переменны въ своемъ другѣ?

ВЕРРИНА *(сухо)*. Я не желалъ бы никакой.

ФІЕСКО. И даже не видишь никакой?

ВЕРРИНА *(глядя въ сторону)*. Надѣюсь, что нѣтъ.

ФІЕСКО. Я спрашиваю, не замѣчаешь ли ты какой переменны?

ВЕРРИНА *(окинувъ его бѣлымъ взглядомъ)*. Я не нахожу никакой.

Фіеско. Ну, вотъ видишь, значить правда, что власть не дѣлаетъ еще насъ тиранами. Въ теченіе того времени, какъ мы не видались съ тобою, я сталъ генуэзскимъ герцогомъ, и Веррина (*прижимая его къ груди*) находитъ мои объятія такими же горячими, какъ и прежде.

Веррина. Тѣмъ хуже, потому что я долженъ холодно отвѣчать на нихъ. Видъ, принятый тобою, ложится, какъ острый ножъ, между мною и герцогомъ. Іоаннъ Людвигъ Фіеско владѣлъ моимъ сердцемъ; теперь онъ покорилъ Геную — и я беру назадъ мою собственность.

Фіеско (*удивленный*). Боже сохрани! За герцогство — это уже черезъ чуръ жидовская цѣна.

Веррина (*мрачно, въ помолоса*). Гмъ! Развѣ свобода уже до такой степени вышла изъ моды, что республики бросаются первому встрѣчному за позорныя деньги?

Фіеско (*закусывая губы*). Этого не говори никому, кромѣ Фіеско.

Веррина. О, конечно! — тотъ долженъ быть человекомъ возвышеннымъ, кто не отвѣчаетъ на правду пощечиной. Но, къ сожалѣнію, хитрый игрокъ промахнулся *всего на одной* картѣ. Онъ разсчелъ всю игру на *ненависть*, и на бѣду забылъ о патріотахъ. (*Значительно.*) Оставилъ ли притѣснитель свободы хотя одинъ знакъ между чертами *римской добродѣтели*? Клянусь всемогущимъ Богомъ! — потомство, прежде нежели выроетъ мои кости изъ кладбища какого нибудь герцогства, должно будетъ собрать ихъ сперва съ колеса.

Фіеско (*съ чувствомъ беретъ его за руку*).

Даже и тогда, когда герцогъ будетъ твоимъ братомъ? Когда онъ свой герцогскій санъ сдѣлаетъ казнохранилищемъ своей благотворительности, ходившей до сихъ поръ, при его скудныхъ средствахъ, по міру? Веррина, даже и тогда?

Веррина. Даже и тогда! Возвращенная покража еще не спасла ни одного вора отъ висѣлицы. Къ тому же это великодушіе не коснулось бы Веррины.

Фіеско (*съ досадою*). Скорѣй можно исторгнуть Италію изъ Средиземнаго моря, чѣмъ этотъ упрямый умъ изъ его заблужденій!

Веррина. А искусство исторгать — стоитъ не послѣднимъ въ счету твоихъ талантовъ; про то можетъ поразсказать овца Республика, которую ты вырвалъ изъ пасти волка Дорія, чтобы самому пожрать ее. Но, довольно объ этомъ! Скажи мнѣ только мимоходомъ, герцогъ, за что ты повѣсилъ этого бѣдняка на іезуитскомъ соборѣ?

Фіеско. Этотъ бездѣльникъ поджигалъ Геную.

Веррина. Но вѣдь этотъ бездѣльникъ не трогалъ законовъ?

Фіеско. Ты употребляешь во зло мою дружбу, Веррина.

Веррина. Прочь съ своей дружбой! Повторяю тебѣ: я не люблю тебя болѣе. Клянусь! я ненавижу тебя, — ненавижу, какъ змѣя рая, свершившаго первый грѣхъ въ мірѣ, подъ которымъ уже пятое тысячелѣтіе истекаетъ кровью. Послушай, Фіеско! — не какъ подданный съ государемъ, не какъ другъ съ другомъ, но какъ человекъ съ человекомъ стану я говорить съ тобою. (*Рѣзко и восторженно.*) Ты посмѣялся надъ величіемъ истиннаго Бога, употребивъ руки добродѣ-

тели для совершенія разбойничьяго дѣла, заставивъ патриотовъ Генуи поработить Геную. Фіеско, еслибъ и я былъ такимъ же честнымъ глупцомъ и не замѣтилъ бы твоихъ хитростей, Фіеско, — клянусь всѣми ужа-сами вѣчности, я свилъ бы веревку изъ собственныхъ внутренностей моихъ и задавился бы, и отлетающая душа моя обрызгала бы тебя ядовитою пѣною. Эта царственная продѣлка конечно разламываетъ пополамъ золотую чашу вѣсовъ, полную людскихъ преступленій, но ты посмѣялся надъ самымъ небомъ, — и твой процессъ рѣшится на страшномъ судѣ.

Фіеско (*пораженъ и молча мѣритъ его удив-
леннымъ взоромъ*).

ВЕРРИНА. Не ищи отвѣта. Теперь между нами все кончено. (*Походивъ назадъ и впередъ.*) Герцогъ генуэзскій, на галерахъ вчерашнихъ тирановъ я видѣлъ цѣлый родъ бѣдныхъ созданій, что съ каждымъ ударомъ весла пережѣвываютъ давнымъ-давно совершенный проступокъ и лютятъ слѣзы въ окетнѣ, который, подобно богачу, слишкомъ знатенъ, чтобы считать ихъ. Добрый государь начинаетъ свое правленіе милосердіемъ. Не освободишь ли ты галерныхъ невольниковъ?

Фіеско (*рѣзко*). Пусть они будутъ первенцами моей тираніи. Поди и объяви имъ всѣмъ свободу.

ВЕРРИНА. Ты сдѣлаешь дѣло только въ половину, если не насладишься ихъ радостью. Поди самъ — и испытай её. Великіе міра такъ рѣдко бываютъ при томъ, когда дѣлаютъ зло, — неужели и добро они должны дѣлать изъ подтишка? По моему, герцогъ не можетъ быть слишкомъ великъ для признательности послѣдняго нищаго.

Фіеско. Ты страненъ, старикъ, и я не знаю за-
чѣмъ мнѣ идти за тобою. (*Оба идутъ къ морю.*)

Веррина (*останавливается съ горестью*). Об-
ними меня еще разъ, Фіеско! Вѣдь здѣсь никого нѣтъ,
кто бы могъ подсмотрѣть слезы Веррины и чувстви-
тельность герцога. (*Онъ прижимаетъ его къ гру-*
ди.) Навѣрно, никогда не бились такъ близко два бо-
лѣе великія сердца, и, не смотря на то, мы любимъ
другъ друга такъ братски горячо. (*Рыдая на груди*
Фіеско.) Фіеско! Фіеско! ты оставляешь пустоту въ
груди моей, и этой пустоты не наполнить все человѣ-
чество, взятое трижды.

Фіеско (*растроганный*). Будь моимъ другомъ!

Веррина. Сбрось этотъ ненавистный пурпуръ — и
я твой другъ. Первый властитель былъ убійца и на-
дѣлъ пурпуръ, чтобы скрыть пятна своего злодѣйства
подъ этимъ кровавымъ цвѣтомъ. Слушай, Фіеско! —
я воинъ, не умѣю плакать, — Фіеско — это первыя
мои слёзы: сбрось этотъ пурпуръ!

Фіеско. Молчи!

Веррина (*навязчивѣе*). Фіеско, положи наградой
всѣ короны этой планеты, собери въ наказанье всѣ ея
пытки, чтобъ я преклонилъ колѣно передъ смерт-
нымъ — я не преклоню его, Фіеско! (*падая на ко-*
лѣни) — это мое первое колѣно-преклоненіе. Сбрось
этотъ пурпуръ!

Фіеско. Встань и не раздражай меня болѣе.

Веррина (*рѣшительно*). Я встаю и не стану
раздражать тебя болѣе. (*Останавливается у до-*
ски, ведущей на одну изъ галеръ.) Герцогу первое
мѣсто. (*Идутъ по доскѣ.*)

Фіеско. Зачѣмъ дергаешь ты меня за мантию? — она падаетъ!

Веррина (*съ ужасающей ироніей*). Ну, когда падаетъ пурпуръ — пусть и герцогъ падаетъ съ нимъ! (*Толкаетъ его въ море.*)

Фіеско (*взываетъ изъ волнъ*). Спаси, Генуя! спаси, спаси твоего герцога! (*Исчезаетъ въ волнахъ.*)

СЕМЬНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Кальканьо. Сакко. Цибо. Центуріоне. Заговорщики. Народъ.

(*Всѣ въ ужасѣ, запыхавшись.*)

Кальканьо (*кричитъ*). Фіеско! Фіеско! Андрей возвратился; половина Генуи перешла на сторону Андрея. Гдѣ Фіеско?

Веррина (*твердо*). Утонулъ!

Центуріоне. Что это, адъ или домъ сумасшедшихъ отвѣчаетъ мнѣ?

Веррина. Утопленъ, если это звучитъ пріятнѣе. Я иду къ Андрею.

(*Всѣ ужасаются и остаются въ неподвижныхъ группахъ. Занавѣсъ опускается.*)

МАРІЯ СТЮАРТЪ

ТРАГЕДІЯ

Переводъ Александра Шишкова

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Елисавета, королева англійская.

Марія Стюартъ, шотландская королева, содержащаяся въ Англіи въ темницѣ.

Робертъ Дудлей, графъ лейчестерскій.

Георгъ Тальботъ, графъ шрюсбурійскій.

Вильгельмъ Цециль, баронъ Бёрлейфъ, главный казначей.

Графъ Кентъ.

Вильямъ Девисонъ, государственный секретарь.

Амѳанъ Паулетъ, рыцарь, стражъ Маріи.

Мортимеръ, племянникъ его.

Графъ Обепинъ, посолъ французскій.

Графъ Бельевръ, чрезвычайный посолъ Франціи.

Окелли, другъ Мортимера.

Дружонъ Дрюри, другой стражъ Маріи.

Мельвиль, ея домоправитель.

Анна Кеннеди, ея кормилица.

Шерифъ.

Гвардейскій офицеръ.

Французскіе и англійскіе вельможи.

Воины.

Придворные слуги англійской королевы.

Слуги и женщины королевы шотландской.

ПЕРВЫЙ АКТЪ.

—
Замокъ Фотрингай.

Комната.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

*Анна Кеннеди, кормилица королевы шотландской, въ
сильномъ спорѣ съ ПАУЛЕТОМЪ, который намъпревается
открыть одинъ изъ ящиковъ. Дружонъ Дрюри,
его помощникъ, съ ломомъ.*

КЕННЕДИ.

Что дѣлаете, сэръ? Какая дерзость!

Прочь, прочь отъ ящика.

ПАУЛЕТЪ.

А какъ зашло

Къ вамъ ожерелье? Съ верхняго жилья

Вы сбросили его, и подкупить

Садовника хотѣли имъ навѣрно . . . .

О, женское проклятое коварство!

Ужъ какъ обыскивалъ, ужъ какъ смотрю,
А все еще сокровища таятся.

(Принимаясь за ящикъ.)

Гдѣ то лежало, больше есть еще.

КЕННЕДИ.

Прочь, дерзкій! Здѣсь хранятся тайны леди.

ПАУЛЕТЪ.

Ихъ именно ищу я.

(Вынимаетъ бумаги.)

КЕННЕДИ.

Ничего

Незначущія тутъ бумаги; просто
Занятія, чтобъ сократить часы
Печальнаго, тюремнаго досуга.

ПАУЛЕТЪ.

Злой духъ работаетъ въ досугѣ праздномъ

КЕННЕДИ.

И на французскомъ языкѣ.

ПАУЛЕТЪ.

Тѣмъ хуже!

Врагъ Англіи имъ говоритъ.

КЕННЕДИ.

Еще

Къ Елисаветѣ черновыя письма.

ПАУЛЕТЪ.

Я ихъ отдамъ. Постой! Блеснуло что-то!

*(Дотрогивается до потаенной пружины, и вынимаетъ
бриліантовый уборъ.)*

А! королевскій головной уборъ!

Богатыми камнями украшенъ,

И лиліями Франціи.

(Отдаетъ его спутнику.)

Спрячь, Дрюри,
Съ другими вмѣстѣ отложи.

(Дрюри уходитъ.)

КЕННЕДИ.

Какія

Постыдныя обиды терпимъ мы!

ПАУЛЕТЪ.

Покуда есть сокровища у ней,
Она опасна. Все въ ея рукахъ
Оружіемъ становится.

КЕННЕДИ.

О, сжальтесь!

Не похищайте бѣдныхъ украшеній
Печальной жизни нашей. Ей отрадно,
Страдалицѣ, порой взглянуть на блескъ
Сокровищъ прежнихъ; остальное все,
Все взяли вы!

ПАУЛЕТЪ.

Оно въ рукахъ надежныхъ;
Придетъ пора — и возвратится ей.

КЕННЕДИ.

По голымъ этимъ стѣнамъ кто узнаетъ
Жилище королевы? Гдѣ наметъ,
Чтобъ осѣнять сѣдалище ея?
Не на простой ли, жесткой полъ ступаетъ
Ея, къ коврамъ привыкшая, нога?
На оловъ, которымъ бы гнушалась
Послѣдняя дворянка, подають
Ей пищу.

ПАУЛЕТЪ.

Такъ Марія угощала

Супруга въ Стирлинѣ, когда пила
Съ любовникомъ изъ золотого кубка.

КЕННЕДИ.

И въ зеркалѣ, въ бездѣлицѣ такой,
Нуждается.

ПАУЛЕТЪ.

Покамѣстъ видѣть будетъ
Тщеславное лицо свое, до тѣхъ поръ
Питать надежду и отвагу въ сердцѣ
Не перестанетъ.

КЕННЕДИ.

Книгъ для развлеченья
Нѣтъ у нее.

ПАУЛЕТЪ.

Для исправленья сердца
Ей Библию оставили.

КЕННЕДИ.

И лютью —

И ту вы взяли.

ПАУЛЕТЪ.

Для того, что пѣсни
Любовныя на ней она играла.

КЕННЕДИ.

Такая ли готовились судьба
Взрощенной въ нѣгѣ, радостяхъ, довольствѣ,
Среди двора роскошныхъ Медичисовъ,
Монархинѣ съ пленѣ? Иль не довольно
Похитеть власть у ней? За чѣмъ еще
Лишать ее и бѣдныхъ наслажденій?
Душа великая въ великомъ горѣ
Самопознанью учится; но тяжело

Отказывать себѣ въ пустыхъ, ничтожныхъ
Прикрасахъ жизни.

ПАУЛЕТЪ.

Развращаютъ сердце;
Онѣ. Тщеславный каяться обязанъ;
Войти въ себя. Смиреньемъ, нищетой
Развратную загладить можно жизнь.

КЕННЕДИ.

Проступки нѣжной юности ея
Разсудить Богъ и собственное сердце;
Но въ Англіи судьи надъ нею нѣтъ.

ПАУЛЕТЪ.

Гдѣ преступленья совершала, тамъ
И судъ надъ ней.

КЕННЕДИ.

Тяжки ея оковы
Для преступленій.

ПАУЛЕТЪ.

Изъ оковъ тяжелыхъ
Она умѣла руку въ міръ простерть,
Разлить огонь междуусобной брани
По государству, и убійць коварныхъ
Вооружить на королеву — Богъ
Да сохранить ее! И не она ль,
На дѣло страшное — цареубійство —
И Парри изверга, и Бабингтона
Воздвигла? Помѣшали ль ей рѣшетки
Желѣзныя опутать сѣтью сердце
Норфолька благороднаго? Для ней
Здѣсь, въ Англіи, сѣкирой палача
Скатилась съ плечъ честнѣйшая глава.
Но устрасилъ ли роковой примѣръ

Безумцевъ, къ безднѣ для нея бѣжавшихъ?
Для ней — избытокъ жертвъ кровавымъ плахамъ,
И нѣтъ конца, пока сама она,
Виновнѣйшая, не падеть на плахѣ.
О, проклять день, въ который берегъ нашъ
Радужно принялъ новую Елену!

КЕННЕДИ.

Ей въ Англіи радушный былъ пріемъ?
Ей? Бѣдная! Со дня, когда ступила
На берегъ сей, изгнанницей, и кровныхъ
Защиту ей, подпору дать молила,
На зло правамъ народнымъ, вопреки
Вѣвцу и сану, тяжкій плѣнъ узнала,
И юности прекрасные года
Проводить горестно въ темницѣ мрачной.
Ей? А она, все испыталъ, что есть
Горчайшаго въ неволѣ, наравнѣ
Съ преступникомъ презрѣннымъ призвана
Передъ судей, и обвиненье слышитъ
Постыдное, и смертный приговоръ
Ей произносятъ — королевѣ!

ПАУЛЕТЪ.

Къ намъ

Убійцею пришла она, народомъ
Отвержена, и свергнута съ престола,
Который страшнымъ осквернила дѣломъ;
И, счастья Англіи заклятый врагъ,
Возобновить хотѣла вѣкъ кровавый,
Испанцамъ памятный Маріи вѣкъ, —
Британію склонить подъ иго Рима,
И Франціи предать ее потомъ.
Условій эдинбургскихъ для чего

Не подписала? Для чего она
Отъ притязаній къ Англіи на вѣкъ
Не отреклась, и — почеркомъ пера —
Не растворила дверь своей темницы?
Нѣтъ! Лучше ей хотѣлось быть въ неволѣ,
Сносить обиды, чѣмъ разстаться съ блескомъ
Пустого титла. Для чего жъ она
Такъ поступила? Для того, что твердо
Увѣрена въ успѣхѣ мѣрь коварныхъ;
И, соплетая гибельные ковы,
Изъ стѣнъ своей темницы островъ цѣлый
Завоевать надѣется она.

КЕННЕДИ.

Смѣетесь, сэръ! Съ суровостью хотите
Насмѣшку горькую соединить!
Ей, за-живо здѣсь погребенной, можно ль
Питать мечты подобныя? Несчастной,
Къ которой ни малѣйшій звукъ отрады,
Ни голосъ дружбы изъ родной страны
Не долетаетъ? Съ давнихъ поръ она
Людей не видитъ, исключая стража
Тюремнаго, съ его челомъ печальнымъ.
Мечтать ли ей, къ которой вновь приставленъ
Вашъ родственникъ суровый, и тогда,
Какъ загремѣли новые запоры?

ПАУЛЕТЪ.

Не защитятъ желѣзныя рѣшетки
Отъ хитростей ея! Могу ли знать,
Что кто нибудь не подпилилъ запоровъ?
Что полъ и стѣны, крѣпкіе снаружи,
Не пусты въ серединѣ? и когда
Сплю, не впускаютъ подлую измѣну?

Будь проклята обязанность — стеречь
Коварную! Страхъ гонить сонъ отъ глазъ;
Всю ночь, какъ духъ терзаемый, блуждая,
Смотрю: запоры крѣпки ль, стражи вѣрны ль?
И съ трепетомъ жду утренней зори,
И мыслю: вотъ сбылись онѣ, мои
Предчувствія! Но, благодарность небу,
Все скоро кончится, надѣюсь твердо.
Да, лучше стану я у вратъ геенны
Стеречь на муки осужденныхъ душъ,
Чѣмъ эту королеву.

КЕННЕДИ.

Вотъ она

Подходить. . . .

ПАУЛЕТЪ.

Крестъ въ рукѣ, а въ сердцѣ злобу
И помыслы житейскіе несетъ.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

МАРІЯ, *подъ покрываломъ, съ распятіемъ въ рукѣ.*

ПРЕЖНІЕ.

КЕННЕДИ

(поспѣшая ей на встрѣчу).

Мучительская власть пятой насъ топчетъ,
О, государыня! И нѣтъ конца
Жестокостямъ. И каждый новый день
Страданія и новый стыдъ скопляетъ
Надъ головой твоею.

МАРІЯ.

Успокойся!

Скажи, что вновь случилось?

КЕННЕДИ.

Взгляни:

Вотъ ящикъ выломленъ; твои бумаги,

Сокровище послѣднее твое,

Уборъ, съ трудомъ едва спасенный нами,

Приданого изъ Франціи остатокъ

Послѣдній — въ ихъ рукахъ! Все взято, все,

Что оставалось царскаго тебѣ!

МАРІЯ.

Утѣшься, Анна! Королевскій санъ

Не заключается въ вещахъ ничтожныхъ

Со мною могутъ низко поступать,

Унизить же никто меня не можетъ.

Я въ Англіи ко многому привыкла,

Могу и это перенести. Вы, сэръ,

То самовластно взяли, что сама

Сегодня я хотѣла вамъ отдать.

Въ бумагахъ есть письмо къ моей сестрѣ,

Властительной британской королевѣ.

Даете ль слово, что вы сами ей

Его вручить беретесь, не ввѣряя

Коварному Борлейфу?

ПАУЛЕТЪ.

Что мнѣ дѣлать,

Подумаю.

МАРІЯ.

Я вамъ открою, сэръ,

О чемъ пишу. Прошу ее въ письмѣ

О милости великой — о свиданьи

Съ ней. До сихъ поръ ее я не видала.
Велѣли мнѣ предстать на судъ людей,
Которыхъ равными себѣ признать,
Съ которыми чистосердечной быть
Я не могу. Елисавета жъ мнѣ
Близка по крови; одного мы сана
И пола: ей, сестрѣ и королевѣ
И женщинѣ, могу одной открыться.

ПАУЛЕТЪ.

Судьбу свою и честь вы часто, леди,
Ввѣряли людямъ, не сравненно меньше
Достойнымъ уваженья.

МАРІЯ.

И другой

Я милости прошу; въ ней отказать
Безчеловѣчно бѣ было. Съ давнихъ поръ
Въ моей темницѣ утѣшеній церкви
И тайнъ Святыхъ я лишена. Конечно,
Отнявшая вѣнецъ мой и свободу
И смертью мнѣ грозящая, не мыслить
Замкнуть передо мной врата небесъ.

ПАУЛЕТЪ.

Угодно вамъ, и здѣшній пасторъ. . . .

МАРІЯ.

Нѣтъ!

Мнѣ пастора не нужно: но хочу,
Но требую священника той церкви,
Которой я принадлежу. Еще
Мнѣ нужны стряпчій и писецъ: имъ волю
Я объявлю послѣднюю мою.
Примѣтно жизнь мою мертвятъ печаль
И тягость заточенья. Дни мои,

Я это вижу, сочтены Всевышнимъ;
Изъ міра скоро отойду къ Нему.

ПАУЛЕТЪ.

Вы правы, леди! Въ положеньи вашемъ
Благочестивыя приличны мысли.

МАРІА.

И, можетъ быть, усердная рука
Душевной грусти медленное дѣло
Предускорить. Духовную хочу
Я сдѣлать: всемъ, что мнѣ принадлежитъ,
Распорядиться.

ПАУЛЕТЪ.

Въ вашей волѣ, леди!
Елисавета вѣрно не захочетъ
Разбогатѣть похищеннымъ у васъ.

МАРІА.

Со мною слугъ и женщинъ разлучили:
Что съ ними случилось? Гдѣ они? Безъ ихъ
Услугъ могу я обойтись, но быть
Спокойною хочу, и знать о вѣрныхъ —
Не терпятъ ли они нужды и горя?

ПАУЛЕТЪ.

Объ нихъ пекутся.

(Хочетъ идти.)

МАРІА.

Вы хотите, сэръ,
Меня оставить вновь, не облегчивъ
Боязнію исполненнаго сердца
Отъ тяжелой неизвѣстности? Я здѣсь,
Благодаря усердному надзору
И бдительности вашей, для вселенной
Мертва; сквозь стѣны темницы никакая

Вѣсть моего не достигаетъ слуха.
Въ рукахъ враговъ лежитъ моя судьба.
Ужъ тридцать тяжкихъ дней прошло съ тѣхъ поръ,
Какъ сорокъ комиссаровъ въ этомъ замкѣ,
Суровые, напали на меня,
И неприлично-торопливы, вдругъ
Меня, неприготовленную прежде,
Представили судилищу тому,
Которому подобныхъ въ мірѣ нѣтъ.
На хитро-сотканныя обвиненья,
Внезапностью сраженная, должна
Была я скорые давать отвѣты
На память. Мнѣ явились они
Какъ духи и исчезли. Съ дня того
Ни чьи уста со мной не растворялись,
И бесполезно въ вашихъ взорахъ я
Хочу прочесть: невинность ли моя
Усердіе ль друзей, или навѣты
Моихъ злодѣевъ одержали верхъ?
Прервите, сэръ, молчанье и скажите:
Чего страшиться должно мнѣ? чего
Надѣяться?

ПАУЛЕТЪ

(помолчавъ).

Вы — примиритесь съ небомъ.

МАРІА.

На милосердье Бога уповаю,
Сэръ; и надѣюсь, что земные судьи
Правдивы будутъ.

ПАУЛЕТЪ.

Сомнѣваться въ томъ

Напрасно бѣ было. Справедливый судъ
Они свершать.

МАРІЯ.

Онъ конченъ?

ПАУЛЕТЪ.

Я не знаю.

МАРІЯ.

Осуждена ли я?

ПАУЛЕТЪ.

Не знаю, леди.

МАРІЯ.

Здѣсь любятъ быстро исполнять! Убійцы
Не такъ ли же, какъ судьи, *нападутъ*?

ПАУЛЕТЪ.

Готовьтесь — и появленіе ихъ
Васъ не сразитъ такимъ внезапнымъ страхомъ,
Какъ появленіе судей.

МАРІЯ.

Ни что

Не можетъ удивить меня, что судъ
Вестминстерскій, которымъ правитъ злоба
Борлейфа и усердіе Гаттона,
Рѣшится произнести. Я слишкомъ знаю,
Какъ много англійская королева
Братъ на себя, предпринимать дерзаетъ.

ПАУЛЕТЪ.

Властитель Англіи щадитъ обязанъ
Одну лишь совѣсть и парламентъ. Что
Судъ изречетъ передъ очами міра,
Безъ страха власть приводитъ въ исполненіе.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. МОРТИМЕРЪ, племянникъ Паулета, входитъ, и не обращая ни малѣйшаго вниманія на королеву, обращается къ Паулету.

МОРТИМЕРЪ.

Васъ ищутъ, дядя.

(Удаляется точно также. Королева, съ негодованіемъ замѣтивъ поступокъ его, обращается къ Паулету, который хочетъ слѣдовать за Мортимеромъ.)

МАРІЯ.

И еще прошу:

Коль что-нибудь вамъ нужно мнѣ сказать,
Я все отъ васъ перенести готова,
И вашу старость уважаю; но
Высокомѣрныхъ юноши поступковъ
Переносить не въ силахъ! Сэръ, избавьте
Меня отъ нихъ!

ПАУЛЕТЪ.

Что вамъ противно въ немъ,

То я ему въ достоинство вмѣняю.
Конечно, онъ не изъ числа глупцовъ
Мягкосердечныхъ; женщина слезой
Коварной сердца въ немъ смягчить не можетъ.
Онъ много ѣздилъ по свѣту; изъ Реймса,
Парижа возвратился, но въ груди
Привезъ обратно англійское сердце
Старинное и вѣрное. Да, леди,
Онъ не поддастся чарамъ!

(Уходитъ.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАРІА. КЕННЕДИ.

КЕННЕДИ.

И въ глаза
Вамъ это дерзкій смѣетъ говорить?
Жестоко!

МАРІА

(задумчиво).

Въ дни величія и блеска
Къ льстецамъ охотно мы склоняли слухъ:
Такъ, добрая Кеннеди, можемъ нынѣ
Гласъ укоризны слышать.

КЕННЕДИ.

Какъ? Такъ духомъ
Упасть, смутится, дорогая леди?
Веселая, вы прежде утѣшали
Меня; я не за грусть журила васъ, —
Журила за излишнюю веселость.

МАРІА.

Я узнаю ее: она, она —
Кровавая тѣнь короля Дарнлея —
Встаетъ, гнѣвна, изъ гробоваго свода,
И примиренья между нами нѣтъ,
До дня, когда моихъ страданій мѣра
Исполнится.

КЕННЕДИ.

Какія мысли! . . .

МАРІЯ.

Анна,

Забыла ты, но я, я очень помню:
Годичный день злодѣйства роковаго
Насталъ! Его я праздную постомъ,
Раскаяньемъ.

КЕННЕДИ.

О, отошлите съ миромъ
Къ покою духа злаго! Свой проступокъ
Годами вы раскаянья, страданій
Загладили. И небеса и церковь,
Которой право разрѣшать грѣхи
Даво Всевышнимъ Богомъ, васъ простили.

МАРІЯ.

Вина, давно прощенная, встаетъ,
Облита кровью свѣжею, изъ гроба!
Ни крестъ въ рукѣ священника, ни звонъ
Колоколовъ въ могилу не прогонятъ
Супруга мстительную тѣнь.

КЕННЕДИ.

Не вы

Его убили; не отъ васъ онъ палъ.

МАРІЯ.

Я знала объ убійствѣ; допустила
Его свершить, и въ гибельную сѣть
Его сама, лаская, заманила.

КЕННЕДИ.

Лѣта младыя извиняютъ васъ;
Тогда еще вы молоды такъ были...

МАРІЯ.

И тяжкою виной обременила
Я молодость.

КЕННЕДИ.

Кровавая обида

Васъ раздражила, и кичливость мужа,
Котораго любовію своею,
Какъ бы могучей божества рукою,
Изъ мрака вы исторгли. Онъ, кому
Чрезъ ложе путь къ престолу проложили,
Кого своею цвѣтущей красотой,
Коронаю осчастливили. Какъ могъ онъ
Забыть, что участь славная его —
Созданіе любви лишь щедрой вашей?
Но недостойный, онъ забылъ, и низкимъ,
Суровымъ подозрѣньемъ заплатилъ
Вамъ за любовь. И отъ него свой взоръ,
Съ негодованьемъ отвратили вы.
Исчезъ тотъ чародѣй, который прежде
Васъ ослѣплялъ; объятій ненавистныхъ
Бѣжали вы, исполнены презрѣнья
И гнѣва справедливаго; а онъ —
Хотя однажды попытался-ль милость
Утраченную возвратить? Молилъ ли
Васъ о прощеньи? Передъ вами палъ ли,
Раскаянья исполненъ, на колѣна?
Нѣтъ! Извергъ, вызванный изъ праха, вами
Надменно мыслилъ управлять по волѣ,
И Риччіо, прекраснаго пѣвца,
Любимаго, предъ вашими глазами
Велѣлъ убить! — Кроваво мстили вы
За кровь. . . .

МАРІЯ.

И месть кровавая постигнетъ

Меня! Ты, утѣшая, изрекла
Мой приговоръ.

КЕННЕДИ.

Въ мгновеніе, когда
Свершалось дѣло страшное, вы были
Въ забвеньи, внѣ себя. Любовь слѣпая,
Безумье страсти овладѣли вами
И подчинили Боттвелю, злодѣю,
Прельстителю. . . . И вами правилъ грозный,
Какъ самовластный, своеправный мужъ;
Напитками и чарами геенны
Воспламенялъ васъ, затмѣвая умъ. . . .

МАРІЯ.

Увы! тѣ чары заключались — въ силѣ
Его и слабости *моей*.

КЕННЕДИ.

О, нѣтъ!

Всѣ силы ада онъ на помощь созвалъ,
Когда хотѣлъ затмить вашъ свѣтлый умъ.
Вы не внимали дружескимъ совѣтамъ,
Не видѣли приличія въ поступкахъ,
Пренебрегали мнѣніемъ людей,
И щеки, гдѣ румяная стыдливость
Живала, рдѣли пламенемъ желаній.
Вы сбросили таинственный покровъ,
И мужъ порочный заглушилъ въ васъ совѣсть,
И въ наготѣ свой стыдъ явили вы
Очамъ вселенной, съ дерзостнымъ челомъ.
Ему, убійцѣ, за которымъ вслѣдъ
Проклятія народныя гремѣли,
Шотландскій королевскій мечъ нести
Черезъ Единбургъ велѣли предъ собою

Торжественно, и, окруживъ парламентъ,
Оружіемъ принудили судей
Насильно, здѣсь, въ святилищѣ законовъ,
Сложить вину ужаснаго убійства
Съ преступника; и, не довольны тѣмъ. . . .
О, Господи!

МАРІА.

Договори: и руку
Ему дала предъ алтаремъ святымъ.

КЕННЕДИ.

О, да предастся вѣчному молчанью
Поступокъ сей! Ужасенъ, гнусенъ онъ —
И женщины потерянной достоинъ!
Но вы — я знаю васъ — вы не развратны;
Вы на моихъ рукахъ росли отъ дѣтства,
Въ васъ сердце мягко и добру доступно;
Но легкомысліе — вотъ вашъ порокъ.
Да, злые духи, на мгновенье ока,
Вселяются въ грудь человѣка, въ ней
Кладутъ основу гибельному злу,
И, отлетая вновь въ предѣлы ада,
Въ груди нечистой оставляютъ ужасъ.
Свершивъ проступокъ, очернившій васъ,
Въ пороки больше не вдавались вы.
Я исправленья вашего свидѣтель.
Такъ успокойтесь; примиритесь сами
Съ собою; пусть раскаяніе ваше
Основано на страшномъ дѣлѣ, но
Предъ Англіей ни въ чемъ вы не виновны.
Елисавета и парламентъ васъ
Судить не могутъ. Тяжкая рука
Насилія васъ угнетаетъ здѣсь,

Такъ съ смѣлостью, невинности приличной,
Вы можете предстать передъ судьей.

МАРІЯ.

Кто къ намъ идетъ?

КЕННЕДИ.

Племянникъ. Удалитесь!

(Мортимеръ показывается въ дверяхъ.)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. МОРТИМЕРЪ робко входитъ.

МОРТИМЕРЪ

(кормилицъ).

Иди и стань на стражъ у дверей:
Я съ королевой долженъ говорить.

МАРІЯ

(повелительно).

Останься, Анна!

МОРТИМЕРЪ.

Не страшитесь, леди!

Узнайте, кто я!

(Подаетъ ей письмо.)

МАРІЯ.

Ахъ! что это значитъ?

МОРТИМЕРЪ.

Иди, Кеннеди, и смотри, чтобъ дядя
Внезапно не засталъ насъ здѣсь.

МАРІЯ

*(Аннѣ, которая въ нерѣшимости смотритъ на королеву
вопрошающимъ взоромъ).*

Иди!

Исполни все, чего желаетъ онъ.

(Кормилица удаляется, въ удивленіи.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

МОРТИМЕРЪ. МАРІЯ.

МАРІЯ.

Изъ Франціи, отъ дяди моего,
Отъ кардинала Лотарингскаго!

(Читаетъ.)

«Ты можешь смѣло вѣрить Мортимеру,
«Вручителю письма сего; онъ лучшій,
«Вѣрнѣйшій другъ твой въ Англіи.»

(Смотритъ въ недоумѣніи на Мортимера.)

Возможно-ль?

Не сонъ ли это? не обманъ ли чувствъ?

Я думала, что цѣлый міръ покинулъ,

Забылъ меня, и друга нахожу

Такъ близко — въ васъ, племянникъ Паулета,

Въ комъ своего лютѣйшаго врага

Я видѣла! . . .

МОРТИМЕРЪ

(падая на колѣни).

Простите, королева,

За ненавистную личину. Тяжко
Ее носить мнѣ было; но теперь
Я ей обязанъ, что могу васъ видѣть,
Спасеніе и помощь вамъ принести.

МАРІА.

Сэръ, встаньте. Я внезапнымъ удивленьемъ
Поражена, и не могу такъ скоро
Изъ бездны горя перейти къ надеждѣ.
Сэръ, объяснитесь!.. Чтобъ повѣрить счастью,
Постичь его должна я.

МОРТИМЕРЪ

(встаетъ).

Время кратко

И драгоцѣнно. Скоро дядя мой
Придетъ сюда; съ нимъ вмѣстѣ — ненавистный
Вамъ человѣкъ. Приходъ ихъ упреждая,
Узнайте, какъ вамъ небо шлетъ спасенье.

МАРІА.

Всемощное, чудесно шлетъ его!

МОРТИМЕРЪ.

Съ себя начну я.

МАРІА.

Говорите, сэръ!

МОРТИМЕРЪ.

Я росъ въ суровомъ исполненіи вѣры,
И ненавистью мрачной къ папской власти
Съ младенчества напитахъ былъ. Уже
Мнѣ двадцать лѣтъ свершилося, когда
Неодолимымъ любопытствомъ сталъ я
Влекомъ въ предѣлы чуждые. Покинувъ
И пуритановъ душныя жилища,
И родину, промчался быстрымъ бѣгомъ

Чрезъ Францію, горя желаньемъ видѣть
Италіи благословенный край.
То было время торжества святаго:
Поклонниками сперлися пути,
И каждый ликъ божественный вѣнкомъ
Украшенъ былъ. Казалось, цѣлый міръ,
На поклоненье Богу устремился,
Въ небесное шелъ царство. И меня
Потокъ толпы, одушевленной вѣрой,
Увлекъ съ собою въ Римъ.
Что сталося со мною, королева,
Когда колоннъ великолѣпный рядъ
Передо мной воздвигся? Изумленный,
Кругомъ я видѣлъ пышный Колизей;
Меня возвышенный ваянья геній
Включилъ въ чудесный, въ свой прекрасный міръ!
Я незнакомъ былъ съ силою художествъ;
Ихъ ненавидитъ церковь, въ нѣдрахъ коей
Я взросъ; она не терпитъ изваяній,
Всего, что чувственности льститъ, одно
Безплотное лишь почитая Слово.
Какое чувство родилось въ душѣ,
Когда во храмъ вступилъ я, и съ небесъ
Спустилися божественные звуки;
Когда искусной кисти начертанья
Во множествѣ, отъ купола и стѣнъ,
Казалось, отдѣляются и дышутъ;
Когда для чувствъ восторженныхъ моихъ,
Все, что прекрасно, что велико — жизнь,
Движеніе пріяло. Я ихъ видѣлъ,
Божественныхъ: Рожденіе Христа,
Святую Дѣву, Троицу съ небесъ

Низшедшую, Преображенъе; видѣлъ,
Какъ облеченъ величіемъ, съ святыней
Въ рукѣ, народъ благословляетъ папа.
Что значить злато, что каменьевъ блескъ,
Земныхъ владыкъ ничтожныя прикрасы?
Одинъ лишь онъ въ божественномъ сіяньи!
Небесный рай — чертогъ его; тамъ все,
Все неземнымъ величіемъ одѣто! . . .

МАРІЯ.

О, пощадите! Свѣжій образъ жизни
Не разстилайте далѣ предо мной . . .
Я въ узахъ, я страдаю!

МОРТИМЕРЪ.

Королева,

И я былъ въ узахъ; но темницы стѣны
Распалися мгновенно, и душа,
Свободная, привѣтствіемъ встрѣчала
Разсвѣтъ прекрасной жизни. Темной книгѣ
Я ненавистью вѣчной поклялся,
И пріобщиться къ избраннымъ рѣшился,
Украситься невянущимъ вѣнкомъ.
Ко мнѣ пристали многіе Шотландцы
И Франціи веселые сыны . . .
Я былъ представленъ Гизу, кардиналу
И дядѣ вашему. — Чудесный мужъ!
Величественъ и ясенъ и покоенъ,
Онъ сотворенъ повелѣвать умами!
Онъ образецъ для пастырей державныхъ,
Неподражаемый владыка церкви!

МАРІЯ.

Вы видѣли черты святаго мужа,
Который нѣжной юностью моей

Руководилъ, кого я такъ люблю?
Скажите мнѣ: онъ помнитъ ли меня?
Къ нему донынѣ благосклонно-ль счастье?
Для старца жизнь еще цвѣтетъ ли? Церкви
Краеугольный камень, твердъ ли онъ?

МОРТИМЕРЪ.

Онъ самъ высокія ученія вѣры
Мнѣ объяснялъ; сомнѣнья сердца самъ
Старался разрѣшить. Онъ доказалъ,
Что человѣка къ заблужденьямъ вѣчнымъ
Строптивый, любопытный умъ влечетъ;
Что онъ очами долженъ ясно видѣть
Все то, чему обязанъ сердцемъ вѣрить;
Что церкви зримая нужна глава,
И что париль духъ истины святой
Надъ мудрыми апостолами вѣры.
О! какъ легко въ молодой моей душѣ
Разсѣялись, исчезли заблужденья
Предъ торжествомъ обширнаго ума,
Предъ истиной, изъ устъ его вѣщавшей!
И въ лоно церкви возвратился я,
И навсегда отъ ереси отрекся.

МАРІА.

Вы изъ числа тѣхъ тысячъ, коихъ онъ
Божественнымъ, высокимъ даромъ слова,
Апостолу нагорному подобный,
Въ небесное ввелъ царство.

МОРТИМЕРЪ.

Вскорѣ онъ,
Во Францію, по долгу сана, вызванъ,
Меня отправилъ въ Реймсъ, гдѣ іезуиты
Съ благочестивой ревностью готовятъ

Святителей для Англіи. Я тамъ
Моргана, благороднаго Шотландца,
Нашель; тамъ встрѣтилъ вѣрнаго вамъ Лесли
И роскаго епископа. Въ изгнаньи
Не радостную жизнь они влачатъ
Въ предѣлахъ Франціи. Союзомъ тѣснымъ
Съ достойными мужами съединясь,
Я укрѣпился вѣрою. Однажды
Епископа жилище посѣтилъ я;
Внезапно взоръ мой поразило тамъ
Изображеніе женщины, чудесной,
Непостижимой красоты. Всю душу
Насильственно мнѣ потрясло оно.
Волненья чувствъ преодолѣть не могъ я;
Тогда сказалъ епископъ: «Справедливо
Ты умиленъ изображеніемъ симъ.
Жена, изъ женъ прекраснѣйшая, всѣхъ ихъ
Несчастнѣе; за нашу вѣру страждетъ
Она, и страждетъ въ родинѣ твоей.»

МАРІА.

Честнѣйшій мужъ! Я не всего лишилась,
Коль другъ подобный въ горѣ мнѣ остался!

МОРТИМЕРЪ.

И началъ онъ краснорѣчиво, сильно
Мученья ваши, и враговъ свирѣпость
Кровавую изображать. Потомъ
Онъ вашу родословную раскрылъ,
И доказалъ, что отъ Тюдора дома
Произходя, вы только въ правѣ быть
Владыкой Англіи, а не она,
Зачата на беззаконномъ ложѣ,
Которую самъ Генрихъ, самъ отецъ

Отвергъ, какъ дочь безбрачнаго союза.
Но одного епископа словамъ
Не довѣряя, я искалъ совѣта
У правовѣдовъ; въ древнихъ родословныхъ
Доискивался истины, и всѣ,
Къ кому съ вопросомъ я ни обращался,
Всѣ подтверждали святость вашихъ правъ.
Теперь я знаю: преступленье ваше —
Единственно права тѣ; и страна
Гдѣ узницей влачите вѣкъ унылый,
Есть собственность и достоянье ваше.

МАРІА.

О, гибельное, бѣдственное право:
Оно одно всѣхъ бѣдъ моихъ источникъ!

МОРТИМЕРЪ.

Въ то время извѣстился я, что вы
Отправлены изъ Тальботова замка,
И дяди моему поручены.
Чудесной помощью небесъ казалась
Мнѣ эта мѣра; въ ней я слышалъ громкій
Призывъ судьбы, мою избравшей руку
Для вашего спасенья. Всѣ друзья
Со мною согласились; кардиналъ
Почтилъ меня святымъ благословеньемъ
И научилъ тяжелому искусству
Притворства. Быстро будущимъ поступкамъ
Составилъ планъ я, и обратный путь
На родину предпринялъ, гдѣ, какъ вамъ
Извѣстно, десять нахожуся дней.

(Останавливается.)

Васъ, королева, видѣлъ я, не ваше
Изображенье! О, какое замѣлокъ

Сокровище скрываетъ! Не темница —
Чертогъ боговъ онъ! . . . и сіяетъ блескомъ
Свѣтлѣ трона англійскихъ владыкъ!
Блаженъ, кто дышетъ воздухомъ, которымъ
Вы дышите! Правà Елисавета,
Что такъ далеко отъ людей сокрыла
Васъ. Если бы монархиню свою
Британецъ видѣлъ, англійская юность
Грозой возстала-бъ; ни одинъ бы мечъ
Въ своихъ ножнахъ не оставался празденъ,
И исполинскую подъявъ главу,
Мятежъ протекъ бы островъ въ край изъ края!

МАРІЯ.

Она была-бъ счастлива, если бъ каждый
Британецъ вашими смотрѣлъ глазами!

МОРТИМЕРЪ.

Когда-бъ онъ былъ свидѣтелемъ страданій
И кротости, съ которой оскорбленья
Вы сносите! Не царское-ль чело
Несете встрѣчу горькимъ испытаньямъ?
Затмила ль въ васъ темница блескъ красы?
Лишенная всего, что красить жизнь,
Вы вѣчно полны жизни, вѣчно ясны.
Я каждый разъ, переступивъ порогъ,
Душой истерзанъ, и горю желаньемъ
Васъ видѣть! Но межъ тѣмъ растетъ опасность . . .
Рѣшительный и страшный близокъ часъ.
Не долженъ я ни медлить, ни скрывать
Ужаснаго . . . .

МАРІЯ.

Откройте все! Спокойно

Я выслушать готова. . . . Приговоръ
Произнесенъ?

МОРТИМЕРЪ.

Произнесенъ! *Виновой*
Васъ объявили сорокъ два судьи.
Дворяне, лорды, цѣлый Лондонъ, воплемъ
Единогласнымъ, исполненья просятъ.
Елисавета-жь медлитъ; не затѣмъ,
Чтобъ состраданье пробудилось въ сердцѣ;
Коварная ждетъ, чтобъ ее къ злодѣйству
Привудили!

МАРІЯ

(твердо).

Сэръ Мортимеръ, меня
Такимъ извѣстіемъ не испугали,
Не удивили вы! Къ нему давно
Готова я. Судей моихъ я знаю:
Я ясно вижу, что дарить свободы
Не могутъ мнѣ, столь горько оскорбленной.
Понятна цѣль ихъ: вѣчнымъ заточеньемъ
Меня отторгнуть отъ людей; права
И мечь со мной схоронять въ мракъ темницы.

МОРТИМЕРЪ.

Нѣтъ, королева! Этого имъ мало!
Мучительству ль довольствоваться дѣломъ
Полусвершеннымъ? Живы вы, и съ вами
Жива боязнь британской королевы.
Для васъ темницы нѣтъ довольно мрачной;
Одною смертью утвердите вы
Корону на главѣ Елисаветы.

МАРІЯ.

Уже-ль мою вѣнчанную главу
Дерзнетъ постыдно положить на плаху?

МОРТИМЕРЪ.

Она дерзнетъ — не сомнѣвайтесь въ томъ!

МАРІЯ.

Величіе свое попретъ пятою,
Величіе и санъ другихъ владыкъ?
И мести Франціи не побоится?

МОРТИМЕРЪ.

Миръ вѣчный съ нею заключить она,
И герцогу анжуйскому отдасть
Престоль и руку.

МАРІЯ.

Но король испанскій
Не ополчится-ль?

МОРТИМЕРЪ.

Цѣлый міръ возстанъ
Противъ нее, она не устрашится,
Пока съ своимъ народомъ въ мирѣ будетъ.

МАРІЯ.

И зрѣлище подобное явить
Британіи осмѣлится она?

МОРТИМЕРЪ.

Британія въ послѣдніе годѣ
На плаху многихъ вѣнценосныхъ женъ
Съ престола проводила. Мать родная
Елисаветы тотъ же путь свершила.
И леди Грей, Екатерина Говардъ
Вѣнцы носили на своихъ главахъ.

МАРІЯ

(послѣ краткаго молчанія).

Нѣтъ, Мортимеръ! Боязнь васъ ослѣпляетъ,
И призраки пустые создаетъ
Заботливое сердце. Я не плахи
Страшуся, сэръ. Другія средства есть
У королевы Англіи навѣкъ
Отъ правъ моихъ себя обезопасить.
Еще палачъ не явится — убійца
Уже найдется. Вотъ чего страшусь!
И каждый разъ, когда губами кубка
Касаюсь, трепеть пробѣгаетъ члены:
Быть можетъ, въ кубкѣ подслащенъ напитокъ
Любовію сестры моей.

МОРТИМЕРЪ.

Ни явлюсь,

Ни тайно къ вамъ не подойдетъ убійца —
Отбросьте страхъ напрасный! Все готово:
Двѣнадцать юныхъ, честныхъ Англичанъ
Въ моемъ союзѣ! на Святомъ причастьи
Они сегодня утромъ поклялись
Изъ замка васъ насильственно исторгнуть.
Графъ Обепинъ, посолъ французскій, знаетъ
Союзъ нашъ братскій, помогаетъ намъ;
Мы тайно сходимся въ его жилищѣ.

МАРІЯ.

Сэръ! въ трепеть вы приводите меня!
И трепещу не съ радости. Печально
Предчувствіе души моей. На что
Рѣшаетесь? Размыслили-ль о томъ?
Ужель не устрашаютъ васъ главы
Кровавыя Тишбурна, Бабингтона,
Вонзенныя на лондонскихъ мостахъ
Въ остереженіе и страхъ другимъ?

Не устрашаетъ гибель жертвъ несчётныхъ,
Которыя вкусили злую смерть,
Отяготивъ на мнѣ мои оковы?
Бѣги, несчастный юноша, бѣги!
Ты ослѣпленъ! Бѣги, пока не поздно,
Пока Борлейфъ коварный не проповѣдалъ
Про вашъ союзъ, не замѣшалъ межъ вами
Предателя! Бѣги изъ государства:
Маріи Стюартъ ни одинъ защитникъ
Не былъ счастливъ!...

МОРТИМЕРЪ.

Не скрашны мнѣ главы
Кровавыя Тишбурна, Бабингтона,
Вонзенныя на лондонскихъ мостахъ
Въ остереженіе и страхъ другимъ!
Не устрашаетъ гибель жертвъ несчетныхъ,
Которыя вкусили смерть за дѣло
Прекрасное. Ихъ достоянье — слава!
Счастливъ, кто палъ для твоего спасенья!

МАРІЯ.

Напрасно все! Ни хитрость, ни насилье
Меня спасти не могутъ! Врагъ не дремлетъ
И власть въ его рукахъ. Не Паулетъ
Съ клеветами, вся Англія стоитъ
На стражѣ у дверей моей темницы.
Одна Елисавета доброй волей
Ихъ растворить передо мною можетъ.

МОРТИМЕРЪ.

О, не ласкайтесь тщетною надеждой!

МАРІЯ.

Одинъ есть только мужъ, который можетъ
Ихъ растворить.

МОРТИМЕРЪ.

Кто-жъ онъ?

МАРІА.

Графъ Лестеръ!

МОРТИМЕРЪ.

Лестеръ?

Графъ Лестеръ? Вашъ непримиримый врагъ?
Любимецъ королевы? чрезъ него ли? . . .

МАРІА.

Когда могу спастись, такъ чрезъ него.
Идите къ Лестеру; откройтесь смѣло;
А въ увѣренье, что я васъ послала,
Письмо мое отдайте графу: въ немъ
Портретъ мой.

(Беретъ съ груди бумагу. Мортимеръ колеблется принять ее.)

При себѣ его ношу
Давно ужъ. Дяди вашего надзоръ
Неусыпимый, отнималъ всѣ средства
Его доставить. Ангелъ мой хранитель
Васъ ниспослалъ ко мнѣ.

МОРТИМЕРЪ.

Но, королева,
Не постигаю . . . .

МАРІА.

Лестеръ объяснить вамъ,
И съ откровеннымъ откровенень будетъ.
Кто приближается?

КЕННЕДИ

(поспѣшно входя).

Сэръ Паулетъ,
И съ нимъ еще придворный.

МОРТИМЕРЪ.

Это Бёрлейфъ!

Спокойно, королева, хладнокровно
Готовьтесь внимать его словамъ.

(Уходитъ въ боковую дверь, за нимъ Кеннеди.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

МАРІА. Лордъ БОРЛЕЙФЪ, главный казначеи-
тель
Англии, и РЫЦАРЬ ПАУЛЕТЪ.

ПАУЛЕТЪ.

Сегодня вы желанье изъявили
Удостовериться въ своей судьбѣ,
И въ ней теперь удостовѣрить васъ
Лордъ Бёрлейфъ къ вамъ приходитъ. Приготовьтесь
Съ покорностью внимать его словамъ.

МАРІА.

Съ достоинствомъ, невинности приличнымъ....

БОРЛЕЙФЪ.

Судилищемъ я посланъ къ вамъ.

МАРІА.

Лордъ Бёрлейфъ

Услужливо берется говорить
За тѣхъ судей, въ которыхъ влилъ свой духъ.

ПАУЛЕТЪ.

Вы-жь говорите такъ, какъ бы ужь знали
Свой приговоръ.

МАРІЯ.

Могу-ль его не знать,
Когда его лордъ Бѳрлейфъ мнѣ приносить?
Сэръ, продолжайте.

БОРЛЕЙФЪ.

Подчинились; леди,
Вы сорока-двухъ-гласному суду? . . .

МАРІЯ.

Простите, лордъ, что я въ началѣ рѣчи
Прервать ее должна. Вы говорите,
Судилищу я подчинилась? Нѣтъ!
Могла ли я забыть все, чѣмъ должна
И собственному сану, и народа
Достоинству, и сыну, и монархамъ?
По англійскимъ законамъ, обвиненный
Судимъ быть долженъ равными ему.
Кто-жь равенъ мнѣ въ судилищѣ моемъ?
Одни монархи — перы для меня.

БОРЛЕЙФЪ.

Вы слышали, въ чемъ обвиняють васъ?
Вы отвѣчали предъ судомъ? . . .

МАРІЯ.

Да, я

Послушалась коварнаго Гаттона.
Для защищенья чести, полагаясь
На справедливость дѣла моего,
Я къ обвиненьямъ преклонила слухъ,
Чтобъ доказать, какъ доводы ихъ ложны.
Не къ должности на лордовъ возложенной,
Которую опровергаю, но
Изъ уваженья къ ихъ особамъ, я
Такъ поступила.

БОРЛЕЙФЪ.

Признаете-ль ихъ,
Не признаете-ль, леди, все равно.
Пустой обрядъ остановить не можетъ
Теченья дѣла. Наслаждаясь кровомъ,
Защитой государственныхъ законовъ
И воздухомъ Британіи дыша,
Правительству покорствовать должны вы.

МАРІА.

Я воздухомъ дышу въ темницѣ мрачной.
Жить въ Англіи, и наслаждаться кровомъ,
Защитою законовъ то ли значить?
Едва я знаю ихъ, и никогда
Не подчинялася законамъ вашимъ.
Я не гражданка Англіи! Свободна!
Монархиня иной земли! . . .

БОРЛЕЙФЪ.

Но, леди,
Не мыслите-ль, что королевскій санъ
Даетъ права, не подвергаясь карѣ,
Въ чужой странѣ раздоръ кровавый сѣять?

МАРІА.

Судей я отвергаю, не законъ.

БОРЛЕЙФЪ.

Судей? Какъ, леди? Неужли-жъ изъ черни
И на удачу вырваны они?
Иль изъ числа людей ничтожныхъ, въ коихъ
Ни правоты душевной нѣтъ, ни чести?
Которые охотно быть готовы
Орудіемъ мучительства? Они
Не первые-ли въ государствѣ люди?
Самостоятельные, емѣло могутъ,

Вѣща я правду, не страшиться сильныхъ,
И мелкіе расчеты презирать.
Не тѣ ли-же сановники, что правятъ
Народомъ мудро, твердо? Назовите
Ихъ имена, и подозрѣнье нѣмо,
И всѣ сомнѣнья исчезаютъ. Ими
Предводятъ: пастырь душъ, благочестивый
Кентербюрійскій примасъ, мудрый Тальботъ,
Хранитель государственной печати,
И Говардъ, вождь всѣхъ мореходныхъ силъ.
Скажите сами, леди: королева,
Избравъ изъ цѣлой области своей
Людей знатнѣйшихъ, и поставивъ въ судьи
Въ великой распрѣ двухъ вѣнчаныхъ главъ,
Не сдѣлала всего, что сдѣлать можно?
И какъ помыслить, чтобы частной злобой
Былъ кто нибудь изъ нихъ руководимъ?
Какъ могутъ сорокъ избранныхъ мужей
Быть движимы одной и той же страстью?

МАРІА

(послѣ краткаго молчанія).

Внимаю, молча, силѣ устъ, издавна
Мнѣ возвѣщавшихъ бѣдствія. Могу-ль
Я, женщина неопытная, спорить
Съ такимъ, какъ вы, краснорѣчивымъ мужемъ?
Да! если-бъ лорды были таковы,
Какими ихъ изобразили вы,
Умолкнуть я должна-бы; безвозвратно
Погибло дѣло-бы мое при первомъ
Ихъ обвиненьи. Но, милордъ, людей,
Которыхъ вы, превознося, назвали,
Что подавить меня должны своимъ

Могуществомъ, — въ иномъ я вижу свѣтъ:
Въ бытописаньяхъ Англіи тѣ люди
Совсемъ иной личиною прикрыты.
Я вижу ихъ, сихъ англійскихъ вельможъ,
И величавый, гордый вашъ парламентъ,
Такъ низко льстящихъ Генриху осьмому,
Какъ прихотямъ султана льстятъ рабы
Серала. — Вижу, какъ дворянство это
Продажное, какъ подкупная чернь,
Уничтожаетъ, создаетъ законы
По одному велѣнію владыки;
Связуетъ бракомъ, расторгаетъ вновь
Святыя узы; королевскихъ дочерей
Сегодня незаконными зоветъ,
Наслѣдія лишаетъ, и на тронъ
Возводитъ завтра. Вижу этихъ перовъ
Достопочтенныхъ, въ скоромъ убѣжденьи
При *четырехъ* правленіяхъ своихъ,
Мѣняющихъ *четыре* раза вѣру.

БОРЛЕЙФЪ.

Вы говорите: не извѣстны вамъ
Законы Англіи; но коротко
Съ несчастьями ея знакомы вы.

МАРІЯ.

И ихъ мнѣ въ судьи назначаютъ! Лордъ
Казнохранитель, противъ васъ хочу
Быть справедлива: будьте же такимъ
Со мной. О благѣ королевы вашей,
О благѣ государства вы печетесь,
Какъ говорятъ; неутомимы вы
И бдительны и не подкупны — вѣрю!
Вы чужды, лордъ, своекорыстныхъ видовъ,

И ищите лишь пользы властелина.
Такъ берегитесь, чтобы эту пользу
За справедливость не принять. Я знаю:
Въ числѣ судей моихъ есть много честныхъ,
Прямыхъ людей; но *протестанты* всѣ,
Ревнуютъ благу Англіи — и мнѣ,
Паписткѣ, мнѣ, шотландской королевѣ,
Имъ приговоръ произнести велятъ!
Издѣвна сказано, что справедливымъ
Британцу не возможно быть съ Шотландцемъ;
И потому-то изстари въ обычай
Вошло, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не могъ
Въ судѣ свидѣтельствовать на другаго.
Необходимостью начертанъ былъ
Законъ сей странный; и глубокій смыслъ
Скрывается въ обычаяхъ старинныхъ.
Лордъ, мы должны ихъ чтить; сама природа,
На сей доскѣ, въ сердитый океанъ
Пустила вдругъ два пылкіе народа,
Не ровно надѣлила ихъ, и биться
Между собой велѣла. Узкимъ Твидомъ
Раздѣлены ихъ гордыя сердца,
И часто кровь сражавшихся сливалась
Съ его волнами. Съ береговъ противныхъ
Они сурово смотрятъ другъ на друга
И держатся за рукоядь мечей.
Въ теченье болѣ десяти столѣтій,
Едва на Англію нахлынетъ врагъ —
Ужѣ ему Шотландецъ помогаетъ;
Едва Шотландія войной
Междоусобной вспыхнетъ — и Британецъ
Туда стремится съ факеломъ въ рукѣ.

И не потухнетъ ихъ вражда, пока
Союзомъ братскимъ ихъ не соединить
Парламентъ; скиптру одному весь островъ
Не покорится.

БОРЛЕЙФЪ.

И такое счастье
Доставить государству суждено
Не дому-ль Стюартовъ?

МАРІА.

Къ чему скрывать?

Такъ! признаюсь, питала я надежду
Соединить два славные народа
Подъ мирной тѣнью масличнаго дерьва.
Я не ждала быть жертвою ихъ злобы;
Но навсегда хотѣла утушить
Вражды старинной гибельное пламя;
Хотѣла двѣ короны сочетать,
Какъ Ричмондъ, прародитель мой, двѣ розы
Соединилъ послѣ борьбы кровавой.

БОРЛЕЙФЪ.

Худой вы путь избрали къ вашей цѣли,
Стремясь разлить пожаръ по государству,
Сквозь пламени междоусобной брани
Достичь престола.

МАРІА.

Богомъ всемогущимъ
Клянусь, такихъ я мыслей не питала!
Кто можетъ доказать мнѣ, что того
Хотѣла я?

БОРЛЕЙФЪ.

Не спорить я пришелъ.
Не нуженъ споръ словесный въ вашемъ дѣлѣ.

Ужь сорокъ голосовъ противу двухъ
Признали васъ нарушившей законъ
И прошлогодній актъ. Въ минувшемъ годѣ
Въ постановленьи сказано: когда
Мятежъ возникнетъ именемъ и въ пользу
Лица, которое свои права
На скиптръ предъявить, то лице судить,
И наказать виновное сѣкирой.
А такъ, какъ намъ доказано. . . .

МАРІА.

Лордъ Бѳрлейфъ!

Не сомнѣваюсь въ томъ, что для меня,
Для гибели моей нарочно созданъ
Такой законъ, и въ точности его
Исполнять. Горе, горе бѣдной жертвѣ,
Когда уста, изрекшіе законъ,
И приговоръ надъ нею произносятъ!
Признайтесь, лордъ, что этотъ актъ составленъ
Единственно для гибели моей?

БОРЛЕЙФЪ.

Предостеречь васъ былъ составленъ онъ,
Но въ сѣть его вы сами превратили.
Вы видѣли, что бездна разверзалась
Предъ вами, но доврчиво въ нее
Низринулись. Вы въ заговорѣ были
Съ злодѣемъ Бабингтономъ и съ его
Убійцами — клеветами; все знали,
Что дѣлалось, и изъ темницы вашей
Руководили хитро мятежемъ.

МАРІА.

Когда? Гдѣ доказательства?

БОРЛЕЙФЪ.

Недавно

Въ судилищѣ вамъ предъявили ихъ.

МАРІЯ.

Чужой рукой начертанные списки!

Нѣтъ! пусть докажутъ, что писала я,

Что съ словъ моихъ написаны они,

Написаны такъ точно, какъ читали.

БОРЛЕЙФЪ.

Предъ смертію признался Бабингтонъ,

Что именно отъ васъ онъ получилъ

Бумаги эти.

МАРІЯ.

Для чего-жъ живымъ

Его мнѣ не представили? Зачѣмъ

Такъ торопливо вызвали изъ міра,

Не допросивъ въ присутствіи моемъ?

БОРЛЕЙФЪ.

И ваши тайные писцы признались:

Клялися Курль и Нау, что писали

По вашему приказу, съ вашихъ словъ.

МАРІЯ.

Такъ по доносу слугъ мнѣ произносятъ

Мой приговоръ? Такъ довѣряютъ людямъ,

Предателямъ монархини своей,

Имъ, измѣнившимъ мнѣ въ тотъ самый мигъ,

Когда доносъ свой произнести рѣшились?

БОРЛЕЙФЪ.

Вы сами нѣкогда Шотландца Курла

Прямымъ и честнымъ мужемъ называли.

МАРІЯ.

Такимъ его считала я донынѣ;

Но добродѣтель мужа испытуеть
Мгновеніе опасности. Онъ могъ,
Испуганный орудіями пытки,
Признаться въ томъ, то высказать, чего
И самъ не зналъ. Свидѣтельствуя ложно,
Онъ думалъ, что спасется, королевъ
Не нанеся великаго вреда.

БОРЛЕЙФЪ.

Онъ добровольной клятвой подтвердилъ
Слова свои.

МАРІЯ.

Но не при мнѣ. Какъ, сэръ?
Вотъ два живыхъ свидѣтеля! Поставьте
Ихъ предо-мною. Пусть повторятъ они
Слова свои въ присутствіи моемъ.
Иль мнѣ откажутъ въ милости, которой
Убійцу не лишаютъ? Прежній стражъ мой,
Тольбѣтъ неоднократно говорилъ,
Что именно при семъ правленіи изданъ
Законъ, гдѣ сказано, что обвинитель
Предъ обвиняемаго призванъ будетъ.
Какъ? иль ошиблась я, сэръ Паулетъ!
Донынѣ честнымъ мужемъ я васъ знала,
Такъ докажите вашу честность мнѣ —
По совѣсти скажите: да, иль нѣтъ?
Не существуетъ въ Англіи законъ сей?

ПАУЛЕТЪ.

Вы правы, леди: существуетъ онъ.
Отъ истины отречься не могу.

МАРІЯ.

Такъ что же, лордъ? Когда меня законы
Гнетутъ, ихъ строго соблюдаютъ здѣсь;

Зачѣмъ же не хотятъ внимать закону,
Спасительному для меня? Скажите,
Какъ, вопреки постановленьямъ вашимъ,
Мнѣ не дали свиданья съ Бабингтономъ?
Какъ не ведутъ ко мнѣ моихъ писцовъ,
Еще живыхъ?

БОРЛЕЙФЪ-

Не раздражайтесь, леди.

Не по однимъ сношеньямъ съ Бабингтономъ....

МАРІА.

Единственно за нихъ я подвергаюсь
Мечу закона; въ нихъ однихъ должна
И оправдаться. Говорите прямо,
Лордъ; не старайтесь рѣчи отклонить.

БОРЛЕЙФЪ.

Извѣстно, что съ посланникомъ испанскимъ,
Съ Мендозой, вы въ переговорахъ были.

МАРІА

(съ живостью).

Не отклоняйте рѣчи, лордъ!

БОРЛЕЙФЪ.

Что вы

Намѣревались низпровергнуть вѣру
Въ Британіи; монарховъ европейскихъ
На Англію войной подвигнуть...

МАРІА.

Что-жь!

Хотя-бъ и такъ? Я не хотѣла, но
Положимъ, что хотѣла. Лордъ! меня
Здѣсь въ заточеньи держутъ вопреки
Правамъ народнымъ. Не съ мечемъ въ рукѣ
Я къ вамъ пришла; молящая пришла

Я подъ священный кровъ гостепріимства,
Поверглася въ объятія королевы
Единокровной, а меня схватили
Насильственно, и заключили въ цѣпи
Тамъ, гдѣ защиты ожидала я.
Чѣмъ Англіи, когда я обязалась?
Противъ насилій защищаюсь я,
Когда стремлюсь сорвать съ себя оковы,
Когда я силой силу отражаю,
И воздвигаю на мою защиту
Всѣ государства, всѣхъ владыкъ Европы.
Я въ помощь смѣло призывать могу
Права войны законной, справедливой.
Однихъ убійствъ, однихъ кровавыхъ дѣлъ
Не позволяютъ гордость мнѣ и совѣсть.
Убіиство мнѣ пятно-бы нанесло,
Бесчестье, такъ; но не могло-бъ во вѣкъ
Меня подвергнуть строгости законовъ,
Затѣмъ, что между Англіей и мной
Посредницей не справедливость — сила.

БОРЛЕЙФЪ

(значительно).

На право сильного не опирайтесь,
Миледи; къ узникамъ оно бываетъ
Не благосклонно.

МАРІА.

Я слаба, она-жъ
Сильнѣйшая; чего-жъ такъ долго медлить
Употребить насильственную власть?
Пусть поразитъ меня, пусть принесетъ
На жертву безопасности своей.
Но да признается, свершивъ убійство,

Что въ дѣлѣ семъ одной внимала силѣ,
Не гласу справедливости. Мечъ, коимъ
Соперницу разить она, не должно
Мечемъ закона называть; не должно
Священнымъ покрываломъ облекать
Кровавыхъ дѣлъ суроваго насилья.
Ей не удастся обмануть вселенной.
Меня мечемъ убійцы поразить
Елисавета можетъ, — не судить!
Зачѣмъ же блескомъ правоты священной
Плоды злодѣйствъ коварно облекать?
О! пусть дерзнетъ съ себя личину снять,
И безъ нее предстать очамъ вселенной!

(Уходитъ.)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

БОРЛЕЙФЪ. ПАУЛЕТЪ.

БОРЛЕЙФЪ.

Она грозитъ намъ, рыцарь Паулетъ,
И угрожать до самой плахи будетъ.
Въ ней сердца горделиваго ни чемъ
Не сокрушить. Услышавъ приговоръ свой,
Страхъ изъявила-ль? пролила-ль она
Хотя одну слезинку? поблѣднѣла-ль?
О состраданьи умоляла-ль насъ?
Ей нерѣшительность Елисаветы

Извѣстна. Намъ того страшиться должно,
Что именно ей твердость придаетъ.

ПАУЛЕТЪ.

Высокомѣрной гордости не станетъ,
Когда ее лишатъ предлога. Лордъ
Казнохранитель, если смѣю прямо
Открыть мой образъ мыслей: въ дѣлѣ семъ,
Въ семъ состязаньи за права, случилось —
И многое, чему-бъ не должно быть:
Тишбурна, Бабингтона и писцовъ
Представить ей необходимо было.

БОРЛЕЙФЪ

(быстро).

Нѣтъ, рыцарь, нѣтъ! Опасною попыткой
То было бы! Марія самовластно
Умами управляетъ; слишкомъ сильны
Изъ глазъ ея струящіяся слезы.
Когда бъ ее писмоводитель Курль
Передъ собой увидѣлъ, произнести
Былъ долженъ слово, съ коимъ жизнь Маріи
Сопряжена, онъ, оробѣвъ, коснѣлъ бы
И отъ признанья своего отрекся-бъ.

ПАУЛЕТЪ.

А нынѣ Англіи враги весь міръ
Наполняютъ ненавистною молвою,
И приговоръ торжественный суда
Почтется дерзкимъ, чорнымъ злодѣяньемъ!

БОРЛЕЙФЪ.

То королевы дѣло! — О! когда-бъ,
Принесшая съ собой раздоръ и горе
Марія эта смерть вкусила, прежде
Чѣмъ на берегъ ступила нашъ.

ПАУЛЕТЪ.

Аминь!

БОРЛЕЙФЪ.

Когда-бъ болѣзнь ее сразила въ узахъ!

ПАУЛЕТЪ.

Отъ многихъ золь отечество спаслось бы!

БОРЛЕЙФЪ.

А все бы мы убійцами прослыли.

ПАУЛЕТЪ.

Конечно. Людямъ запретить нельзя

По произволу думать.

БОРЛЕЙФЪ.

Но тогда,

Не видя ясныхъ доказательствъ, меньше-бъ

И говорили.

ПАУЛЕТЪ.

Пусть ихъ говорятъ!

Не громкихъ нареканій, справедливыхъ

Страшиться должно.

БОРЛЕЙФЪ.

О! отъ нареканій

И справедливость избѣжать не можетъ!

Несчастливымъ вѣчно благосклонно мнѣнье

Людей; а зависть, въ самомъ торжествѣ,

Преслѣдуетъ счастливца. Мечъ судьи

Краса мужей, но ненавистенъ онъ

Для міра цѣлаго въ рукахъ жены.

Міръ безпристрастью женщины не вѣритъ,

Коль женщина-жъ приносится на жертву.

Напрасно, съ совѣстью согласно, судьи

Мы произносимъ приговоръ; при ней,

Въ ея рукахъ державныхъ остается

Пощада, милосердіе. Она
Да обратится къ нимъ. Ужасно, если
Законамъ строгимъ полное теченье
Захочетъ дать!

ПАУЛЕТЪ.

И такъ....

БОРЛЕЙФЪ

(быстро прерывая).

И такъ ей жить?

Нѣтъ! ей не должно жить! Никакъ не должно!
Вотъ именно, что королеву нашу
Такъ устрашаетъ! Что отрадный сонъ
Отъ ложа гонить! Я въ ея очахъ
Прочелъ борьбу душевную. Уста
Желанье сердца произнести страшатся;
Но вопрошаетъ взоръ ея нѣмой,
Значительный: «Изъ слугъ моихъ, ужели
«Никто меня избавить не захочетъ
«Отъ выбора ужаснаго, на тронѣ
«Всечасно трепетать, иль королеву
«Единокровную, немилосердно
«Повергнуть подъ сѣкиру палача?»

ПАУЛЕТЪ.

Необходимость требуетъ того;
Перемѣнить нельзя ея устава.

БОРЛЕЙФЪ.

Перемѣнить не трудно бѣ было
(Такъ мыслить королева) — если-бѣ слугъ
Внимательныхъ имѣла я.

ПАУЛЕТЪ.

Какъ, лордъ?

БОРЛЕЙФЪ.

Которые понять могли бѣ нѣмое
Препорученье.

ПАУЛЕТЪ.

Порученье?

БОРЛЕЙФЪ.

Слугъ,

Которые, принявъ подѣ сохраненье
Змѣю, врага исполненнаго яда,
Не сберегали, какъ залогъ священный,
Какъ драгоцѣнность.

ПАУЛЕТЪ

(значительно).

Драгоцѣнность — слава

И имя королевы, ни какимъ
Пятномъ не оскверненное. Его
Беречь съ излишнимъ тщаніемъ нельзя.

БОРЛЕЙФЪ.

Когда-жъ отъ Шрюсбюри отторгли леди,
И вамъ надзоръ надъ ней былъ порученъ,
Вы полагали. . . .

ПАУЛЕТЪ.

Сэръ! я полагалъ,
Что трудную обязанность сію
Рукамъ честнѣйшимъ поручить хотѣли.
Клянусь Всевышнимъ Богомъ! ни за что-бѣ
Я званія тюремщика не принялъ,
Когда-бѣ не мыслилъ, что имъ долженъ быть
Честнѣйшій мужъ! Позвольте-жъ мнѣ остаться
При мнѣніи, что имъ обязанъ я
Единственно лишь честности моей
И доброй славѣ — ни чему иному.

БОРЛЕЙФЪ.

Распустимъ слухъ, что впавъ въ изнеможенъе,
Она слабѣтъ съ каждымъ днемъ; потомъ,
Что жизнь свою окончила; и такъ
Умретъ Марія въ памяти людей —
И ваше имя чисто.

ПАУЛЕТЪ.

Но не совѣсть! . . .

БОРЛЕЙФЪ.

Когда же собственной своей руки
Употребить въ семъ дѣлѣ не хотите,
Препятствовать иной рукѣ, надѣюсь,
Не станете?

ПАУЛЕТЪ

(прерываетъ его).

Не подойдетъ убійца,
Не переступитъ чрезъ порогъ Маріи,
Пока ее хранятъ мои пенаты!
Мнѣ жизнь ея священна, какъ священна
Глава самой британской королевы.
Вы судьи — вы судите! Вы надъ ней
Произносите приговоръ! Когда же
Придетъ пора, сооружайте плаху,
И палача съ сѣкирой и пилой
Ведите къ ней! Судьѣ и палачу
Въ моемъ я замкѣ растворю ворота;
Но до того хранить ее обязанъ.
Маріи дѣлать зла не допущу,
И отъ нея опасность отвращу.

(Уходитъ.)

ВТОРОЙ АКТЪ.

Вестминстерскій дворецъ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Графъ Кентъ и Сэръ Вильямъ Девисонъ
встрѣчаются.

ДЕВИСОНЪ.

Лордъ Кентъ, вы ль это? Неужель съ турнира
Успѣли возвратиться? Торжество
Ужель такъ скоро кончилось?

КЕНТЪ.

А вы

При играхъ рыцарскихъ не находились?

ДЕВИСОНЪ.

Я былъ задержанъ долгомъ службы.

КЕНТЪ.

Сэръ!

Прекраснаго вы зрѣлища лишились.

Изящный вкусъ изобрѣталъ его,
А пышность исполняла. Представляли,
Какъ нападаетъ пылкое желанье
На крѣпость непорочной красоты.
Отъ нападений рыцарей французскихъ
Ее обороняли: сенешаль
Лордъ маршалъ, главный судія, и десять
Другихъ британскихъ рыцарей. Сначала
Предсталъ глашатай, требуя въ стихахъ,
Чтобъ замокъ покорился. Со стѣны
Ему отвѣтъ далъ канцлеръ. Въ слѣдъ затѣмъ
Раздался громъ осады, и цвѣты,
И благовоній драгоцѣнныхъ сладость
Изъ полевыхъ орудій полились.
Напрасно все: отражены враги,
И со стыдомъ желанье отступило.

ДЕВИСОНЪ.

Не выгодное предвѣщанье, графъ,
Для сват овства французскаго двора.

КЕНТЪ.

Забава, шутка! Но дойдетъ до дѣла —
И крѣпость сдастся, полагаю я.

ДЕВИСОНЪ.

А я совсѣмъ противныхъ съ вами мыслей.

КЕНТЪ.

Соглашены труднѣйшія статьи,
И Франція признала ихъ. Замкнувшись
Въ часовнѣ, будетъ королевскій сынъ
Законъ свой соблюдать; но явно вѣру
Народа чтить и защищать обязанъ.
Когда бъ вы видѣли восторгъ всеобщій
При семъ извѣстии! Англія страшилась,

Что безъ потомства жизнь свою окончить
Елисавета; что насъ снова папа
Обременить оковами, когда
На тронъ ея возсядетъ Стюартъ.

ДЕВИСОНЪ.

Нѣтъ!

Елисавета къ брачному вѣнцу
Идетъ — на смерть идетъ Марія Стюартъ! . . .

КЕНТЪ.

Монархиня подходитъ!

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ЕЛИСАВЕТА, которую ведетъ ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.
ГРАФЪ ОБЕПИНЪ, БЕЛЬЕВРЪ, ГРАФЪ ШРЮСБЮРИ,
ЛОРДЪ БОРЛЕЙФЪ и нѣсколько другихъ французскихъ и
англійскихъ вельможъ входятъ.

ЕЛИСАВЕТА

(Обепину).

Графъ! мнѣ жаль

Тѣхъ благородныхъ, доблестныхъ вельможъ,
Которые, усердіемъ влекомы,
Перенеслись чрезъ море въ мой предѣль.
Мнѣ жаль: они лишились наслажденій
И блеска сенъ-жерменскаго двора.
Не въ силахъ я изобрѣсти такихъ
Божественныхъ, великолѣпныхъ празднествъ,

Какъ Франціи монархія. Народъ
Веселый, добродушный, вокругъ меня
Толпящійся при каждомъ появленьи,
Съ благословеньями, съ любовью — вотъ
То зрѣлище, которое могу
Я съ гордостью чужимъ очамъ представить.
Но блескъ прекрасныхъ, благородныхъ женъ,
Цвѣтущихъ при дворѣ Екатерины,
Въ ея роскошномъ цвѣтникѣ красавицъ,
Ничтожныя достоинства мои
И самую меня затмить бы могъ.

ОБЕПИНЪ.

Такъ: удивленнымъ взорамъ чужеземца
Одну лишь женщину являетъ дворъ
Вестминстерскій; но въ ней одной
Все собрано, чѣмъ восхищаетъ насъ
Прелестный полъ.

БЕЛЬЕВРЪ.

Монархиня! дозволю

Оставить дворъ твой: радостною вѣстью,
Толь пламенно желанной, осчастливить
Его высочество. Онъ не въ Парижѣ,
Но увлеченный нетерпѣньемъ сердца,
Въ Амьенѣ ждетъ гонца съ счастливой вѣстью,
И до Кале разставлены посты.
То *да*, которое твои уста
Державныя произнесутъ, домчится
До слуха восхищеннаго его,
На легкихъ крыльяхъ вихря.

ЕЛИСАВЕТА.

Графъ Бельевръ,

Не принуждайте болѣе меня!

Теперь не время, повторяю вамъ,
Не время зажигать свѣтильникъ брачный.
Туманно небо надъ страною этой.
Мнѣ покрывало черное приличнѣй,
Чѣмъ блескъ и пышность брачныхъ украшеній.
Ударъ ужасный, неизбѣжный, близкій,
Грозитъ и дому моему и сердцу.

БЕЛЬЕВРЪ.

Монархиня! дай только слово намъ,
Что съ свѣтлыми, спокойнѣйшими днями
Желанное наступитъ исполненье.

ЕЛИСАВЕТА.

Монархини — величія рабыни:
Влеченью сердца слѣдовать не могутъ.
Моимъ желаніемъ всегдашнимъ было
Безбрачно жизнь окончить. Я хотѣла,
Чтобы на камнѣ гробовомъ читали:
«Здѣсь королевы-дѣвственницы прахъ!»
Но подданные не того желаютъ,
И мыслятъ ужъ о времени, когда
Переселюсь изъ міра. Не довольно,
Что и теперь блаженствуетъ страна:
Я Англіи и будущему благу
Пожертвовать собой принуждена.
Такъ! счастьемъ высшимъ, дѣвственной свободой,
Пожертвовать должна я для народа.
Мнѣ властелина назначаетъ онъ,
Показывая тѣмъ, что для него
Я только женщина. А я мечтала,
Что властвовать умѣла, какъ король,
Какъ мужъ. Я знаю, не угоденъ Богу,
Кто борется съ порядкомъ естества.

Хвала мужамъ, которые насильно
Британіей владѣли до меня.
Царица же, которая свой вѣкъ
Не въ созерцаніи проводитъ праздною,
Которая неутомимо, твердо
Обязанности тяжкія несетъ,
Могла бы быть избавлена, я мыслю,
Отъ общаго закона, коимъ полъ
Другому подчиняется.

ОБЕПИНЪ.

На тронѣ

Всѣ добродѣтели въ себѣ являла
Ты, государыня! Осталось только,
Чтобы тобой украшенному полу
Ты, въ собственныхъ достоинствахъ его,
Какъ мать, предстала образцомъ. Конечно
Нѣтъ мужа на землѣ, который былъ бы
Достоинъ, чтобъ ему свою свободу
Ты въ жертву принесла; но если санъ,
Величье, красота, геройскій духъ
Даютъ ему права на честь такую. . . .

ЕЛИСАВЕТА.

Сомнѣнья нѣтъ, что бракъ съ державнымъ сыномъ
Французскаго монарха честь приносить
Мнѣ. Признаюсь, графъ Обепинъ, коль скоро
Такъ быть должно, перемѣнить не лзя,
И я принуждена народной волѣ
Повиноваться; а она, я мыслю,
Сильнѣй меня: то государя нѣтъ
Въ Европѣ цѣлой, коему бъ могла
Я съ меньшимъ отвращеньемъ въ жертву несть

Свободу, благо высшее мое.
Довольствуйтесь признаньемъ откровеннымъ!

БЕЛЬЕВРЪ.

Надежда лестная, но все надежда;
А государь мой бѣльшаго желаетъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Чего жь желаетъ онъ?

(Снимаетъ съ руки кольцо, и задумчиво его разсматриваетъ.)

Такъ королева
Не разнится отъ женщины простой?
Такъ знаки одинаковые ей,
И ту-жь обязанность, и то же рабство
Предписываютъ? Бракъ свершаютъ кольца,
А кольца образуютъ цѣпь. Вручите
Его высочеству подарокъ этотъ!
Еще не цѣпь онъ, не сковаль меня,
Но можетъ скоро въ узы превратиться.

БЕЛЬЕВРЪ

(принимая кольцо, преклоняетъ колѣна).

Склонивъ колѣна, именемъ его
Пріемлю даръ сей, и лобзаю руку
Монархини моей.

ЕЛИСАВЕТА

(графу Лейчестеру, который въ продолженіе послѣдняго разговора съ удивленіемъ на нее смотрѣлъ).

Позвольте, лордъ!

(Снимаетъ съ него голубую ленту и надѣваетъ ее на Бельевра.)

Вложите на его высочество сей знакъ,
Какъ я теперь на васъ его взлагаю,
И принимаю въ рыцари мои.

Nonny soit qui mal y pense! Отнынѣ
Да навсегда исчезнетъ подозрѣнье
Межъ двухъ народовъ, и союзъ любви
Довѣрчиво соединить навѣкъ
Корону Франціи съ Британскою короной!

ОБЕПИНЪ.

День торжества и радости! О, если бѣ
Для каждаго днемъ радости онъ былъ,
И ни одинъ страдалецъ не стоналъ бы
На островѣ твоёмъ! О, королева!
Твое чело сіяетъ милосердьемъ;
Когда бѣ одинъ его отрадный лучъ
Упалъ на злополучную, въ которой
И Франція и Англія должны
Принять участие равное. . . .

ЕЛИСАВЕТА.

Довольно!

Двухъ совершенно несовмѣстныхъ дѣлъ
Не будемъ, графъ, соединять напрасно!
Коль искренно вступить со мной въ союзъ
Желаетъ Франція, то не должна
Враговъ моихъ дарить своею дружбой.

ОБЕПИНЪ.

Но въ собственныхъ глазахъ твоихъ она
Себя бы недостойно показала,
Когда бѣ могла забыть при семъ союзѣ
О злополучной, кровной ей по вѣрѣ,
Вдовѣ властителя ея. И честь
И состраданье требуютъ. . . .

ЕЛИСАВЕТА.

Въ семъ смыслѣ

Ходатайство ея цѣню вполне.

Пусть Франція исполнить долгъ союза;
Быть королевой — предоставить мнѣ.

(Откланивается французскимъ вельможамъ, которые съ прочими лордами почтительно удаляются.)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ЕЛИСАВЕТА. ЛЕЙЧЕСТЕРЪ. БОРЛЕЙФЪ. ТАЛЬБОТЪ.

(Королева садится.)

БОРЛЕЙФЪ.

Великая монархиня! сегодня
Ты подданныхъ сильнѣйшее желанье
Исполнила. Теперь лишь можемъ мы
Благословенной жизнью наслаждаться,
Тобой для насъ устроенной; теперь,
Когда глядимъ безъ трепета и страха
На времена грядущія. Но есть
Еще забота тяжкая на сердцѣ
У cadaго изъ подданныхъ твоихъ,
Единогласно требующихъ жертвы.
Склонись — и день сей навсегда положить
Основу счастью Англіи.

ЕЛИСАВЕТА.

Чего-жь

Желаетъ мой народъ? Скажите, лордъ!

БОРЛЕЙФЪ.

Онъ требуетъ главы Маріи Стюартъ!

Когда народу хочешь ты упрочить
Свободы даръ, свѣтъ истины, который
Толь дорогой цѣной купила ты —
Смерть ей! Когда не хочешь видѣть насъ,
За жизнь твою трепещущихъ всечасно, —
Да гибнетъ врагъ! Тебѣ самой извѣстно,
Не всѣ Британцы одинакихъ мнѣній;
И заблужденій римской вѣры много
Есть тайныхъ читателей въ твоихъ владѣньяхъ.
Они враждебныя питаютъ мысли,
Привержены къ Маріи, и въ союзъ свой
Включить успѣли лотарингскихъ братьевъ,
Твоихъ враговъ во вѣкъ не примиримыхъ.
И всѣ они, кипя свирѣпой злобой,
Клялися на тебя возстать войной
Губительной, съ оружіемъ геенны
Въ рукахъ. Въ столицѣ кардинала, Реймсѣ,
Вертепъ мятежныхъ, гдѣ куютъ перуны,
Цареубійству учать; и оттолъ
Миссіонеровъ шлютъ на островъ твой,
Мечтателей рѣшительныхъ и смѣлыхъ,
Подъ разными личинами сокрытыхъ:
Оттуда вышелъ третій ужь убійца.
Неистошимо новые враги
Изъ бездны той исходятъ потаенно,
А фурія сей гибельной войны
Живетъ спокойно въ замкѣ Фотрингайскомъ,
И факеломъ любовнымъ поджигаетъ
Все государство. За нее, искусно
Умѣющей питать надежду въ каждомъ,
Летитъ на смерть неопытная юность.
Условный вопль: освободить Марію,

На твой престолъ возвестъ Марію — цѣль!
Не признають до нынѣ Лотарингцы
Твоихъ священныхъ правъ; и въ ихъ глазахъ
Ты хищница верховной власти, счастьемъ
Вѣнчанная. Они, они склонили
Безумную — британской королевой
Себя въ бумагахъ величать. Ни съ ней,
Ни съ цѣлымъ домомъ примиренья нѣтъ.
Снеси ударъ, иль нанеси его.
Маріи жизнь — есть смерть Елисаветы;
Маріи смерть — Елисаветы жизнь!

ЕЛИСАВЕТА.

Печальна должность, принятая вами,
Милордъ! Усердье ваше безкорыстно,
Я это знаю; опытная мудрость
Вѣщаетъ въ васъ; но въ глубинѣ души
Такую мудрость, жаждущую крови,
Я ненавижу. Дайте мнѣ совѣтъ
Не столь жестокій. — Вы какого мнѣнья,
Лордъ Шрюсбюри?

ТАЛЬБОТЪ.

Достоиную хвалой

Почтила ты усердіе, которымъ
Оживлена грудь вѣрная его.
Въ груди моей не меньше вѣрно сердце,
Хотя уста не такъ краснорѣчивы.
Продли Господь лѣта твои на долго,
На радость намъ, для сохраненья мира
Въ твоей державѣ. Свѣтлыхъ дней такихъ
Страна сія не видѣла съ тѣхъ поръ,
Какъ повинуется своимъ монархамъ.
Но да не купитъ счастья безславьемъ!

Иль прежде пусть засыплются пескомъ
Глаза мои!

ЕЛИСАВЕТА.
Да сохранить васъ Богъ
Отъ мысли — славѣ нанести пятно !

ТАЛЬБОТЪ.
И такъ, изобрѣти иное средство
Спасти отечество ; а казнь Маріи
Несправедливый способъ. Приговоръ
Не въ правѣ ты произносить надъ ней,
Не подданной британской королевы.

ЕЛИСАВЕТА.
Такъ мой Совѣтъ верховный, мой Парламентъ
И всѣ судилища державы нашей,
Признавшіе права мои въ семь дѣлъ
Единогласно, заблуждались, лордъ ?

ТАЛЬБОТЪ.
Не большинство единогласныхъ мнѣній
Доказываетъ справедливость дѣла.
Британія не цѣлый міръ ; Парламентъ
Не составляетъ цѣлый родъ людской ;
И Англія, какою видимъ нынѣ,
Не Англія бывалая, не та,
Которая въ вѣкахъ грядущихъ будетъ.
Съ наклонностями измѣнчивыми вмѣстѣ
Должны и мнѣній шаткіе вѣсы
То восходить, то опускаться внизъ.
Не говори, что ты принуждена
Необходимости законъ исполнить —
Послѣдовать желанію народа!
Лишь пожелай, и въ каждое мгновенье
Свободу воли собственной познаешь.

Такъ, испытай! Скажи, что ненавистны
Тебѣ потоки крови; что сестрѣ
Ты жизнь спасти желаешь. . . . царскій гнѣвъ свой
Яви тому, кто прекословить будетъ,
И въ тотъ же мигъ пройдетъ необходимость,
И правое несправедливымъ станетъ.
Сама судить, одна судить должна ты,
Не опираясь на тростникъ ничтожный;
Послѣдуй смѣло собственному чувству
И кротости. Не строгость и не злобу
Всевышній въ сердце женщины вложилъ. . . .
И основатели отчизны нашей,
Къ браздамъ правленья допуская женъ,
Тѣмъ доказать хотѣли, что не строгость
Должна быть добродѣтелью монарховъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Графъ Шрюсбюри за общаго врага
Является ходатаемъ усерднымъ;
Но тѣ совѣты я предпочитаю,
Которыхъ цѣль — спокойствіе мое.

ТАЛЬБОТЪ.

Нѣтъ за нее ходатая! Никто
Не смѣетъ въ пользу слова произнести,
Страшася гнѣва твоего. Дозволь же,
Чтобы старикъ, стоящій у могилы,
Котораго прельстить уже нельзя
Надеждами земными, чтобы я
Защитникомъ покинутой предсталъ.
Пусть міръ не скажетъ, что въ твоёмъ Совѣтѣ
Одно своекорыстіе и страсти
Имѣли голосъ, состраданье-жь было
Безгласно, нѣмо. Все противъ нея

Соединилось, ты сама до нынѣ
Лица ея не видѣла; ничто
Не говоритъ въ душѣ твоей за Стюартъ.
Я не проступки извинять хочу! —
Она убить супруга приказала,
Какъ говорятъ; и правда, что съ убійцей
Соединилась бракомъ — тяжкій грѣхъ!
Но онъ въ злосчастное свершенъ былъ время,
Въ смятеніяхъ войны междоусобной,
Когда ее, безсильную, тѣснили
Вассаллы дерзкіе; когда она
Должна была повергнуться въ объятья
Силь, твердости исполненнаго мужа;
Увлечена могуществомъ — какимъ?
Извѣстно Богу. Бренное созданье
Есть женщина!

ЕЛИСАВЕТА.

Не каждая слабѣ,
И между нихъ есть твердая душою.
Въ присутствіи моемъ не позволяю
О слабости ихъ говорить.

ТАЛЬБОТЪ.

Суровымъ

Наставникомъ твоимъ несчастье было;
Не улыбалась жизнь твоя тебѣ;
Издалека на тронъ ты не взирала,
Но видѣла у ногъ своихъ могилу.
Въ стѣнахъ печальныхъ Товора, въ Вудстокѣ
Тебя отецъ страны сей научалъ
Печальной жизнью познавать свой долгъ.
Туда не могъ къ тебѣ проникнуть льстецъ.
Не слыша шума суетнаго свѣта,

Ты возмужала духомъ съ раннихъ лѣтъ,
Вникать въ себя привыкла, и сей жизни
Прямая блага познавать училась.
Несчастную не спасъ Господь! Дитятей
Во Францію перевезли ее,
Къ двору, гдѣ шумъ безсмысленныхъ веселій
И радость безотчетная живутъ.
Тамъ, въ упоеньи непрерывныхъ празднествъ,
Ей голосъ истины былъ незнакомъ;
И ослѣпленную порока блескомъ,
Ее увлекъ развратъ своимъ потокомъ.
Ей красота досталась въ удѣлъ:
Наружностью и знаменитымъ родомъ
Цвѣтущая, она затмила всѣхъ....

ЕЛИСАВЕТА.

Опомнитесь, лордъ Шрюсбюри! Мы здѣсь
Для совѣщаній важныхъ засѣдаемъ.
Чудесныя тѣ прелести должны быть,
Которыя до степени такой,
Воспламенили старца! Лордъ Лейчестеръ!
Одни лишь вы молчите; неужели
То, отъ чего онъ сталъ краснорѣчивъ,
Молчаньемъ вамъ уста запечатлѣло?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Отъ изумленія безгласенъ я!
Дивлюся, государыня, зачѣмъ
Тебя напраснымъ возмущаютъ страхомъ.
Какъ могутъ сказки легковѣрной черни,
Толь страшныя, проникнуть въ твой Совѣтъ
И занимать мужей благоразумныхъ?
Я изумленъ, что изъ темницы мрачной
Безвластная Шотландцевъ королева

Тебя страшить: она, свой малый тронъ
Себѣ сберечь немогшая, вассаловъ
Посмѣшище, изъ собственныхъ владѣній
Изгнанная? Какъ? Всемогущій Боже!
Ужели страхъ въ тебя она вселила
Тѣмъ, что правá на тронъ твой предъявила?
Что Гизы королевою тебя
Признать не соглашаются? Упорство
Тѣхъ Гизовъ можетъ ли ослабить право,
Которое даетъ тебѣ рожденье,
Которое Иарламентъ утвердилъ?
Или ее послѣднимъ завѣщаньемъ
Не удалилъ отъ власти, молча, Генрихъ?
Иль Англія, счастливо наслаждаясь
Священнымъ свѣтомъ новаго ученья,
Повергнется въ объятія папистки,
И отъ тебя, боготворимой ею,
Отклонится къ Дарнлеевой убійцѣ?
Чего хотятъ строптивые умы,
Которые, живущую тебя,
Преемницей пугаютъ, и не могутъ
Дождаться дня, когда ты вступишь въ бракъ,
Чтобъ государство и святую церковь
Избавить отъ опасности? Не ты ль
Стоишь предъ нами въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
И не Марія-ль, съ каждымъ новымъ днемъ,
Склоняется къ могилѣ, увядая?
Свидѣтель Богъ! надѣюсь, много лѣтъ
Ступать ты будешь на ея могилу,
Но въ гробъ ее ввергать тебѣ не надо.

БОРЛЕЙФЪ.

Графъ Лестеръ былъ инаго мнѣнья прежде.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Такъ! я въ судилищѣ самъ подалъ голосъ
Казнить ее; но здѣсь, въ Совѣтъ Тайномъ,
Иначе говорю. Не о правахъ,
О выгодахъ здѣсь рѣчь. Страшна ль она,
Оставленная Франціей, подпорой,
Надеждою единственной своей,
Теперь, когда рукой своею хочешь
Ты осчастливить сына короля?
Когда цвѣтетъ намъ сладкая надежда
Увидѣть отрасль новую монарховъ —
Къ чему жь убить ее? Она мертва:
Презрѣнье — таже смерть! О, брегись,
Чтобъ состраданье не воззвало къ жизни
Марію Стюартъ! Мой совѣтъ: оставить
Ей изреченный смертный приговоръ
Во всемъ его значеніи и силѣ,
И — пусть живетъ Марія, но живетъ
Подъ остріемъ сѣкиры палача,
Которая сразитъ ее, коль скоро
Хоть кто нибудь возстанетъ за нее.

ЕЛИСАВЕТА

(встаетъ).

Теперь я знаю мнѣнье ваше, лорды,
И за усердіе благодарю.
При помощи Всевышняго, который
Умы монарховъ просвѣщаетъ свѣтомъ,
Я разсмотрю основныя причины
Совѣтовъ вашихъ, и рѣшусь на то,
Что будетъ мнѣ полезнѣе казаться.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. РЫЦАРЬ ПАУЛЕТЪ и МОРТИМЕРЪ.

ЕЛИСАВЕТА.

Вотъ Паулетъ. Какую новость, сэръ,
Приносите?

ПАУЛЕТЪ.

Монархиня! недавно
Племянникъ мой, изъ странствій возвратясь,
Къ стопамъ твоимъ повергнуться дерзаетъ,
И юное усердіе свое
Тебѣ приносить. Не отвергни дара;
И да лучами милостей твоихъ
Согрѣтое, окрѣпнетъ и созрѣетъ!

МОРТИМЕРЪ

(преклонивъ колѣно).

Продли Всевышній дни твои на долго!
Да счастье и слава увѣнчаютъ
Твое чело державное!

ЕЛИСАВЕТА.

Сэръ, встаньте!

Привѣтствую васъ въ Англіи моей.
Большой вы путь свершили; были въ Римѣ,
Во Франціи и Реймсѣ. Расскажите-жъ
Про замыслы враговъ моихъ.

МОРТИМЕРЪ.

Господь

Да обратитъ ихъ въ гибель имъ самимъ же,
И да пронзитъ ихъ груди той стрѣлою,

Которую направили они
Противъ тебя.

ЕЛИСАВЕТА.

Вы видѣли Моргана
И роскаго епископа?

МОРТИМЕРЪ.

Я видѣлъ

Изгнанниковъ шотландскихъ; видѣлъ всѣхъ,
Которые погибель устрояютъ
Британіи, и вкрасться я умѣлъ
Въ довѣренность коварныхъ, чтобъ проникнуть
Ихъ замыслы.

ПАУЛЕТЪ.

Къ шотландской королевѣ
Привезъ онъ письма тайныя отъ нихъ,
И мнѣ ихъ отдалъ вѣрною рукою.

ЕЛИСАВЕТА.

Какіе-жъ вновь ихъ замыслы?

МОРТИМЕРЪ.

Перуномъ
Сразило ихъ извѣстье, что Марію
Оставить хочетъ Франція, въ союзъ
Съ Британіей вступая; и отнынѣ
Одна Испанія надежда ихъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Такъ Вальсингамъ мнѣ пишетъ.

МОРТИМЕРЪ.

Такъ же булла,
Которою недавно папа Сикстъ
Противъ тебя изъ Ватикана грянулъ,
Получена въ тотъ самый день, когда

Я Реймсъ оставилъ. Съ первымъ кораблемъ
На островъ ее получаютъ здѣсь.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Передъ оружіемъ такимъ отнынѣ
Не затрепещетъ Англія.

БОРЛЕЙФЪ.

Въ рукахъ
Лжесвятости оно ужасно будетъ.

ЕЛИСАВЕТА

(устремивъ на Мортимера испытующій взоръ).

Васъ обвиняютъ въ томъ, что въ Реймсѣ вы
Училища монаховъ посѣщали
И отреклись отъ вашей вѣры?

МОРТИМЕРЪ.

Такъ!

Не отопрусь: я дѣлалъ то для виду,
Усердіемъ служить тебѣ влекомъ.

ЕЛИСАВЕТА

(Паулету, который подаетъ ей бумагу).

Что это?

ПАУЛЕТЪ.

Отъ шотландской королевы
Письмо къ тебѣ.

БОРЛЕЙФЪ

(быстро хватая его).

Дай мнѣ!

ПАУЛЕТЪ

(отдаетъ письмо королеву).

Простите лордъ

Казнохранитель! Въ собственныя руки
Ея величества отдать письмо
Она велѣла. Хоть меня всегда

Врагомъ своимъ зоветъ она, но я,
Я только врагъ ея пороковъ; впрочемъ,
Что не противно должности моей,
Охотно все я позволяю ей.

*(Королева беретъ письмо. Между тѣмъ какъ она читаетъ,
Мортимеръ и Лейчестеръ говорятъ тихо другъ съ другомъ.)*

БОРЛЕЙФЪ

(Паулету).

Что можетъ заключать въ себѣ письмо?
Стенанія и жалобы пустыя,
Отъ коихъ мы обязаны щадить
Чувствительное сердце королевы.

ПАУЛЕТЪ.

Марія мнѣ открыла содержанье
Сего письма. Испрашиваетъ въ немъ,
Какъ милости, свиданья съ королевой.

БОРЛЕЙФЪ

(быстро).

Нѣтъ, никогда!

ТАЛЬБОТЪ.

А почему-же? Въ просьбѣ
Несправедливаго нѣтъ ничего.

БОРЛЕЙФЪ.

Убійцѣ-ль — ей, всегда алкавшей крови
Елисаветы, насладиться нынѣ
Воззрѣніемъ на свѣтлое чело?
Нѣтъ! Прямо кто приверженъ къ королевѣ,
Предательскаго не подастъ совѣта.

ТАЛЬБОТЪ.

Когда Марію осчастливить мыслить
Монархиня, ужели захотите
Остановить порывъ великодушный?

БОРЛЕЙФЪ.

Она осуждена! Ея глава —
Сѣкиры достоянье! Не прилично
Величію монархини взирать
На смерти обреченную главу.
А приговоръ нельзя исполнить будетъ,
Когда ее увидить королева,
Затѣмъ, что разъ къ виновному приблизясь,
Она ему прощеніе несетъ.

ЕЛИСАВЕТА

(прочитавъ письмо,тираетъ слезы).

Что человѣкъ? И что земныя блага?
Вотъ до чего доведена она,
Которой льстила гордая надежда,
Которая Всевышнимъ призванá
На старшій тронъ изъ христіанскихъ троновъ!
Которая въ мечтаніяхъ своихъ
Ужь три вѣнца влагала на главу!
О! какъ теперь языкъ ея не сходенъ
Съ тѣмъ языкомъ, которымъ говорила,
Когда, принявъ гербъ Англіи, внимала
Льстецамъ, ее усердно величавшимъ
Двухъ острововъ британскихъ королевой!
Простите, лорды! Сердцемъ сокрушаюсь:
Струится кровь изъ ранъ моей души,
При взглядѣ на непрочность благъ земныхъ,
На страшный рокъ, готовый разразиться
Надъ собственной моею головой.

ТАЛЬБОТЪ.

Монархиня, Богъ умиляетъ сердце
Твое! Внемли небесному глаголу!
Тяжелой карою за тяжкій грѣхъ

Наказана Марія. Да настанетъ
Конецъ ея жестокимъ испытаньямъ!
Простри десницу ей, глубоко павшей;
Какъ лучезарный Ангелъ благодати,
Спустишь въ могильный мракъ ея темницы.

БОРЛЕЙФЪ.

Мужайся, государыня! Не дай
Хвалы достойнымъ чувствамъ состраданья
Стезею заблужденій вестъ тебя.
Страшись лишить сама себя свободы
Необходимое исполнить дѣло!
Щадить ее — спасти не можешь ты!
Не навлекай же на себя укора,
Что съ торжествомъ насмѣшливымъ и злымъ
Ты наслаждалась лицезрѣньемъ жертвы.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Останемся въ предѣлахъ нашихъ, лорды!
Чтобъ лучшее, приличное избрать,
Совѣты наши мудрой королевѣ
Не нужны; и въ свиданіи монархинь
Нѣтъ общаго съ теченіемъ суда.
Законы Англіи, не королева
Марію осуждаютъ, и прилично
Возвышенной душѣ Елисаветы
Послѣдовать прекрасному влеченію,
Когда законъ неумолимъ и твердъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Идите, лорды. Мы изыщемъ средства
Соединить, что милость намъ внушаетъ,
Что долгъ велитъ исполнить. Удалитесь!

*(Лорды уходятъ. Елисавета зоветъ Мортимера, уже подо-
шедшаго къ дверямъ.)*

Сэръ Мортимеръ! Останьтесь со мной!

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЕЛИСАВЕТА. МОРТИМЕРЪ.

ЕЛИСАВЕТА

(нѣсколько минутъ смотритъ на него испытующимъ взоромъ).

Вы оказали смѣлый духъ и твердость
Не по лѣтамъ. Кто въ юности такой
Притворствовать тяжелое искусство
Постигъ, тотъ преждевременно созрѣлъ,
И сокращаетъ испытаній годы.
Великое предназначенье вамъ
Судьба готовить. . . . предвѣщаю, сэръ,
И къ счастью могу сама исполнить
Пророчество.

МОРТИМЕРЪ.

Монархиня, чѣмъ я теперь,
Чѣмъ быть могу — служить тебѣ готовъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Враговъ Британіи узнали вы:
Ихъ ненависть ко мнѣ непримирима,
Кровавые неистощимы ковы.
Меня донынѣ Вышній охранялъ;
Но на главѣ колеблется вѣнецъ —
Пока жива она, предлогъ ихъ кововъ,
Надежда ихъ.

МОРТИМЕРЪ.

Конецъ ея наступить,
Какъ скоро слово изречешь.

ЕЛИСАВЕТА.

О, сэръ!

Я полагала, что достигла цѣли
И — только начинаю. Въ этомъ дѣлѣ
Орудіемъ употребивъ законъ,
Омыть отъ крови собственныя руки
Хотѣла я, и смертный приговоръ
Произнесенъ. Но мнѣ какая польза?
Его исполнить должно, Мортимеръ!
Я исполненіе повелѣть должна,
И на меня обрушится вина!
Я, по наружности, въ семъ страшномъ дѣлѣ
Невинною казаться не могу.
Вотъ въ чемъ бѣда!

МОРТИМЕРЪ.

Ужели въ правомъ дѣлѣ
Молвы людской бояться можешь ты?

ЕЛИСАВЕТА.

Иль совершенно свѣтъ вамъ не знакомъ?
Чѣмъ мы наружно кажемся, тому
Судью находимъ въ каждомъ человѣкѣ,
А что мы есть, того никто не судить.
Я ни кого увѣрить не могу
Въ моихъ правахъ; и потому стараюсь,
Чтобы навѣкъ осталось подъ сомнѣніемъ
Участіе мое въ кончинѣ Стюартъ.
Въ такихъ дѣлахъ не ясныхъ и двуличныхъ
Убѣжище единственное — мракъ!
Шагъ худшій — тотъ, въ которомъ сознаемся.
Сокрытаго не можемъ потерять.

МОРТИМЕРЪ.

Такъ лучше было бы. . . .

ЕЛИСАВЕТА

(быстро).

Конечно лучше!

Хранитель-Ангелъ мой вѣщаетъ въ васъ!

Договорите, продолжайте, сэръ.

Вы вникнули въ причины; вы не то,

Что дядя вашъ.

МОРТИМЕРЪ

(ужаснувшись).

Желаніе свое

Ужели ты открыла Паулету?

ЕЛИСАВЕТА.

Да! — и скорблю.

МОРТИМЕРЪ.

Прости сѣдому старцу!

Отъ лѣтъ рѣшительность потухла въ немъ.

Для смѣлыхъ дѣлъ нужна неустрашимость,

Готовность юноши. . . .

ЕЛИСАВЕТА.

Могу ли вамъ. . . .

МОРТИМЕРЪ.

Мою тебѣ я предлагаю руку:

Спасай, какъ можешь, собственное имя.

ЕЛИСАВЕТА.

Когда-бъ однажды, съ утренней зорей,

Вы разбудить могли меня словами:

Марія Стюартъ, твой заклятый врагъ,

Сей ночью міръ покинула навѣки!

МОРТИМЕРЪ.

Надѣйся на меня!

ЕЛИСАВЕТА.

Когда же сонъ
Спокойный осѣнитъ мою главу?

МОРТИМЕРЪ.

Конецъ боязни съ новою луною.

ЕЛИСАВЕТА.

Простите, сэръ! Не огорчайтесь тѣмъ,
Что благодарность сердца моего
Покровомъ мрака одѣваю я.
Молчаніе — счастливцевъ божество.
Нѣжнѣйшіе союзы заключаетъ
Непроницаемая взоромъ тайна! . .

(Уходитъ.)

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

МОРТИМЕРЪ одинъ.

Прочь отъ меня, коварная жена!
Какъ ты людей обманывать привыкла,
Такъ и тебя я обману теперь!
Предать тебя прекрасно и похвально!
Ужели на челѣ моемъ прочла ты
Злодѣйскую готовность? О! надѣйся
На руку Мортимера, и межъ тѣмъ
Держи свою въ бездѣйствіи; носи
Личину милосердія предъ міромъ
И втайнѣ полагайся на меня,
И время дай спасти Марію Стіуартъ!

Меня возвысить хочешь — издалёка
Великую награду кажешь мнѣ. . . .
И будь сама цѣною злодѣянья,
Съ твоею красотою! . . . Кто сама ты?
Что можешь дать, бѣднѣйшая? Меня
Прельстить не можетъ славы блескъ ничтожный.
Одной лишь ей украсить жизнь возможно!
Вокругъ нея, въ лучахъ златаго дня,
Любовь и радость вѣчно молодая,
И на груди ея блаженство рая —
А ты лишь блага мертвыя даришь.
Того, что красить жизнь, того вѣнца,
Которымъ въ сладкомъ, пламенномъ забвеньи
Мѣняются влюбленные сердца,
Не знала ты, и въ самомъ наслажденьи
Любовь всегда чуждалася тебя.
Счастливить ты умѣла — не любя!
Дождаться лорда долженъ я; письмо
Отдать ему. Какъ тяжело мнѣ такое
Препорученье! Никогда къ нему
Пріязни я не чувствовалъ въ душѣ.
Я самъ, одинъ спасти ее хочу;
Мнѣ одному опасность встрѣтить надо,
Мнѣ одному и слава и награда!

(Хочетъ идти и встрѣчается съ Паулетомъ.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

МОРТИМЕРЪ. ПАУЛЕТЪ.

ПАУЛЕТЪ.

О чемъ ты съ королевой говорилъ?

МОРТИМЕРЪ.

Сэръ, ни о чемъ — значительномъ.

ПАУЛЕТЪ

(съ важностію смотритъ на него).

Послушай:

На скользкій путь ступилъ ты, Мортимеръ!

Заманчиво владыкъ расположенъ;

Награды жаждетъ юность. Берегись,

Чтобъ честолюбіе съ пути прямого

Тебя не совратило!

МОРТИМЕРЪ.

Но не сами ль

Вы ко двору представили меня?

ПАУЛЕТЪ.

И сожалѣю! Нѣтъ, не при дворѣ

Стяжали честь и славу наши предки.

Мужайся, другъ! Не жертвуй всѣмъ, что свято!

И совѣсти не заглушай въ себѣ!

МОРТИМЕРЪ.

Какая мысль? Къ чему заботы эти!

ПАУЛЕТЪ.

Вознестъ тебя высоко обѣщаетъ. . . .

Но, Мортимеръ, не вѣрь ей словамъ!

Исполнишь ты — она тебя отвергнетъ,

И собственное омывая имя,
Отмстить тебѣ за лютое убійство,
Къ которому сама тебя подвигла.

МОРТИМЕРЪ.

Убійство, говорите вы? . . .

ПАУЛЕТЪ.

Оставь

Притворство! Знаю, что тебѣ внушала
Елисавета; знаю, что она
Отъ юности честолюбивой ждетъ
Того, въ чемъ старость хладная моя
Ей отказала. — Согласился ль ты?
Ты согласился?

МОРТИМЕРЪ.

Дядя!

ПАУЛЕТЪ.

Если да —

Навѣки ты отверженъ мной и проклятъ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(входя).

Позвольте, сэръ, два слова Мортимеру
Сказать. Къ нему отлично благосклонна
Монархиня, и хочетъ, чтобъ ему
Довѣрили надзоръ надъ леди Стюартъ
И дали полную надъ нею власть.
Надѣясь на честность Мортимера. . . .

ПАУЛЕТЪ.

Надѣется на честность! — такъ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Что, сэръ?

ПАУЛЕТЪ.

Пусть на него надѣется, какъ хочетъ;

А я, милордъ, надѣюсь на себя,
И на мои недремлющія очи!

(Уходитъ.)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ. МОРТИМЕРЪ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(съ удивленіемъ).

На что хотѣлъ онъ намекнуть?

МОРТИМЕРЪ.

Не знаю!

Нежданная довѣренность, которой
Монархиня меня почтила....

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(смотритъ на него испытующимъ взоромъ).

Рыцарь,

Довѣренности стоите ли вы?

МОРТИМЕРЪ

(также).

Я васъ о томъ-же спрашиваю, лордъ?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Вы что-то тайно мнѣ сказать хотѣли?

МОРТИМЕРЪ.

Скажу, когда увѣрюсь, что могу.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Но кто за васъ мнѣ поручиться можетъ?

Не оскорбляйтесь! Въ двухъ васъ лицахъ вижу

Я при дворѣ; одно должно быть ложно.

Которое жь не ложное лицо?

МОРТИМЕРЪ.

Такимъ же я, графъ Лестеръ, нахожу васъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Кто жь первый долженъ откровененъ быть?

МОРТИМЕРЪ.

Кому опасность меньшая грозить.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Вы слѣдственно.

МОРТИМЕРЪ.

Вы, Лестеръ; *ваше* слово

Достаточно сразить меня; *мое жь*

Ни какъ не можетъ повредить ни сану,

Ни силѣ вашей.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Въ заблужденъ вы.

Во всемъ другомъ я силенъ и могучъ,

Но въ дѣлѣ томъ, которое теперь

Открыть вамъ долженъ, при дворѣ слабѣйшій.

Презрѣнное свидѣтельство — меня

Низринуть можетъ въ бездну съ высоты.

МОРТИМЕРЪ.

Когда вельможа полновластный Лестеръ

Меня такимъ признаньемъ удостоилъ,

Самъ о себѣ могу я выше мыслить,

Могу подать примѣръ великодушный.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Довѣрьтеся — и я довѣрюсь вамъ.

МОРТИМЕРЪ

(вынимаетъ письмо).

Къ вамъ прислано шотландской королевой.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(испугавшись, беретъ торопливо письмо).

Сэръ, тише говорите. — Что я вижу?

Ея портретъ!

(Цѣлуетъ его и разсматриваетъ съ нѣмымъ восторгомъ.)

МОРТИМЕРЪ.

Лордъ, вѣрю вамъ теперь!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(быстро пробѣжавъ письмо).

Вамъ содержаніе письма извѣстно?

МОРТИМЕРЪ.

Нѣтъ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Вамъ она открыла безсомнѣнья?...

МОРТИМЕРЪ.

Не открывала ничего, но вы,

Сказала, мнѣ загадку разрѣшите.

Такъ, для меня загадка, что графъ Лестеръ,

Любимецъ королевы, ясный врагъ

И судія Маріи, есть тотъ мужъ,

Отъ коего она въ своемъ несчастьи

Спасенья ждетъ. Однако жъ — справедливо!

И взоры ваши ясно говорятъ,

Какія чувства оживляютъ душу.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Скажите жъ мнѣ, какъ вы принять могли

Въ ея судьбѣ толь сильное участие?

Чѣмъ обрѣли довѣренность ея?

МОРТИМЕРЪ.

Все объясню короткими словами.

Я въ Реймсѣ отъ моей отрекся вѣры

И съ Гизами вступилъ въ союзъ Письмо

Отъ Реймскаго епископа къ Маріи —
Довѣренность ко мнѣ внушило ей.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

О перемѣнѣ вѣры вашей знаю
И откровенность къ вамъ она во мнѣ
Родила. Дайте руку, и простите
Моимъ сомнѣньямъ. Слишкомъ осторожнымъ
Быть принужденъ я. Бѣрлейфъ, Вальсингамъ
Ко мнѣ пылаютъ ненавистью лютой
И сѣти втайнѣ разставляютъ мнѣ.
Вы быть могли орудіемъ ихъ злобы,
Чтобы завлечь и погубить меня.

МОРТИМЕРЪ.

Какими малыми идетъ шагами
При семъ дворѣ такой могущій лордъ!
Графъ! я объ васъ невольно сажалъю.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Я съ радостью повергнуться готовъ
На вѣрную, на дружескую грудь,
Гдѣ облегчить могу себя отъ тяжкихъ
И долгихъ принужденій. Сэръ! дивитесь,
Что скоро такъ перемѣнилъ я чувства
Къ Маріи Стюартъ? Ненависти къ ней
Я не питалъ; духъ времени меня
Противникомъ ей сдѣлалъ. Съ давнихъ лѣтъ
Марія мнѣ была обречена,
До той поры еще, когда съ Дарнлеемъ
Вступила въ бракъ; когда еще была
Окружена величіемъ и блескомъ.
Съ холодностью я счастье это
Отверъ тогда; теперь ищу Марію

Въ темницѣ мрачной, на краю могилы
Съ опасностію жизни.

МОРТИМЕРЪ.

Вашъ поступокъ
Великодушенъ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Съ той поры дѣла
Пріяли видъ иной Честолюбивый,
Я къ юнымъ прелестямъ безчувственъ былъ;
Руки Маріи мало мнѣ казалось!
Я полагалъ съ Британской королевой
Соединить судьбу мою.

МОРТИМЕРЪ.

Извѣстно, что
Васъ всѣмъ мужчинамъ предпочла она.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Казалось такъ. . . . такъ думалъ я. . . . теперь же,
Когда въ исканьяхъ тщетныхъ, въ принужденіи
Прошло тяжелыхъ десять лѣтъ. . . . О, сэръ!
Да, наконецъ изтерзанное сердце
Я облегчу отъ мукъ негодованья! —
Меня зовутъ счастливецомъ! Если бъ знали —
Какимъ цѣпямъ завидуютъ! И я,
Который сряду десять горькихъ лѣтъ
Служилъ ея тщеславія кумиру,
Покорствовалъ желаньямъ переменнымъ,
И прихотей игралищемъ служилъ,
Сегодня былъ ласкаемъ нѣжно — завтра
Съ обидной гордостью отвергнуть прочь,
Любовью и суровостью ея
Равно терзаемъ, какъ невольникъ въ узахъ,
Подстерегаемъ ревностью стоокой,

И подчиненъ, какъ слабое дитя,
И какъ слуга послѣдній, оскорбляемъ. . . .
Для адскихъ мукъ нѣтъ выраженій, сэръ!

МОРТИМЕРЪ.

Сердечно, графъ, жалѣю я объ васъ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

И, наконецъ, лишаяся награды,
Достигнувъ цѣли. Драгоцѣнной плодъ
Трудовъ моихъ иной идетъ похитить!
Я съ появленьемъ юнаго супруга
Лишаюсь правъ, которыми издавна
Привыкъ владѣть; и съ поприща, гдѣ долго
Блисталъ я, первенствуя, долженъ нынѣ
Сойти! Пришелецъ не одной руки,
И милостей Елисаветы можетъ
Меня лишить. Нѣтъ, женщина она,
А онъ любви достоинъ, въ цвѣтѣ лѣтъ.

МОРТИМЕРЪ.

Онъ сынъ Екатерины, и въ искусствѣ
Льстить, опытныхъ наставниковъ имѣлъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Такъ рушатся мои надежды. Я
Хочу схватить спасительную доску
Въ крушеніи грозномъ счастья моего,
И обращаю взоры къ первобытной
Надеждѣ. Въ блескѣ прелестей предсталъ мнѣ
Маріи образъ; красота и юность
Вступили вновь въ ихъ прежнія права.
Не честолюбье хладное, но сердце
Сравненье сдѣлало, и понялъ я
Какого въ ней сокровища лишился.
Я съ ужасомъ ея страданья вижу,

Которыхъ самъ виною; и надежда
Спасти ее, соединиться съ ней
Проснулася въ душѣ моей. По счастью
О перемѣнѣ сердца моего
Увѣдомить могу ее теперь,
Посредствомъ рукъ надежныхъ; а письмо,
Врученное мнѣ вами, увѣряетъ
Что я прощенъ Маріей, что она
Наградой мнѣ будетъ за спасенье.

МОРТИМЕРЪ.

Но вы ее спасти не помышляли! —
Вы допустили осудить ее,
И сами голосъ подали на казнь.
Чудесное должно свершиться было;
Свѣтъ истины былъ долженъ озарить
И состраданьемъ умилилъ меня,
Племянника недремлющаго стража;
И небу должно было приготовить
Нежданнаго защитника Маріи,
Средь Рима, въ Ватиканѣ. Безъ того
Она пути къ вамъ не нашла бы даже.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

О, сколько мукъ я претерпѣлъ! Въ то время
Изъ Тальботова замка въ Фотрингай
Перевели Марію, поручивъ
Подъ строгій дядѣ вашему надзоръ.
Къ ней всѣ пути пресѣклись для меня,
Я предъ очами міра быть ея
Гонителемъ невольно долженъ былъ.
Но, сэръ, не полагайте, чтобъ ее,
Страдалицу, до казни допустилъ я;
Нѣтъ! я надѣялся, надѣюсь впредь,

Что исполненье отклоню, пока
Освободить ее найдутся средства.

МОРТИМЕРЪ.

Они уже отысканы, графъ Лестеръ!
За откровенность вашу заплачу
Взаимной откровенностью. Марію
Освободить изъ плѣна самъ хочу:
Затѣмъ я здѣсь. Готово все, и ваше
Содѣйствіе порукой за успѣхъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Что слышу? Трепетъ пробѣжалъ по членамъ!
Какъ, сэръ? Хотите. . . .

МОРТИМЕРЪ.

Растворить насильно
Ея темницу Все готово. Я
Сообщниковъ имѣю.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Ваша тайна
Другимъ извѣстна? Горе мнѣ! Въ такое
Отчаянное дѣло вовлеченъ я?
И про мою извѣстно тайну имъ?

МОРТИМЕРЪ.

Оставьте, лордъ, напрасныя заботы!
Предпринято намѣренъе безъ васъ,
Безъ васъ бы и исполнилось, когда бъ
Марія твердо не рѣшилась вамъ
Быть благодарной за свое спасенье.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Такъ я могу увѣренъ быть, что въ вашемъ
Союзѣ имени нѣтъ моего?

МОРТИМЕРЪ.

Спокойны будьте, графъ! — И при извѣстии,

Что помощь вамъ готова, колебаться
Вы можете? Спасти Марію Стюартъ,
Принадлежать навѣкъ хотите ей,
Не ожидавъ, находите друзей,
И небеса вамъ посылаютъ средства —
А въ васъ смущенье вижу я, не радость?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Освободить насильно, вы сказали?
Опасное намѣренье!

МОРТИМЕРЪ.

Опасна

И медленность.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Не лзя рѣшиться, сэръ!

МОРТИМЕРЪ

(язвительно).

Не лзя рѣшиться вамъ, который хочетъ
Ей обладать; но мы ее спасаемъ,
И потому рѣшительнѣе васъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Вы слишкомъ скоры, юноша, въ опасномъ
И трудномъ дѣлѣ.

МОРТИМЕРЪ.

Слишкомъ осторожны

Вы въ дѣлѣ чести.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Ясно вижу сѣти

Со всѣхъ сторонъ разставленныя намъ.

МОРТИМЕРЪ.

Ихъ разорвать во мнѣ достанетъ духу.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Безуміе — подобная отважность.

МОРТИМЕРЪ.

Не мужество — и осторожность ваша.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Васъ участь Бабингтона обольщаетъ?

МОРТИМЕРЪ.

Вы не хотите подражать Норфольку

Въ великодушномъ подвигѣ?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Норфолькъ

Не влекъ невѣсты въ бездну за собою.

МОРТИМЕРЪ.

Но доказалъ, что былъ ея достоинъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Погибнемъ мы, она погибнетъ съ нами!

МОРТИМЕРЪ.

Щадя себя, мы не спасемъ ее.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Вы ни чего обдумать не хотите.

Не внемлете совѣтамъ. Все, что нынѣ

Искусно приготовлено, вы все

Разрушите своимъ порывомъ буйнымъ.

МОРТИМЕРЪ.

Не вами ль приготовлено оно?

Что сдѣлали вы для ея спасенья?

И что, когда бъ я былъ въ душѣ злодѣемъ,

И повинуюсь волѣ королевы,

Убилъ Марію, какъ и ждетъ она

Въ сіе мгновенье? Объясните, лордъ,

Какія мѣры для ея спасенья

Вы приняли?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(пораженный удивленіемъ).

Ужели королева
Кровавое дала вамъ повелѣнье?

МОРТИМЕРЪ.

Она во мнѣ ошиблась точно также,
Какъ въ васъ Марія.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Согласились вы?

МОРТИМЕРЪ.

Я предложилъ ей руку на убійство,
Чтобы иныхъ не подкупала рукъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Благоразумно поступили вы!

Елисавета будетъ полагаться

На васъ въ семъ дѣлѣ страшномъ. Приговоръ

Останется межъ тѣмъ безъ исполненья....

А мы.... мы выиграемъ время....

МОРТИМЕРЪ

(нетерпѣливо).

Нѣтъ,

Мы губимъ время!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Королева въ васъ

Увѣрена; тѣмъ больше предъ людьми

Она казаться милосердой будетъ.

Быть можетъ, я уговорю ее

Увидѣться съ Маріей. Этотъ шагъ

Ей руки окуетъ. Лордъ Бёрлейфъ правъ:

Когда она увидится съ Маріей,

То приговоръ исполненъ быть не можетъ.

Такъ! испытаю.... все употреблю...

МОРТИМЕРЪ.

Какую-жъ пользу извлечете вы?

Когда она увидитъ мой обманъ
И жизнь Марія сохранить? — Не все ли
По прежнему пойдетъ? Во вѣкъ свободой
Ей не дышать! И вѣчная темница
Есть лучшее, чего ей можно ждать.
Нѣтъ! Смѣлымъ дѣломъ все окончить должно!
Зачѣмъ же вы боитесь начать?
Въ рукахъ у васъ могущество и сила.
Вооруживъ дворянство въ вашихъ замкахъ,
Вы двинуть войско можете. Марія
Еще имѣетъ множество друзей:
Домъ Говарда, домъ Перси благородный,
Хотя лишились главъ своихъ, еще
Богатые безстрашными мужами,
Ждутъ одного, — чтобъ знаменитый лордъ
Собой примѣръ имъ подалъ. Прочь притворство!
Графъ, дѣйствуйте открыто! защищайте
Любезную! какъ рыцарь, ополчитесь,
Сразитесь! Вамъ стоить пожелать,
И королева Англіи подвластна
Могущей волѣ вашей. Заманите
Ее въ свой замокъ: графъ, туда она
Бѣжала часто съ вами. Тамъ, являсь
Ея очамъ, какъ мужъ, какъ повелитель,
Держите въ замкѣ плѣнною, пока
Оковъ съ Маріи не сорветъ она.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Я ужасаюсь и дивлюсь! Куда
Безумье увлекаетъ васъ? Ужель
Не знаете вы Англіи? Иль, сэръ,
Вамъ не извѣстно, какъ умы сковало
Здѣсь, при дворѣ, правленіе жены?

Вотще искать мы станемъ духъ геройскій,
Воспламенявшій нѣкогда сердца.
Все женщинѣ покорно; нѣтъ души,
Въ которой искра мужества бѣ осталась!
Послѣдуйте совѣту моему!
Обдумайте, что предпринять хотите.
Но къ намъ подходятъ: удалитесь, сэръ!

МОРТИМЕРЪ.

Надеждою питается Марія:
Обрадую-ль ее отраднымъ словомъ?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Скажите, сэръ, что вѣчною любовью
Клянуся ей.

МОРТИМЕРЪ.

Несите сами клятвы!

Орудіемъ ея спасенья буду;
Слугой быть вашей страсти не хочу!

(Уходитъ.)

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЕЛИСАВЕТА. ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

ЕЛИСАВЕТА.

Кто былъ здѣсь? Съ кѣмъ-то говорили вы?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(испуганный этими словами, быстро къ ней оборачивается).

Сэръ Мортимеръ.

ЕЛИСАВЕТА.

Лордъ, что случилось съ вами?
Вы смущены?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(опомнясь).

Воззрѣньемъ на тебя!

Я ослѣпленъ твоею красотою.
Тебя я столь прелестной не видалъ
Донынѣ. Ахъ!

ЕЛИСАВЕТА.

Что жь значить вздохъ?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Причинъ ли

Вздыхать я не имѣю? Обращая
Мой страстный взоръ на свѣтлое лице,
Терзаюся грозящей мнѣ потерей.

ЕЛИСАВЕТА.

Что жь потерять вы можете?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Тебя

Лишаюся, и сердца твоего.
Блаженство скоро вкусишь на груди
Пылающей супруга молодого —
И нераздѣльно овладѣетъ онъ
Твоей душой. Онъ крови царской, я-же
Не царской крови; но клянуса Богомъ,
Нѣтъ ни кого на свѣтѣ, кто-бъ тебя
Боготворилъ, какъ я боготворю!
Анжуйскій герцогъ не видалъ тебя:
Онъ любить славу, блескъ Елисаветы —
А я тебя люблю. Хотя бы ты
Родилася бѣднѣйшею пастушкой,

Хотя бѣ я былъ властитель полвселенной,
То и тогда бѣ, любовью упоенный,
Къ твоимъ ногамъ повергнулъ мой вѣнецъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Жалѣй меня, а не вини, Дудлей!
Располагать я сердцемъ не могу!
Ахъ! Я не тѣ избрала бы теперь!
Завидую тѣмъ женщинамъ счастливымъ,
Которыя возвысить могутъ все,
Что мило имъ! Мнѣ жъ не дано въ удѣлъ
Любимое чело вѣнцемъ украсить.
Одной лишь Стюартъ можно было руку
Тому отдать, къ кому влеклась душой.
Она себѣ все позволяла! все —
И радость полною испила чашей.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

И горькую страданій чашу пьеть!

ЕЛИСАВЕТА.

Она презрѣла мнѣніе людей.
Жила свободно и не знала ига,
Которому себя я подчинила.
И я могла бы наслаждаться жизнью
И счастьемъ земнымъ, но предпочла
Суровый долгъ монарховъ наслажденьямъ.
Любовь мужчинъ приобрѣла Марія,
Стараясь быть лишь женщиной для нихъ;
Объ ней вздыхаютъ юноши и старцы.
Таковъ мущина! Сластолюбецъ онъ!
За наслажденьями привыкъ гоняться
И не умѣетъ оцѣнить того,
Что почитать обязанъ. Тальботъ самъ

Помолодѣлъ, когда коснулась рѣчь
До прелестей, до красоты Маріи.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Прости ему! Онъ стражемъ былъ при ней,
И ослѣпленъ ласкательствомъ коварной.

ЕЛИСАВЕТА.

Но точно ли такъ хороша она?
Похвалъ лицу ея я много слышу,
И въ истинѣ увѣриться желала бѣ.
Портреты льстятъ, а изваянья лгутъ;
Повѣрю только собственнымъ глазамъ.
Что выражаетъ взоръ вашъ изумленный?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Я мысленно тебя съ Маріей вижу.
О, если бѣ тайно какъ нибудь могла ты
Сойтись со Стюартъ! Ты бѣ вполне тогда
Побѣдою блестящей насладила!
Своими бы увѣрилась глазами,
Что благородствомъ стана и лица
Ты превзошла ее, какъ превосходишь
Возвышенной, прекрасною душой!

ЕЛИСАВЕТА.

Она моложе.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Нѣтъ! того не видно!

Иль можетъ быть безвременно отъ бѣдъ
Сосаарѣлась! Но несравненно горьче
Невѣстою тебя увидѣть ей.

Утративъ жизни свѣтлыя надежды,
Ей тяжело будетъ, что на встрѣчу счастью
Идешь; что сынъ французскаго монарха
Вступаетъ въ бракъ съ тобою. А она

Своимъ всегда тщеславилася бракомъ,
И нынѣ ждетъ отъ Франціи подпоры.

ЕЛИСАВЕТА.

Меня терзаютъ просьбами, чтобъ я
Увидѣлась съ Маріей.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(съ живостью).

Что она

Какъ милость просить, дай ей въ наказанье!
На плаху можешь вестъ ее, но казнь
Для ней сноснѣе будетъ, чѣмъ побѣда,
Одержанная красотой твоей.
Ты ей такой же нанесешь ударъ,
Какой она нанести тебѣ хотѣла.
Когда она твой свѣтлый ликъ увидитъ,
Украшенный достоинствомъ и славой
И чистою прославленный молвой,
Которую развратная презрѣла;
Когда увидитъ въ брачныхъ украшенияхъ:
Пробьетъ для ней уничтоженья часъ.
Такъ! обращаю взоръ мой на тебя,
И нахожу, что никогда еще
Ты не была готова, какъ теперь
Торжествовать чудесной красотой!
Едва сюда вступила ты, я самъ
Былъ ослѣпленъ. Что, если бы теперь
Ты ей предстала? Лучшаго мгновенья
Не изберешь . . .

ЕЛИСАВЕТА.

Теперь? Нѣтъ, Лестеръ, нѣтъ!

Теперь нельзя. Обдумать должно это
Съ Борлейфомъ. . . .

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Съ нимъ? Онъ мыслить о дѣлахъ,
О пользѣ государственной; но ты,
Какъ женщина, свои права имѣешь:
На собственный свой положиться судъ
Должна въ семъ дѣлѣ. Самая наука
Правленія тебѣ повелѣваетъ
Увидѣться съ Маріей. Въ общемъ мнѣнн
Великодушнымъ выйграешь поступкомъ;
И послѣ можешь произвольнымъ средствомъ
Избавиться отъ лютаго врага.

ЕЛИСАВЕТА.

Мнѣ не прилично кровную мою
Въ уничиженн, въ бѣдности увидѣть.
Я слышала: не отвѣчаетъ сану
Ея наружность. Нищета Маріи
Упрекомъ мнѣ послужить.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Мой совѣтъ:

Къ ея порогу ты не приближайся.
Самъ случай все устроилъ по желанью.
Охотиться сегодня будешь ты;
Дорога мимо замка Фотрингая;
Марія въ рощу можетъ выдти; ты,
Какъ бы случайно, вступишь въ эту рощу,
Не подавая виду, что свиданье
Заранѣе устроено тобой,
И ежели не пожелаешь, слова
Не скажешь ей.

ЕЛИСАВЕТА.

Когда я ошибусь,
Ошибка, Лестеръ, ваша, не моя.

Сегодня я отказывать ни въ чемъ
Вамъ не хочу, затѣмъ, что ни кого
Сегодня такъ, какъ васъ, не огорчила.

(Нужно смотритъ на него.)

Пусть прихотью желанье ваше будетъ!
Любовь прямая познается тѣмъ,
Что даже то охотно исполняетъ,
Въ чемъ видить вредъ, чего не одобряетъ.

(Лейчестеръ падаетъ передъ нею на колѣна. Занавѣсъ опускается.)

ТРЕТІЙ АКТЪ.

Роща. Авансцена занята деревьями. Углубленіе представляетъ обширный, открытый видъ.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

МАРІА *быстро выбѣгаетъ изъ за деревьевъ.* **АННА КЕННЕДИ** *медленно за нею слѣдуетъ.*

КЕННЕДИ.

Спѣшите вы, какъ будто бы на крыльяхъ:
Постойте же! мнѣ не поспѣть за вами!

МАРІА.

Дай подышать мнѣ новой свободой;
Буду дитятей; будь ты дитя.
Пышный коверъ здѣсь разостланъ природой.
Дай нарѣзвлюся, набѣгаюсь я.
Развѣ я снова въ душной темницѣ?
Развѣ въ стѣнахъ я печальныхъ опять?
Дай попорхать мнѣ, свободно, какъ птицѣ,
Жадно небесный воздухъ впивать?

КЕННЕДИ.

Не много, леди милая, темница
Разширилась. Вамъ только стѣнъ не видно,
Которыми окружены мы: ихъ
Отъ насъ густыя заслонили вѣтви.

МАРІА.

Зеленымъ вѣтвямъ благодарна я:
Онѣ мою темницу заслонили.
Мой сладокъ сонъ, сладка мечта моя:
Я не хочу, чтобы меня будили.
Меня объялъ обширный сводъ небесъ.
Гуляетъ взоръ въ дали необозримой;
Тамъ, гдѣ туманъ одѣлъ высокій лѣсъ,
Рубежъ страны моей любимой.
Гонимые дыханьемъ вѣтерка,
Летать на полдень облака;
Свободныя, они стрѣлою мчатся,
И къ морю дальней Франціи стремятся.

Быстрыя тучи! Кто съ вами леталъ,
Съ вами пространство небесъ обтекалъ?
О! поклонись любимой странѣ,
Гдѣ провела я младенчества годы!
Въ узахъ я здѣсь, лишена я свободы —
Больше отправить къ вамъ некого мнѣ!
Въ воздухѣ воленъ полетъ вашъ прекасный,
Здѣшней монархинѣ вы не подвластны!

КЕННЕДИ.

Ахъ, леди! долго не дышавъ свободой,
Мечтаньямъ чуждымъ предаетесь вы!

МАРІА.

Видишь? челнокъ свой рыбакъ привязалъ!

Я бы спаслась, если бъ утлый и слабый,
Онъ меня принялъ и быстро помчалъ:
Къ дружнымъ брегамъ я на немъ поплыла бы.
Скудно питаетъ челнокъ рыбака;
Я бы его нагрозила казною;
Щедро бъ моя заплатила рука,
Только возьми онъ, спаситель, съ собою!

КЕННЕДИ.

Напрасныя желанья! Неужель
Не слышите надсмотрщика шаговъ?
Все, что доступно состраданью, гонить
Отъ васъ тирановъ злое повелѣнье.

МАРІА.

Нѣтъ, Анна, нѣтъ! Повѣрь мнѣ, не напрасно
Въ моей темницѣ растворилась дверь:
И милость малая, большого счастья
Предвѣстница! Такъ, я не ошибаюсь.
Любви рукъ я дѣятельной этимъ
Одолжена. Я узнаю вліянье
Могущества Лейчестера. Хотятъ.
Темницу постепенно расширяя,
Къ большому малымъ приучать меня,
Пока спасителя я не увижу,
Который долженъ разорвать навѣкъ
Тяжелыя оковы рукъ моихъ.

КЕННЕДИ.

Противорѣчій чудныхъ не умѣю
Я согласить. Вчера вамъ объявили,
Что вы на казнь осуждены; сегодня жъ
Внезапную свободу вамъ даютъ.
Тѣмъ, я слыхала, облегчаютъ цѣпи,
Кому готовятъ вѣчную свободу!

МАРІЯ.

Слышишь звукъ рога? Слышишь? Призывы
Мощные мчатся сквозь лѣсъ и поля?
О! если бѣ смѣло взлета на коня,
Слѣдомъ за ними неслася и я!

Онъ мнѣ знакомъ, сей звукъ краснорѣчивый!
Ему въ горахъ внимала я не разъ,
Когда за ланью быстрою гналась!

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПАУЛЕТЪ. ПРЕЖНІЕ.

ПАУЛЕТЪ.

Что жь? Наконецъ я угодилъ ли вамъ?
Я заслужилъ ли благодарность вашу?

МАРІЯ.

Какъ, рыцарь? Вамъ я милостію этой
Обязана? Вы . . . .

ПАУЛЕТЪ.

Почему жь не такъ?

Я во дворцѣ былъ и вручилъ письмо.

МАРІЯ.

Вручили? Точно ль вы его вручили?
И слѣдствіе письма свобода эта,
Которой я . . . .

ПАУЛЕТЪ

(значительно).

И не одна она.

Готовтесь, леди, къ бѣльшему!

МАРІА.

Что, сэръ?

ПАУЛЕТЪ.

Вы слышали конечно звукъ роговъ?

МАРІА

(отступаетъ, исполненная предчувствія).

Я трепещу!

ПАУЛЕТЪ.

Здѣсь королева.

МАРІА.

Какъ?

ПАУЛЕТЪ.

И будетъ къ вамъ чрезъ нѣсколько мгновений.

КЕННЕДИ

(спѣшитъ къ Маріи, которая трепещетъ и готова упасть).

Вы блѣдны, леди? Что случилось съ вами?

ПАУЛЕТЪ.

Вы не довольны развѣ? Но не сами-ль

Того желали? Просьба ваша раньше

Исполнена, чѣмъ ожидать могли.

Краснорѣчивы были вы всегда;

Теперь настало время говорить —

И полную свободу дать словамъ.

МАРІА.

Предупредить меня должны вы были!

Теперь я съ нею видѣться не въ силахъ,

Не въ силахъ! нѣтъ! Чего искала я,

Какъ милости, въ мгновение это мнѣ

Ужасно, страшно кажется. Пойдемъ!
Веди меня домой, моя Кеннеди,
Чтобъ, успокоясь, я пришла въ себя.

ПАУЛЕТЪ.

Останьтесь! Здѣсь вы ждать ее должны!
Да — вѣрю, страхъ исполнилъ ваше сердце,
Когда вамъ должно стать предъ судію.

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Графъ Шрюсбюри. Прежніе.

МАРІЯ.

Не потому! Свидѣтель Богъ, не то
Я чувствую въ душѣ! Графъ Шрюсбюри!
Вы Ангеломъ являетесь — небеснымъ
Посланникомъ! Избавьте же, избавьте —
Отъ тяжкаго свиданья!

ШРЮСБЮРИ.

Королева,

Мужайтесь, успокойтесь! Для васъ
Рѣшительное настаетъ мгновенье.

МАРІЯ.

Въ теченье многихъ лѣтъ его ждала,
Готовилась — и все себѣ сказала,
Все записала въ памяти моей,
Чѣмъ умилиť сестру мою хотѣла.
Теперь мгновенно позабыто все,
Все умерло во мнѣ; одно лишь чувство

Кипящее, страданій чувство, живо
Въ душѣ моей, и сердце превратилось
Въ кровавую къ ней ненависть, въ вражду;
И мысли кроткія во мнѣ исчезли —
И, на главахъ змѣями потрясая,
Богини ада вокругъ меня стоятъ.

ШРЮСБЮРИ.

Умѣйте кровь кипящую смирить,
И бурю сердца укротите, леди.
Худые, горькіе плоды родятся,
Коль ненависть встрѣчается съ враждой.
Какъ сильно бѣ ни противилась душа,
Но времени закону покоритесь!
Она могуща — слабы вы.

МАРІЯ.

Предъ нею
Унизиться должна я — не могу!

ШРЮСБЮРИ.
Однако жъ должно. Говорите съ нею
Почтительно, спокойно. Опирайтесь
Не на права свои, но на ея
Великодушіе: теперь оставьте
Свои права.

МАРІЯ.

Ахъ! я ее молила
О гибели моей; и мнѣ на гибель
Исполнено моленіе мое!
Намъ никогда съ ней видѣться не должно бѣ;
Свиданіе не принесетъ добра.
Скорѣй вода съ огнемъ сдружиться можетъ,
И кроткій агнецъ тигра лобызать! —
Она меня жестоко оскорбила;

Я слишкомъ горько ей оскорблена:
Мы никогда не примиримся съ нею!

ШРЮСБЮРИ.

Взгляните прежде на нее. Я видѣлъ,
Когда она письмо читала ваше —
Изъ глазъ ея струились слезы. Нѣтъ!
Безчувственной назвать ее не лзя.
Имѣйте къ ней довѣренность. Нарочно,
Чтобъ успокоить, приготовить васъ,
Я упредить приходъ ея спѣшилъ.

МАРІА

(схвативъ его руку).

Я васъ всегда считала другомъ, Тальботъ!
О, если бъ подъ надзоромъ вашимъ кроткимъ
Донынѣ оставалась я! — Жестòко
Со мною поступили, Шрюсбюри!

ШРЮСБЮРИ.

Забудьте все, и приготовьтесь, леди,
Съ покорностью принять Елисавету.

МАРІА.

Борлейфъ, враждебный духъ мой, также съ ней?

ШРЮСБЮРИ.

Одинъ графъ Лестеръ съ нею.

МАРІА.

Съ нею Лестеръ?

ШРЮСБЮРИ.

Его страшиться нечего. Не онъ
Погибели желаетъ вамъ. Ему
Одолжены вы тѣмъ, что королева
Согласна видѣть васъ.

МАРІА.

Я это знала!

ШРЮСБЮРИ.

Какъ, леди?

ПАУЛЕТЪ.

Государыня идетъ!

(*Всѣ отходятъ въ сторону; остается одна Марія, опер-
шаяся на Кеннеди.*)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. ЕЛИСАВЕТА. ГРАФЪ ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

СВИТА.

ЕЛИСАВЕТА

(*Лейчестеру*).

Какое это мѣсто?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Фотрингай.

ЕЛИСАВЕТА.

Впередъ отправьте свиту нашу въ Лондонъ.

Толпы народа въ улицахъ тѣсняются;

Я въ рошѣ этой скроюся отъ нихъ.

(*Тальботъ удаляетъ свиту. Елисавета устремляетъ взоры
на Марію, продолжая говорить Паулету.*)

Меня народъ мой добрый слишкомъ любитъ.

Онъ въ радости боготворитъ меня:

Такъ можно чтить не смертную, но Бога!

МАРІЯ

(*которая во все это время стояла почти безъ чувствъ, опи-
раясь на Анну, приподымается и встрѣчаетъ устремлен-*

ные на нее взоры Елисаветы. Она трепещетъ, и вновь падаетъ на грудь кормилицы).

О, Боже, нѣтъ души въ ея чертахъ!

ЕЛИСАВЕТА.

Кто эта женщина?

(Всеобщее молчаніе.)

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Ты въ Фотрингаѣ,

Монархиня!

ЕЛИСАВЕТА

(съ притворнымъ удивленіемъ мрачно смотритъ на Лейчестера).

Лордъ Лестеръ! кто причиной?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Свершилось, государыня! Теперь,
Когда самъ Богъ стопы твои направилъ,
И къ симъ мѣстамъ привелъ тебя, дозволь —
Да наконецъ восторжествуетъ жалость.

ШРЮСБЮРИ.

О! обрати, державная жена,
Твой взоръ къ несчастной, на тебя взглянуть
Несмѣющей!

(Марія, опомнившись, хочетъ подойти къ Елисаветѣ, но не дошедши, останавливается, объятая трепетомъ. Все въ ней выражаетъ сильную душевную борьбу.)

ЕЛИСАВЕТА.

Какъ, лорды? Кто жь изъ васъ
Покорною изображалъ ее?
Я вижу горделивую, въ которой
Строптивый духъ не усмиренъ несчастьемъ.

МАРІЯ.

Такъ, покорюсь! перенесу и это!

Души высокой немощная гордость,
Оставь меня! Забуду все; забуду
Кто я, и что терпѣла, и предъ ней,
Меня стыдомъ покрывшею, склонюся.

(Обращается къ королеви.)

Сестра! къ вамъ Небо благосклонно было!
Побѣдой вамъ главу оно вѣнчало:
Чту божество, возвысившее васъ!

(Повергается предъ нею.)

Но будьте же и вы великодушны!
Да не лежу, покрытая стыдомъ!
Прострите мнѣ державную десницу,
Глубоко павшей помогите встать.

ЕЛИСАВЕТА

(отступивъ).

Вы въ положеньи вамъ приличномъ, леди.
Хвала всевышнему. Онъ, милосердый,
Не попустилъ, чтобъ я у вашихъ ногъ
Лежала такъ, какъ вы передо мною.

МАРІЯ

(съ возрастающимъ чувствомъ).

Непостоянны жизненные блага!
Есть мстящее гордынѣ божество!
Его, меня повергшаго предъ вами,
Страшится! И для себя самой,
Для чуждыхъ сихъ свидѣтелей, почтите,
Не оскорбляйте кровь Тюдора; кровь,
Текущую въ моихъ и въ вашихъ жилахъ.
О, Боже! Нѣтъ, не стойте предо мною
Сурово, неприступно, какъ скала,
Къ которой тщетно простираетъ руки
Въ волнахъ сердитыхъ гибнущій пловецъ!

Судьба моя и жизнь отъ васъ зависятъ,
Отъ силы слезъ; такъ облегчите-жь сердце
Мое, чтобъ ваше умилила я!
Когда встрѣчаю ледяной вашъ взоръ,
Робѣя, вдругъ во мнѣ нѣмѣетъ сердце,
Источникъ слезъ готовъ изсякнуть; ужасъ
Мертвить въ груди молящія слова.

ЕЛИСАВЕТА

(холодно).

Что нужно вамъ сказать мнѣ, леди Стюартъ?
Вы говорить со мной желали; я,
Чтобъ выполнить священный долгъ родства,
Дозволила вамъ видѣться со мной.
Великодушнымъ чувствамъ повинуюсь,
Я подвергаюсь строгимъ порицаньямъ
За снисхожденье. — Вамъ самимъ извѣстно,
Что умертвить меня хотѣли вы.

МАРІЯ.

Съ чего начать? Какъ сочетать слова,
Чтобъ умирить, не оскорбляя, васъ?
О, Боже! дай имъ силу, и лиши
Ихъ остраго, язвительнаго жала!
Я, защищаяся, должна невольно
Васъ упрекать; но — не хочу упрековъ!
Несправедливъ поступокъ вашъ со мной:
Я равная вамъ королева; вы же,
Какъ плѣнницу, меня держали въ узахъ.
Я къ вамъ пришла молящая; а вы,
Поправъ святой законъ гостепріимства,
Нарушили народныя права,
Меня въ темницу мрачную повергли,
Безжалостно лишили слугъ, друзей,

Отдали въ жертву нищетѣ постыдной
И предали позорному суду.
Но, да покроетъ вѣчное забвенье
Все горькое, что претерпѣла я!
Пусть будетъ все судебъ опредѣленьемъ:
Пусть вы невинны, пусть невинна я.
Изъ преисподней излетѣлъ злой демонъ,
Чтобы въ сердцахъ воспламенить вражду,
Которую мы съ дѣтскихъ лѣтъ питали
Одна къ другой. Она возростала съ нами —
И злые люди раздували пламя.
Усердные безумцы предлагали
Кинжалъ и мечъ непрошенымъ рукамъ.
Печальное владыкъ предназначенье!
Они должны, враждуя межъ собой,
Миръ растерзать враждой междоусобной
И выпустить на волю фурій злыхъ.
Теперь чужихъ навѣтовъ нѣтъ межъ нами —

(Приближается къ ней доверчиво и ласково.)

И мы стоимъ одна передъ другой.
Теперь мои вины мнѣ назовите;
Вполнѣ загладить ихъ готова я.
О! если-бъ вы внимать мнѣ захотѣли
Тогда, какъ я столь пламенно желала
Васъ видѣть! Многого бы не свершилось!
Мы-бъ встрѣтились не въ семъ печальномъ мѣстѣ.

ЕЛИСАВЕТА.

Меня Господь избавилъ отъ несчастья
Пригрѣшь эхидну на груди моей.
Не рокъ, но сердце черное свое,
Но вашихъ кровныхъ духъ честолюбивый
Должны вы обвинять. Еще межъ нами

Вражды взаимной не было, какъ вдругъ
Вашъ дядя, гордый, самовластный пастырь,
Который дерзко простираетъ руку
Ко всѣмъ вѣнцамъ, мнѣ сѣтъ разставилъ; васъ
Уговорилъ принять мой гербъ, присвоить
Мой королевскій титулъ — и войной,
На жизнь и смерть, противъ меня подвигнулъ.
На Англію кого не ополчалъ онъ?
И мечъ народовъ и языкъ поповъ
И страшное оружіе святошей.
Здѣсь даже, здѣсь, въ моей столицѣ мирной
Онъ раздуваетъ пламя мятежа.
Но за меня Всевышній! Гордый пастырь,
Стыдомъ покрытый, обратится вспять!
Моей главѣ грозилъ его ударъ —
И вы несете голову на плаху!

МАРІЯ.

Въ десницѣ Господа моя судьба.
Возвыситься надъ властію своею
Кровавымъ дѣломъ захотитель вы? —

ЕЛИСАВЕТА.

Кто-жь можетъ мнѣ препятствовать? Вашъ дядя
Всѣмъ властелинамъ показалъ примѣръ,
Какъ со врагомъ мириться должно. Мнѣ
Урокомъ будетъ — ночь Варѣоломея!
Что мнѣ права народовъ, узы крови?
Ихъ можетъ церковь разрывать; она
Цареубійство, оскверненье ложа —
Все освящаетъ: выполняй я только
Ученье вашихъ пастырей духовныхъ.
Какой залогъ поручится за васъ,
Коль скоро я сниму великодушно

Оковы ваши? Гдѣ замѣкъ надежный,
Который ключъ апостола Петра
Не растворилъ бы? — Власть одна, насилье
Обезопасить: со змѣинымъ родомъ
Нѣтъ примиренья, быть не можетъ связи.

МАРІА.

И все отъ вашихъ мрачныхъ подозрѣній
Произошло. Вы на меня взирали,
Какъ на врага, какъ на чужую вамъ.
Когда-бъ меня, какъ должно, вы признали
Наслѣдницей, любовь и благодарность
Меня навѣки-бъ обязали быть
И кровною, и вѣрнымъ другомъ вашимъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Внѣ государства, леди, ваша дружба :
Домъ — церковь папы, а монахъ — вашъ братъ!
Наслѣдницей васъ объявить? О, сѣти
Предательства! Чтобъ подданныхъ моихъ
Еще при мнѣ вы соблазнить успѣли,
Чтобъ благородныхъ юношей, Армида
Коварная, могли опутать вы
Соблазновъ хитро сотканною сѣтью?
Чтобъ къ новому все обратилось солнцу,
А я . . . .

МАРІА.

Владѣйте съ миромъ! Отрекаюсь
Отъ правъ моихъ на Государство ваше.
Увы! во мнѣ упалъ высокій духъ:
Великое меня ужъ не прельщаетъ!
Въ темницѣ я изнемогла душой
И вы достигли до желанной цѣли:
Я — тѣнь Маріи. Вы во цвѣтѣ лѣтъ

Меня убили! Кончите-жь теперь!
Желанное произнесите слово....
Вы для него пришли ко мнѣ — не вѣрю,
Что бы вы шли съ намѣренъемъ жестокимъ
Потѣшиться надъ жертвою своею.
Произнесите слово: «ты свободна
«Марія! Мощь мою узнала ты,
«Узнай теперь, какъ я великодушна!»
Произнесите это слово! Жизнь,
Свободу я, какъ даръ, приму отъ васъ.
Одно лишь слово — и забыто все.
Я жду его. О, не терзайте сердца
Мучительнымъ и долгимъ ожиданьемъ!
Но — горе вамъ, когда не имъ свиданье
Окончите! И если вы теперь
Не божествомъ спасительнымъ со мной
Разстанетесь, — сестра, за всѣ владѣнья,
Которыя окружены симъ моремъ,
За цѣлый вашъ, сокровищъ полный, островъ
Предъ вами я не соглашусь стоять,
Какъ вы теперь передо мной стоите!

ЕЛИСАВЕТА.

Вы признаетесь побѣжденной, леди?
Конецъ ли вашимъ замысламъ? Убійцъ
Не шлете больше? Для защиты вашей
Нѣтъ витязя, который бы хотѣлъ
Отважиться на дерзкій, жалкій подвигъ?
Да леди, да, всему конецъ! Отнынѣ
Ни одного изъ подданныхъ моихъ
Вамъ не удастся соблазнить. Иныя
Заботы у людей; и ни кому
Не лестно быть четвертымъ вамъ супругомъ;

Затѣмъ что вы и жиниховъ и ихъ
Привыкли смерти предавать.

МАРІА

Сестра!

Сестра! о, Боже! дай терпѣнья!

ЕЛИСАВЕТА

(долго смотритъ на нее съ гордымъ презрѣньемъ).

Такъ это-то тѣ прелести, лордъ Лестеръ,
Которыя безъ наказанья видѣть
Ни кто не могъ? которымъ нѣтъ подобныхъ?
По истинѣ, не дорогой цѣной
Пріобрѣсти такую славу можно:
Чтобы прослыть *всеобщей* красотой,
Лишь стоитъ *общей* быть — для *всѣхъ*.

МАРІА.

Нѣтъ! этого ужъ слишкомъ много!

ЕЛИСАВЕТА

(язвительно смѣясь).

Вы

До сей поры личиною прикрывались;
Теперь явились въ настоящемъ видѣ.

МАРІА

(исполненная гнѣва, но съ благороднымъ достоинствомъ).

Какъ женщина, въ проступки я впадала
Въ молодыхъ лѣтахъ; могуществомъ была
Ослѣплена, но не таила ихъ,
И съ гордостью монархини свободной
Я ложную наружность презирала.
Все худшее о мнѣ извѣстно міру,
И, смѣло то могу сказать, я лучше
Молвы, повсюду обо мнѣ гремящей.
Но, горе, горе! коль она сорветъ

Съ твоихъ дѣланій честности покровъ,
Подъ коимъ страсти дикіе порывы
И наслажденья тайныя скрываешь!
Въ наслѣдіе отъ матери твоей
Не честь тебѣ досталась: всѣмъ извѣстна
Та добродѣтель, для которой Анна
На плахѣ жизнь окончила.

ШРЮСБЮРИ

(становится между королевами).

О, Боже!

Что слышу? такъ ли вы покорны, леди?

МАРІЯ.

Покорна? Все переносила я,
Что только смертный можетъ перенести!
Прочь отъ меня смиренье, кротость агнца!
Терпѣніе, лети на небеса!
Расторгни узы, выступи изъ мрака,
Злость, съ давнихъ поръ таимая въ душѣ!
Ты-жь, раздраженнымъ василискамъ давшій
Мертвящій взоръ, вооружи теперь
Языкъ мой ядовитою стрѣлою! . . .

ШРЮСБЮРИ.

О! внѣ себя она! Прости безумной!

Прости ей, оскорбленной.

(Елисавета, нѣмая отъ гнѣва, бросаетъ яростные взоры на Марію.)

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(сильно встревоженный, старается увести Елисавету).

Не внимай

Ея словамъ! Оставь ты мѣсто это!

МАРІЯ.

Прикосновенье незаконной дщери

Тронъ Англіи безславить и мрачить!
Обманщицей обмануты Британцы!
Когда бъ права торжествовали здѣсь,
Вы предо мной лежали бы во прахѣ,
Затѣмъ что я законный вашъ король!

*(Елисавета поспѣшно удаляется; Лорды въ величайшемъ
смущеніи слѣдуютъ за нею.)*

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

МАРІЯ. КЕННЕДИ.

КЕННЕДИ.

Ахъ, леди! что вы сдѣлали? Она
Васъ въ бѣшенствѣ оставила. Теперь
Исчезла и послѣдняя надежда!

МАРІЯ.

(внѣ себя).

Да! въ бѣшенствѣ, со смертію въ душѣ!

(Падаетъ на шею Кеннеди.)

О, какъ легко мнѣ, Анна! Наконецъ
Черезъ столько лѣтъ страданій, униженья
Мгновеньемъ мести насладилась я!
Тяжелая гора упала съ сердца:
Я въ грудь злодѣя погрузила ножъ!

КЕННЕДИ.

Несчастная! Безумье увлекло васъ;
Непримиримой рану нанесли вы.

Она монархиня; перуны смерти
Въ ея рукахъ. Вы насмѣялись ей
Въ присутствіи любовниковъ.

МАРІА.

Кеннеди!

При Лестерѣ унизила ее!
Онъ былъ свидѣтель торжества Маріи!
Какъ я ее низвергла съ высоты,
Онъ тутъ стоялъ: присутствіе его
Мнѣ придавало мужество и силу!

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

МОРТИМЕРЪ. ПРЕЖНІЕ.

КЕННЕДИ.

Какія, сэръ, послѣдствія!

МОРТИМЕРЪ.

Все знаю.

(Даетъ знакъ Аннѣ удалится къ дверямъ, и подходитъ ближе. Все выражаетъ въ немъ сильное напряженіе страсти.)

Ты торжествуешь! Въ прахъ ее низвергла:
Монархиней явилась ты — она
Преступницей. И твердостью твоею
Я восхищенъ. Боготворю тебя!
Великимъ, непостижнымъ божествомъ
Являешься дивящемуся взору.

МАРІА.

Вы говорили съ Лестеромъ? Вручили

Ему письмо? подарок мой? О, сэръ,
Скажите.

МОРТИМЕРЪ

(глядитъ на нее пылающими глазами).

О! какъ благородный гнѣвъ
Тебя одѣлъ сіяніемъ чудеснымъ!
Какъ озарилъ прелестныя черты!
Ты женщина, прекраснѣйшая въ мірѣ!

МАРІА.

Сэръ, успокойте нетерпѣнье сердца!
Что лордъ сказалъ? Могу-ль питать надежду?

МОРТИМЕРЪ.

Кто? Онъ, бездушный, недостойный трусъ!
Не полагаться на него должна ты, —
Забыть, презрѣть!

МАРІА.

Что слышу я?

МОРТИМЕРЪ.

Ему ли

Спасти тебя и обладать тобой?
Тебя спасти? Ему на то рѣшиться?
Ему? Нѣтъ! прежде пусть со мной сразится
На жизнь и смерть!

МАРІА.

Такъ вы не отдавали
Ему письма? Погибло все теперь!

МОРТИМЕРЪ.

Жизнь робкому мила. Марія, вѣрь!
Нѣтъ! кто спасти — владѣть тобой желаетъ,
Пусть злую смерть безстрашно обнимаетъ!

МАРІА.

И мнѣ помочь не хочетъ онъ?

МОРТИМЕРЪ.

Довольно!

Оставь его! Что можетъ сдѣлать онъ,
И помощь намъ его къ чему нужна?
Мной, мной однимъ ты будешь спасена!

МАРІА.

Ахъ! что одни вы сдѣлать въ состояньи?

МОРТИМЕРЪ.

Не льсти себѣ! Сегодня не вчера.
Съ мгновенія, когда отсюда вышла
Елисавета; съ той поры, какъ принялъ
Вашъ разговоръ неожиданный оборотъ,
Погибло все и нѣтъ тебѣ спасенья!
Теперь дѣла намъ нужны, смѣлый духъ!
Всемъ жертвовать за все что драгоцѣнно!
И не разсѣетъ солнце темноты,
А ужь отъ узъ свободна будешь ты.

МАРІА.

Что слышу? Въ эту ночь? Возможно-ль, сэръ?

МОРТИМЕРЪ.

Внимай на что рѣшились мы. Я созвалъ
Сообщниковъ въ часовнѣ отдаленной.
Тамъ выслушалъ служитель алтаря
Отъ насъ въ грѣхахъ смиренное сознанье:
И отпустилъ намъ прошлые грѣхи,
И разрѣшилъ на будущее время.
Святыхъ, послѣднихъ причастия тайнъ,
Къ послѣднему пути готовы мы.

МАРІА.

Ужасное приготовленье!

МОРТИМЕРЪ.

Ночью

Ворвемся въ замокъ. Ключъ въ моихъ рукахъ.

Мы стражей умертвимъ; тебя исторгнемъ

Изъ этихъ стѣнъ. Насильственную смерть

Изъ нашихъ рукъ неотвратимо вкусить

Все, что живетъ, что дышитъ, что другихъ

Увѣдомить о похищеньи можетъ.

МАРІА.

Но Дрюри, Паулетъ, тюремщикъ мой?

Скорѣй они прольютъ всю кровь по каплѣ . . . .

МОРТИМЕРЪ.

Ихъ прежде всѣхъ кинжалъ мой поразить.

МАРІА.

Какъ? Дядя, благодѣтель вашъ . . . .

МОРТИМЕРЪ.

Падетъ

Отъ сей руки! Я умерщвлю его.

МАРІА.

О, злодѣянье лютое!

МОРТИМЕРЪ.

Злодѣйства

Заранѣ намъ прощены. *Могу*

Все худшее исполнить — и *хочу*.

МАРІА.

О, страшно, страшно!

МОРТИМЕРЪ.

Если бъ королеву

Пришлось убить, то я-бъ не колебался!

Я на святомъ причастіи поклялся!

МАРІА.

Нѣтъ, Мортимеръ! Скорѣй, чѣмъ допущу,

Чтобъ за меня пролилось столько крови . . .

МОРТИМЕРЪ.

Что жизнь людей въ сравненіи съ тобою,
Въ сравненіи съ моей кипящей страстью?
Путь узы міра разрѣшатся вновь,
Пусть все живущее потопъ поглотитъ,
Что мнѣ? Скорѣй разрушатся стихіи,
Чѣмъ соглашусь отречься отъ Маріи!

МАРІА

(отступивъ).

Сэръ! что за взгляды и языкъ? О, Боже!
Вы трепетать заставили меня!

МОРТИМЕРЪ

(съ дикимъ взоромъ и выраженіемъ тихаго безумія).

Мгновенье жизнь, и смерть мгновенье тоже!
Пусть повлекутъ меня въ Тибурнъ; клещами
Отъ члена членъ тамъ будутъ отрывать —

(кидается къ ней съ распростертыми объятіями).

Лишь бы тебя, прелестную, обнять!

МАРІА.

Безумецъ, прочь!

МОРТИМЕРЪ.

И на груди прекрасной
Изъ устъ упиться нѣгой сладострастной...

МАРІА.

Пустите, сэръ! молю васъ!

МОРТИМЕРЪ.

Тотъ безумецъ,
Кто счастья въ объятяхъ не сожметъ,
Когда его самъ Богъ низпосылаетъ.
Пусть отовсюду смерть мнѣ угрожаетъ,
Спасу тебя! Но, какъ есть Богъ живой,
Клянусь, хочу и обладать тобой!

МАРІЯ.

Ужели нѣтъ заступника святова?
Спаси меня, хранитель Ангелъ мой!
Свирѣпый рокъ! какъ страшно я тобой
Изъ ужаса ввергаюсь въ ужасъ новый!
Или затѣмъ родилась я на свѣтъ,
Чтобъ возбуждать неистовыя страсти?
Должна ль любовь мнѣ быть причиной бѣдъ
И ненависть источникомъ несчастій?

МОРТИМЕРЪ.

Такъ, пламенна любовь моя къ тебѣ!
Она равна ихъ ненависти лютой.
Твою главу отсѣчь хотятъ они
И поразить сѣкирою стальною
Младую грудь, цвѣтушую красою.
О! божеству восторговъ посвяти
Тѣ прелести, которыя должна ты
Врагамъ свирѣпымъ въ жертву принести.
Твои власы и шелковыя кудри
Холодной смерти въ даръ обречены;
Марія! пусть же для-меня оковы
Изъ этихъ кудрей будутъ сплетены.

МАРІЯ.

Какія рѣчи слышать я должна!
Когда моя вѣнчанная глава
Вамъ не священна; такъ мои страданья
Должны бы, сэръ, для васъ священны быть.

МОРТИМЕРЪ.

Уже вѣнецъ упалъ съ твоей главы!
Ты лишена величія земнова.
Да, испытай, Марія, повели,
Монаршее ты выговори слово,

И явится ль защитникъ, или другъ,
Всемъ для тебя пожертвовать готовый?
Всего, всего лишилася ты вдругъ;
Одинъ твой ликъ божественный съ тобою,
Прелестный ликъ, цвѣтущій красотою!
И за него главу нести хочу
Неустрашимо злому палачу!

МАРІА.

Кто отъ его неистовыхъ желаній
Меня спасетъ?

МОРТИМЕРЪ.

Неистовымъ дѣламъ
Неистовая предлежитъ награда.
За что безстрашный проливаетъ кровь?
Чтобъ жить, такъ жизнью наслаждаться надо.
Глупецъ, кто тщетно расточить ее.
И прежде я на сей груди прекрасной,
Вкушу небесный отдыхъ сладострастный....

(Страстно сжимаетъ ее въ объятіяхъ.)

МАРІА.

Защиты ль я просить принуждена
Отъ моего спасителя?

МОРТИМЕРЪ.

Маріа,
Въ груди твоей не ледяное сердце!
Не за холѡдность міръ тебя винить!
Доступна ты мольбамъ горячей страсти:
Тобой былъ счастливъ Риччіо, пѣвецъ;
И даже Ботвель могъ тебя прельстить...

МАРІА.

О, дерзкій!

МОРТИМЕРЪ.

Ботвель былъ мучитель твой!
Ты трепетала, страстью пламенѣя!
И если страхъ такъ силенъ надъ тобой,
Клянуся адомъ....

МАРІА.

Мортимеръ, оставь,
Оставь меня! ты внѣ себя! О, Боже!

МОРТИМЕРЪ.

Ты затрепещешь предо мною тоже!

КЕННЕДИ

(убѣгаетъ).

Идутъ, идутъ! Толпой вооруженной
Весь садъ наполненъ.

МОРТИМЕРЪ

(хватаясь за мечъ).

Я защитникъ твой!

МАРІА

(Кеннеди).

Спаси меня отъ рукъ его, спаси!
Къ какимъ святымъ въ несчастьи обратиться?
Насиліе мнѣ угрожаетъ здѣсь,
А тамъ убійцы я должна страшиться!

(Убѣгаетъ въ домъ. Кеннеди слѣдуетъ за нею.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

МОРТИМЕРЪ. ПАУЛЕТЪ и ДРЮРИ вбѣгаютъ встревоженныя. НАРОДЪ бѣжитъ чрезъ сцену.

ПАУЛЕТЪ.

Мосты поднять! замкнуть ворота въ замкъ!

МОРТИМЕРЪ.

Что, дядя, что случилось?

ПАУЛЕТЪ.

Гдѣ убійца?

Въ темницу мрачную ее влеките!

МОРТИМЕРЪ.

Но что такое, дядя?

ПАУЛЕТЪ.

Королева! . . .

Злой умыселъ! . . . Проклятая рука! . . .

МОРТИМЕРЪ.

Какая королева?

ПАУЛЕТЪ.

Королева

Британская! На улицѣ она

Лежить, убійцею умерщвлена!

(Поспѣшно уходитъ въ домъ.)

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

МОРТИМЕРЪ. *Вскорь потомъ* ОКЕЛЛИ.

МОРТИМЕРЪ.

Не впаль ли я въ безуміе? Не здѣсь ли
Недавно кто-то пробѣжалъ, крича:
Убита королева! Нѣтъ! Все было
Сонъ, только сонъ! Что наполняло мысли,
То чувствамъ жаръ болѣзненный явилъ
Въ существенности страшной. Кто идетъ?
Окелли! Страхъ изображаютъ взоры!

ОКЕЛЛИ

(вбѣгая).

Бѣги скорѣе, Мортимеръ! Спасайся!
Спасайся! Все погибло!

МОРТИМЕРЪ.

Что погибло?

ОКЕЛЛИ.

Не спрашивай, бѣги!

МОРТИМЕРЪ.

Но, что случилось?

ОКЕЛЛИ.

Зачинщикъ дѣла — бѣшеный Соважъ.

МОРТИМЕРЪ.

Такъ правда?

ОКЕЛЛИ.

Правда. Мортимеръ, спасайся!

МОРТИМЕРЪ.

Она умерщвлена, и на престолъ
Должна теперь взойти Марія Стюартъ.

ОКЕЛЛИ.

Умерщвлена? Кто говорилъ?

МОРТИМЕРЪ.

Ты самъ.

ОКЕЛЛИ.

Она жива, но ты и я и всѣ мы
На казнь идемъ.

МОРТИМЕРЪ.

Она жива?

ОКЕЛЛИ.

Ударъ

Скользнулъ и въ мантии остановился.
Убійцу Шрюсбюри обезоружилъ.

МОРТИМЕРЪ.

Она жива?

ОКЕЛЛИ.

Жива, на гибель намъ!

Бѣжимъ! — ужь стража окружаетъ рошу.

МОРТИМЕРЪ.

Но кто же сдѣлалъ бѣшенный поступокъ?

ОКЕЛЛИ.

Тулонскій Барнабитъ, который, молча,
Сидѣлъ въ часовнѣ, въ думы погруженъ,
Когда монахъ намъ объяснялъ проклятье,
Которое изрекъ Елисаветъ

Святой отецъ. Путемъ кратчайшимъ онъ
Хотѣлъ достигнуть до желанной цѣли:
Спасти ударомъ смѣлымъ домъ Господень
И заслужить страдальческій вѣнецъ.

Онъ одному духовнику открылся,
И на дорогѣ къ Лондону исполнилъ
Намѣренъе.

МОРТИМЕРЪ

(посль долгаго молчанья).

Несчастливая! Тебя

Преслѣдуетъ свирѣпая судьба!

Теперь, теперь ты умереть должна:

Самъ Ангелъ твой тебѣ готовить гибель.

ОКЕЛЛИ.

Скажи, куда побѣгъ предпринимаешь?

Я въ сѣверныхъ сокроюся лѣсахъ.

МОРТИМЕРЪ.

Бѣги! Пусть Богъ стопы твои направить!

Я остаюсь. Еще въ послѣдній разъ

Спасти ее отъ смерти предприемлю;

А если нѣтъ — то съ нею лягу въ землю!

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЪ.

Приемная комната.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Графъ Обепинъ, Кентъ и Лейчестеръ.

ОБЕПИНЪ.

Что королева? Лорды, не могу
До сей поры преодолѣть мой ужасъ!
Но какъ могло подобное случиться
Среди народа вѣрнаго?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Убійца

Не изъ среды народа вышелъ. Нѣтъ!
Онъ подданный французскаго монарха.

ОБЕПИНЪ.

Онъ бѣшенный конечно?

КЕНТЪ.

Онъ папистъ,

Графъ Обепинъ!

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. **БОРЛЕЙФЪ**, *занятый разговоромъ съ ДЕВИ-*
сономъ.

БОРЛЕЙФЪ.

Чтобы сей часъ же было
Готово повелѣнье вѣсть на казнь,
И скрѣплено печатью. Изготовивъ,
Я королевѣ подписать подамъ.
Идите! Время дорого.

ДЕВИСОНЪ.

Все будетъ

Исполнено.

(Уходитъ.)

ОБЕПИНЪ

(встрѣчая Борлейфа).

Лордъ, раздѣляю радость
Всѣхъ подданныхъ! Благодаренье небу,
Которое убійственный ударъ
Отъ головы державной отвратило.

БОРЛЕЙФЪ.

Хвала тому, кто злобу сопостатовъ
Въ стыдъ обратилъ имъ.

ОБЕПИНЪ.

Вѣчное проклятье
Содѣтелю злодѣйства!

БОРЛЕЙФЪ.

И тому,
Кто былъ его изобрѣтатель низкій!

ОБЕПИНЪ

(Кенту).

Лордъ маршалъ! Не угодно ль доложить
Ея величеству, что поздравленье
Монарха моего къ ея стопамъ
Повергнуть я желаю.

БОРЛЕЙФЪ.

Не трудитесь,

Графъ Обепинъ!

ОБЕПИНЪ

(вкрадчиво).

Я знаю долгъ мой, лордъ!

БОРЛЕЙФЪ.

Вашъ долгъ — немедленно оставить островъ.

ОБЕПИНЪ

(удивленный, отступаетъ).

Что слышу я?

БОРЛЕЙФЪ.

Священный санъ вашъ, графъ,
Сегодня вамъ защита, но не завтра.

ОБЕПИНЪ.

Въ какомъ же преступленьи обвиненъ я?

БОРЛЕЙФЪ.

Коль назову его, то нѣтъ прощенья.

ОБЕПИНЪ.

Милордъ, надѣюсь: права посла....

БОРЛЕЙФЪ.

Преступника противъ верховной власти
Не защищаютъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ и КЕНТЪ.

Какъ? Что слышимъ мы?

ОБЕПИНЪ.

Лордъ, вспомните.....

БОРЛЕЙФЪ.

Рукою вашей пропускъ

Подписанный, отысканъ у убійцы.

КЕНТЪ.

Возможно ль?

ОБЕПИНЪ.

Многимъ пропускаю даю;

Но въ сердцѣ чловѣка не читаю.

БОРЛЕЙФЪ.

У васъ убійца причащался тайнъ.

ОБЕПИНЪ.

Мой домъ открыть всѣмъ.....

БОРЛЕЙФЪ.

Англии врагамъ.

ОБЕПИНЪ.

Я требую изслѣдованья дѣла.

БОРЛЕЙФЪ.

Страшиться вы должны его.

ОБЕПИНЪ.

Во мнѣ

Оскорблено величіе монарха.

Онъ заключенный разорветъ союзъ.

БОРЛЕЙФЪ.

Союзъ уже расторгнуть королевой.

Она не вступитъ съ Франціей въ родство.

Лордъ Кентъ! Примите на себя заботу,

Чтобъ графъ отсюда безопасно отплылъ.

Народъ уже на домъ его напалъ,

Гдѣ найдены огромные запасы

Оружія; и, въ ярости, грозить

Посла на части разтерзать, коль скоро
Появится. Отъ раздраженной черни
Его укрыть старайтесь, пока
Не усмирится ярость. Вы порукой
За жизнь его!

ОБЕПИНЪ.

Я покидаю землю,
Гдѣ поправны народныя права,
Гдѣ нарушать условія привыкли;
Но мой монархъ потребуетъ отчета
Кроваваго . . . .

БОРЛЕЙФЪ.

Пусть самъ придетъ за нимъ.

(Кентъ и Обепинъ уходятъ.)

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ и БОРЛЕЙФЪ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Теперь вы расторгаете союзъ,
Который сами заключить старались
Толь ревностно, не прошены ни кѣмъ.
Вамъ Англія не слишкомъ благодарна;
Вы отъ труда избавиться могли бѣ.

БОРЛЕЙФЪ.

Полезную я цѣль имѣлъ, но Богъ
Судилъ иначе. Счастливъ тотъ, чья совѣсть
Не можетъ въ худшемъ упрекнуть.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Лордъ Борлейфъ!

Знакомъ намъ видъ таинственный Цециля,
Слѣдящаго преступниковъ. Теперь,
Теперь для васъ благопріятно время:
Ужасное злодѣйство совершилось,
Виновники жь покрыты мракомъ тайны.
Откроютъ инквизиціонный судъ;
Тамъ, взвѣшивая каждый взглядъ и слово
И мысли сокровенныя души,
Въ судилище потребуютъ. Тогда-то
Вы важнымъ мужемъ будете, опорой
Правительства: на ваши рамена
Вся Англія возляжетъ.

БОРЛЕЙФЪ.

Нѣтъ, милордъ!

Вамъ первенство охотно уступаю.
Краснорѣчивый вашъ языкъ такую
Побѣду одержалъ, какой донынѣ
Я похвалиться никогда не могъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Лордъ, что хотите вы сказать?

БОРЛЕЙФЪ.

Не вы ль,

Украдкой отъ меня, Елисавету
Завлечь умѣли въ замокъ Фотрингай?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Украдкою? Когда жь въ моихъ дѣяньяхъ
Боялся я Борлейфова лица?

БОРЛЕЙФЪ.

Вы въ Фотрингай ввели ее? Не вы?

Вы королевы въ Фотрингай не звали?

Такъ вѣрно васъ *она* туда звала!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Яснѣе, лордъ!

БОРЛЕЙФЪ.

Завидное лице

Ее играть заставили вы тамъ!

Довѣрчивой, какое торжество

Готовили! О, кроткая жена!

Какъ надъ тобой безстыдно посмѣялись,

Какъ безпощадно предали тебя!

Такъ вотъ великодушіе и жалость,

Которыя въ совѣтѣ такъ внезапно

Васъ умилили? Потому-то Стюартъ

Такой безсильный и презрѣнный врагъ,

Что кровію ея не стоитъ даже

Пятнать себя! Какой обширный планъ!

Какъ утонченъ! Жаль только слишкомъ тонокъ —

Такъ изощренъ, что остріе сломилось.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Презрѣнный клеветникъ, иди за мною!

Предъ трономъ королевы я заставлю

Тебя отчетъ мнѣ дать въ твоихъ словахъ.

БОРЛЕЙФЪ.

Сойдемся тамъ; но берегитесь, лордъ,

Чтобъ дара слова не лишиться вамъ.

(Уходитъ.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ *одинъ, потомъ* МОРТИМЕРЪ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Открыто все! намѣренья мои
Проникнуты! Но какъ проникъ онъ ихъ?
О! горе мнѣ, коль ясныя доводы
Въ его рукахъ! и если королева
Узнаетъ о сношеніяхъ моихъ
Съ Маріей. Боже! какъ виновенъ буду
Въ ея глазахъ! Какъ хитры и преступны
Казаться будутъ мой совѣтъ, старанье
Ее завлечь въ злосчастный Фотрингай!
Она пойметъ, какъ злобно я смѣялся
Надъ ней; какъ предалъ лютому врагу!
Она вовѣкъ мнѣ не проститъ того.
И все казаться будетъ ей, заранѣ
Придуманнѣмъ: и горькій оборотъ
Ихъ разговора, и насмѣшки злыя,
И торжество соперницы, и даже
Сказать готовы, что убійцы руку, —
Которая ужасна, какъ судьба
Нежданная, вмѣшалась въ это дѣло —
Кровавымъ я вооружилъ ножомъ!
Мнѣ нѣтъ спасенья! Ахъ! подходитъ кто-то.

МОРТИМЕРЪ

(входитъ, сильно встревоженный, и боязливо озирается).

Графъ Лестеръ! Вы ль? Наединѣ ль мы съ вами?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Чего ты ищешь? Удались, несчастный!

МОРТИМЕРЪ.

Открыты мы и вы открыты также.

Примите ваши мѣры.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Удались!

МОРТИМЕРЪ.

Извѣстно, что у графа Обепина

Собранье было тайное . . . .

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

А мнѣ

Что до него?

МОРТИМЕРЪ.

Что и убійца тамъ

Съ другими находился . . . .

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Ваше дѣло.

Злодѣй! какъ смѣешь впутывать меня

Въ преступныя дѣла свои? Ты долженъ

Самъ защищаться въ страшныхъ злодѣяньяхъ.

МОРТИМЕРЪ.

Но, выслушайте, лордъ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(въ сильномъ гнѣвѣ).

Сокройся въ адъ!

Зачѣмъ, какъ демонъ злой, ко мнѣ присталъ ты?

Прочь! Я тебя не знаю! Ни чего

Нѣтъ общаго межъ мною и убійцей.

МОРТИМЕРЪ.

Не внемлете. Васъ остеречь пришелъ я:

Вашъ каждый шагъ уже извѣстенъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Ахъ!

МОРТИМЕРЪ.

Едва свершилось гибельное дѣло,
Казнохранитель прибылъ въ Фотрингай,
И, обыскавъ покои королевы,
Нашелъ въ нихъ. . . .

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Что?

МОРТИМЕРЪ.

Начатое письмо

Маріей, къ вамъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Несчастливая!

МОРТИМЕРЪ.

Въ которомъ

Она васъ проситъ твердымъ въ словъ быть,
И, руку снова обѣщая вамъ,
Напоминаетъ о своемъ портретѣ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

О, силы ада!

МОРТИМЕРЪ.

И письмо досталось
Борлейфу въ руки.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Я погибъ теперь!

*(Въ продолженіи слѣдующей рѣчи Мортимера, ходитъ
взадъ и впередъ съ выраженіемъ отчаянья.)*

МОРТИМЕРЪ.

Воспользуйтесь мгновеньемъ; упредите
Грозящую бѣду. Спаситесь сами,
Спасите Стюартъ! Клятвы, оправданья,

Все призовите въ помощь! Я не въ силахъ
Помочь Маріи! Нашъ союзъ расторгнуть,
Разсѣяны товарищи. Спѣшу
Въ Шотландію за новыми друзьями.
Вамъ дѣйствовать теперь: лордъ, испытайте
Все, что внушатъ вамъ смѣлый духъ и санъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(молчитъ, потомъ опомнившись).

Ты правъ!

(Идетъ къ дверямъ, отворяетъ ихъ и зоветъ:)

Сюда, драбанты!

(Офицеру, вошедшему со стражей.)

Задержите

Измѣнника! Ужасный заговоръ
Открытъ. Я самъ иду донести о томъ
Ея величеству.

(Уходитъ.)

МОРТИМЕРЪ

*(сначала стоитъ, оцепенѣлый отъ удивленья, но, вскорѣ
опомнившись, смотритъ вслѣдъ Лейчестеру съ глубокимъ
презрѣніемъ).*

Презрѣнный! — Да!

Я заслужилъ подобную измѣну!
Кто мысль вложилъ мнѣ, ввѣриться ему?
Онъ ускоритъ теперь мое паденье;
Мой трупъ ему проложить путь къ спасенью!
Спасайся же! Языкъ мой будетъ нѣмъ:
Не увлеку тебя въ паденіи моемъ,
Съ тобою вмѣстѣ умереть краснѣя!
Жизнь, только жизнь — сокровище злодѣя.

*(Начальнику стражи, который подходитъ, чтобъ
взять его.)*

Тирановъ рабъ! я не страшусь тебя!
Невольникъ ты, свободенъ я!

(Выхватываетъ кинжалъ.)

ОФИЦЕРЪ.

Онъ при оружьи? — вырвите кинжалъ!

(На него нападаютъ; онъ защищается.)

МОРТИМЕРЪ.

И я свободу сердцу и устамъ
Въ послѣднее мгновенье жизни дамъ.

Измѣнники монархинѣ и Богу,
Проклятiе, презрѣнье, гибель вамъ!
Вы отъ земной Маріи отвратились,
Какъ отъ небесной отвратили взоръ,
И королевѣ, на безбрачномъ ложѣ
Рожденной, совѣсть прѣдали свою!

ОФИЦЕРЪ.

Вы слышите? Онъ смѣлъ? Обезоружьте!

МОРТИМЕРЪ.

Когда спасти я жизнь твою не могъ,
Умру, примѣръ безстрашный подавая.
Молися за меня, молись, Святая!
Прими меня въ небесный твой чертогъ!

(Закалывается, и падаетъ на руки стражамъ.)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Комната королевы.

ЕЛИСАВЕТА, *съ письмомъ въ рукѣ.* БОРЛЕЙФЪ.

ЕЛИСАВЕТА.

Такъ насмѣяться надо мной? Предатель!
Моимъ стыдомъ доставить торжество
Любовницѣ! Борлейфъ, никто изъ женщинъ
Не испыталъ столь горькаго обмана!

БОРЛЕЙФЪ.

До сей поры я не могу постичь,
Какимъ искусствомъ, чарами успѣлъ онъ
Затмить твой свѣтлый, прозорливый умъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Какъ стыдно мнѣ! Какъ справедливо онъ
Смѣяться могъ надъ слабостью моею!
Унизить я соперницу хотѣла,
И сдѣлалась посмѣшищемъ ея!

БОРЛЕЙФЪ.

Теперь ты видишь, какъ мои совѣты
Полезны были.

ЕЛИСАВЕТА.

Я отвергла ихъ,
И тяжкая меня постигла кара!
Но какъ ему не вѣрить было мнѣ?
Могла ли я предвидѣть въ страстныхъ клятвахъ
Коварно мнѣ разставленную сѣть?
Онъ обманулъ! — кому-жъ могу повѣрить?

Не онъ ли мной возвышенъ былъ надъ всѣми,
Не онъ ли близокъ къ сердцу моему?
И не ему ли при моемъ дворѣ
Дала я блескъ, могущество монарха?

БОРЛЕЙФЪ.

А онъ тебя въ то время предавалъ
Шотландской королевѣ!

ЕЛИСАВЕТА.

И заплатить

Она мнѣ кровью! Приговоръ готовъ?

БОРЛЕЙФЪ.

По повелѣнью твоему готовъ онъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Она умереть! И онъ свидѣтель будетъ,
И самъ за ней послѣдуетъ во гробъ!

Изъ сердца я предателя изгнала.

Любовь умолкла, запылала месть.

Какъ высокò стоялъ онъ, такъ глубоко

Падеть! Да будетъ памятникомъ вѣчнымъ —

Какъ прежней слабости Елисаветы,

Такъ настоящей строгости ея.

Пусть въ Товеръ заключать! Назначу перовъ

Судить его: да будетъ преданъ онъ

Всей строгости законовъ.

БОРЛЕЙФЪ.

Оправданья

Тебѣ онъ будетъ приносить, и доступъ

Къ тебѣ найдетъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Ему ли оправдаться?

Или не все доказано письмомъ?

Преступникъ онъ!

БОРЛЕЙФЪ.

Но милосерда ты!

Когда твоимъ очамъ предстанетъ. . . .

ЕЛИСАВЕТА.

Нѣтъ!

Его отнынѣ видѣть не хочу!

Велѣли-ль вы отказывать ему,

Когда придетъ?

БОРЛЕЙФЪ.

Велѣль.

(Пажъ входитъ.)

ПАЖЪ.

Графъ Лестеръ!

ЕЛИСАВЕТА.

Извергъ!

Я видѣть не хочу его! скажи:

Я графа видѣть не хочу.

ПАЖЪ.

Не смѣю

Сказать того, и графъ мнѣ не повѣритъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Вотъ до чего возвышенъ онъ, что слуги

Его боятся болѣе меня.

БОРЛЕЙФЪ

(пажу).

Ея величеству угодно — графа

Не допускать къ себѣ.

(Пажъ въ недоумѣніи уходитъ.)

ЕЛИСАВЕТА.

Но, если-бъ можно! . . .

Когда-бъ имѣлъ онъ средства къ оправданью! —

Скажите, все не можетъ ли быть сѣтью,

Разставленной Маріей, чтобъ меня
Поссорить съ лучшимъ, съ неизмѣннымъ другомъ?
Она хитра; она могла нарочно
Письмо такое написать, чтобъ въ сердцѣ
Мнѣ подозрѣнье поселить; его,
Ей ненавистнаго, низринуть въ бездну?

БОРЛЕЙФЪ.

Размысли, государыня. . . .

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Лейчестеръ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

*(насилъно отворивъ дверь, входитъ съ повелительнымъ
видомъ).*

Гдѣ тотъ,
Который смѣетъ запрещать мнѣ доступъ
Къ монархинѣ моей?

ЕЛИСАВЕТА.

О, дерзновенный!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Мнѣ отказать! Когда Борлейфу можно
Съ ней говорить, то мнѣ-ль того нельзя?

БОРЛЕЙФЪ.

Вы слишкомъ смѣлы, лордъ, дерзнувъ ворваться
Безъ позволенія.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Вы слишкомъ дерзки,
Что говорить здѣсь смѣете! Ни кто
При семъ дворѣ Лейчестеру не смѣтъ
Ни позволять, ни запрещать.

(Съ покорностью подходитъ къ Елисаветѣ.)

Хочу

Изъ устъ моей монархини услышать...

ЕЛИСАВЕТА

(не смотря на него).

Прочь отъ меня, предатель!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Въ сихъ словахъ,

Не гласъ моей Елисаветы кроткой,
Но голосъ лорда, моего врага,
Я слышу — обращаюся къ Елисаветѣ!
Ему внимала ты; склони же слухъ свой
Ко мнѣ теперь.

ЕЛИСАВЕТА.

Презрѣнный, говори!

Усугуби вину: заприся въ ней!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Пусть прежде онъ, докучный, удалится.
Идите, лордъ! Въ сношеніяхъ моихъ
Съ монархиней — свидѣтелей не нужно.

ЕЛИСАВЕТА

(Борлейфу).

Останьтесь! Я повелѣваю вамъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Къ чему посредникъ межъ тобой и мною?
Я къ государынѣ боготворимой
Имѣю дѣло, и надѣюсь, санъ мой

Даетъ права — священные права!
Я требую, чтобъ удалился лордъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Вамъ эти гордыя слова приличны!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Приличны мнѣ: тобою счастливъ я;
Надъ нимъ, надъ всѣми милостями твоими
Я вознесенъ, и сердцу твоему
Обязанъ я моимъ высокимъ саномъ;
А даръ любви, клянусь всеильнымъ Богомъ,
Съ потерей жизни, буду защищать!
Пусть онъ идетъ! Мнѣ нужно два мгновенья,
Не болѣе — и ты поймешь меня.

ЕЛИСАВЕТА.

Вотще словами льстивыми мечтаешь
Склонить меня.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Пускай другой прельщаетъ,

Я буду съ сердцемъ говорить твоимъ;
И что рѣшился предпринять въ надеждѣ
На благосклонность кроткой королевы,
То передъ сердцемъ королевы буду
Оправдывать — да будетъ мнѣ судьбою;
Не признаю инаго надъ собою!

ЕЛИСАВЕТА.

Оно и есть твой первый обвинитель.
Лордъ, гдѣ письмо? Подайте.

БОРЛЕЙФЪ.

Вотъ оно.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(пробѣгаетъ глазами письмо, не изъясняя ни малѣйшаго смущенія).

Рука Маріи Стюартъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Прочитай —

И онѣмѣй!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(прочитавъ, говоритъ покойно).

Противъ меня наружность;

Но не по ней, надѣюсь, обвинять.

ЕЛИСАВЕТА.

Запрешься ли въ своихъ сношеньяхъ тайныхъ

Съ Маріей? что хранилъ ея портретъ

И въ ней питалъ надежду на свободу?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Когда бъ себя я чувствовалъ виновнымъ,

Врага навѣты опровергнуть могъ бы

Безъ трудности; но совѣстію чистъ —

Марія правду пишетъ — сознаюся.

ЕЛИСАВЕТА.

Чего жъ еще, несчастный?

БОРЛЕЙФЪ.

Приговоръ

Себѣ изрекъ онъ собственнымъ признаньемъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Прочь отъ меня, предатель! Въ Товеръ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Нѣтъ!

Я не предатель! Пусть виновенъ въ томъ,

Что отъ тебя тайлъ поступокъ этотъ,

Но честное намѣреніе имѣлъ я.

Хотѣлъ проникнуть замыслы Маріи

И погубить коварную еѣ.

ЕЛИСАВЕТА.

Ничтожныя, пустыя оправданья!

БОРЛЕЙФЪ.

Ужели полагаете, милордъ . . . .

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Рѣшился я на дерзкій подвигъ, знаю;
И только Лестеръ при дворѣ семъ могъ
Отважиться на таковое дѣло.

Извѣстна міру ненависть моя

Къ Маріи. Санъ, которымъ облеченъ я,

Довѣренность монархини, должны

Отъ подозрѣній охранить меня.

И тотъ, кто взысканъ милостями твоими,

Кто предпочтенъ всѣмъ прочимъ, можетъ смѣло

Идти своимъ, особеннымъ путемъ

И въ вѣрности и въ исполненіи долга.

БОРЛЕЙФЪ.

Но если цѣль благую вы имѣли,

Зачѣмъ ее такъ тщательно скрывали?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Вы, лордъ, еще не приступая къ дѣлу,

Его привыкли разглашать. Вы сами

Благоувѣстите о своихъ поступкахъ.

Я жь — дѣйствую и послѣ говорю.

БОРЛЕЙФЪ.

Теперь невольно говорить должны вы —

И говорите.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ

(гордо на него смотритъ).

Чуднымъ, славнымъ дѣломъ

Гордитесь вы! Гордитесь, что личину

Съ предательства сорвали и спасли

Монархиню — и мыслите, что все

Извѣстно вамъ, что ни чего не скрылось

Отъ проицанья вашихъ зоркихъ глазъ —
Смѣшное заблужденье! А Марія,
На зло предусмотрительности вашей,
Сегодня бы свободу получила,
Когда бъ не я.

БОРЛЕЙФЪ.

Вы, лордъ?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Я? — Королева

Предъ Мортимеромъ глубину души
И помышленья тайныя открыла,
Рѣшившись дать ему препорученье
Кровавое, на счетъ Маріи Стюартъ,
Отъ коего, содрогшись, отказался
Сэръ Паулетъ. Такъ, или нѣтъ? Скажи!

(Королева и Борлейфъ съ смущеніемъ взглядываютъ другъ на друга.)

БОРЛЕЙФЪ.

Какъ вы могли проникнуть эту тайну?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Такъ, или нѣтъ? Что жь, лордъ? Куда въ то время
Дѣвались ваши зоркіе глаза?

Какъ вы могли не видѣть, что нарочно
Васъ Мортимеръ обманывалъ? Что онъ
Былъ ревностный папистъ, орудье Гизовъ,
Приверженецъ Маріи, и мечтатель
Отчаянный, прибывшій для того,
Чтобъ разорвать оковы Стюартъ, смерти
Предать Елисавету.

ЕЛИСАВЕТА

(съ крайнимъ удивленіемъ).

Мортимеръ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Такъ! Чрезъ него сношенія со мной
Она имѣла; этимъ то я средствомъ
Проникъ въ его предательскіе виды.
Еще сегодня бѣ вырвали ее
Изъ заточенья. По его признанью,
Схватить его велѣлъ я, и предатель
Съ отчаянья, что не свершитъ измѣны,
Что сорвана личина съ преступленья,
Своей рукой вонзилъ въ себя кинжалъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Примѣровъ нѣтъ подобному обману!
Онъ? Мортимеръ?

БОРЛЕЙФЪ.

Вы говорите:

Себя убилъ онъ. Самъ? Иль вы его?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

О, подозрѣнье низкое! Пусть стражей,
Которымъ мной онъ отданъ былъ, допросать.

*(Идетъ къ дверямъ, и кличетъ. Входитъ офицеръ съ тѣло-
хранителями.)*

Донести ея величеству должны вы,
Какъ умеръ Мортимеръ.

ОФИЦЕРЪ.

Я былъ на стражѣ

Въ передней комнатѣ, когда милордъ,
Внезапно двери растворивъ, велѣлъ
Мнѣ, какъ измѣнника, его схватить.

Но, яростью объятый, Мортимеръ
Извлекъ кинжалъ, проклятья изрыгая
На королеву, и въ мгновенье ока
Пронзенный, палъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Довольно! Удалитесь!

Вотъ все, что знать желала королева.

(Офицеръ уходитъ.)

ЕЛИСАВЕТА.

Какая цѣпь ужасныхъ преступленій!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Кто-жь спасъ тебя? Борлейфъ ли? Зналъ ли онъ,

Что ты была въ опасности? Борлейфъ ли

Умѣлъ ее искусно отвратить?

Нѣтъ! Лестеръ твой хранитель-Ангель вѣрный!

БОРЛЕЙФЪ.

Графъ! рыцарь умеръ во время для васъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Что говорить — не знаю! Вѣрю вамъ

И вновь не вѣрю: то виновнымъ васъ

Считаю я, то не виновнымъ, Лестеръ!

О! какъ она, причина всѣхъ страданій,

Мнѣ ненавистна!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Умереть должна!

Теперь я самъ ей смертный приговоръ

Произношу. Я далъ тебѣ совѣтъ

Оставить приговоръ безъ исполненья,

Пока кто вновь возстанетъ за нее;

Теперь сбылось, и настоять я долженъ,

Чтобъ приговоръ немедленно исполнить.

БОРЛЕЙФЪ.

И вы такой совѣтъ даете? Вы?

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Хоть тяжело мнѣ къ крайности прибѣгнуть —

Но вижу я, вполне увѣренъ въ томъ,

Что безопасность королевы — этой
Кровавой жертвы требует: затѣмъ
Даю совѣтъ: готовить повелѣнье
Немедленно вести ее на казнь.

БОРЛЕЙФЪ

(королевъ).

Когда милордъ такъ твердъ и столько вѣренъ,
То мой совѣтъ, чтобъ приговоръ судей
Былъ имъ самимъ исполненъ.

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Мною?

БОРЛЕЙФЪ.

Вами.

Послѣднее исчезнетъ подозрѣнье,
Когда вы ту, которую любили,
Какъ обвиняютъ васъ, казнить велите.

ЕЛИСАВЕТА

(устремивъ взоръ на Лейчестера).

Совѣтъ его хорошъ. Да будетъ такъ!

ЛЕЙЧЕСТЕРЪ.

Хоть званіе и санъ моглибъ меня
Избавить отъ подобныхъ порученій,
Приличнѣйшихъ какимъ нибудъ Борлейфамъ;
Хотя столь близкій къ трону королевы
Не долженъ быть орудіемъ злосчастій;
Но, чтобъ явить усердіе мое,
Чтобъ угодить монархинѣ, теперь
Отъ правъ моихъ отречься я согласенъ
И принимаю ненавистный долгъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Лордъ Борлейфъ будетъ раздѣлять его.

(Борлейфу.)

Немедленно готовьте повелѣнье!

(Борлейфъ уходитъ. Слышенъ шумъ.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

Графъ Кентъ и Препные.

ЕЛИСАВЕТА.

Лордъ, что случилось? Отъ чего смятенье?

Что Лондонъ мой тревожить?

КЕНТЪ.

Королева,

Народъ дворецъ твой окружаетъ: съ воплемъ

Онъ требуетъ узрѣть твое лице.

ЕЛИСАВЕТА.

Чего народъ мой отъ меня желаетъ?

КЕНТЪ.

Исполненъ страха Лондонъ: говорятъ,

Что жизнь твоя въ опасности; что бродятъ

Толпы убійцъ, подосланныя папой,

Вокругъ тебя; что согласились тайно

Католики насильно изъ темницы

Извлечь Марію и возвестъ на тронъ.

Народъ, повѣря слухамъ, свирѣпѣетъ.

Его смирить иного средства нѣтъ,

Какъ чтобъ сегодня жъ съ плечъ мятежной Стюартъ

Скатилася виновная глава.

ЕЛИСАВЕТА.

Какъ? Иль принудить думаютъ меня?

КЕНТЪ.

Рѣшилась чернь не отступать, пока

Ты не подпишешь смертный приговоръ.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

БОРЛЕЙФЪ и ДЕВИСОНЪ, съ бумагой въ рукахъ.

ПРЕЖНІЕ.

ЕЛИСАВЕТА.

Что намъ вручите, сэръ?

ДЕВИСОНЪ

(съ важностію приближается).

Ты повелѣла,

Монархиня. . . .

ЕЛИСАВЕТА

Что, Девисонъ?

(Хочетъ взять бумагу, и затрепетавъ, отступитъ.)

О, Боже!

БОРЛЕЙФЪ.

Покорствуй голосу народа: онъ

Есть Божій голосъ.

ЕЛИСАВЕТА

(въ нерѣшимости, борясь сама съ собою).

О, лорды! Кто мнѣ скажетъ,

Что гласу цѣлаго народа внемлю,

Что точно гласу міра внемлю я?

Увы! страшусь, что, повинуюсь слѣпо

Желанью черни, я услышу голосъ

Совсѣмъ иной; что тѣ, которые теперь

Меня насильно вовлекаютъ въ дѣло,

Когда уже его исполню я,

Сурово, строго обвинять меня.

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ТѢЖЕ и ГРАФЪ ШРЮСБЮРИ.

ШРЮСБЮРИ

(входитъ сильно встревоженный).

Тебя влекутъ въ поступокъ торопливый,
Монархиня! Мужайся! будь тверда!

(Увидѣвъ бумагу въ рукахъ Девисона.)

Иль все свершилось? точно ли свершилось?
Листъ роковой я вижу въ сихъ рукахъ;
Его не должно взорамъ королевы
Казать теперь.

ЕЛИСАВЕТА.

О, честный Шрюсбюри!

Меня хотятъ принудить.

ШРЮСБЮРИ.

Кто же въ силахъ?

Монархиня, въ семъ случаѣ должна ты
Величіе и власть свою явить.
Запечатлѣй молчаніемъ уста
Суровыя, дерзающія нынѣ
Повелѣвать твоей монаршей волей
И управлять твоимъ разсудкомъ. Страхъ,
Слѣпое буйство обуяло чернью;
Ты, ты сама раздражена обидой,
Ты выѣ себя — и смертная, не можешь
Теперь судить.

БОРЛЕЙФЪ.

Давно оконченъ судъ.

Не *изрекать* тутъ нужно приговоры,
А *исполнять*.

КЕНТЪ

(удалившійся при появленіи Шрюсбюри, возвращается).

Стеченіе народа
Все возрастаетъ. Обуздать его
Нѣтъ больше средствъ.

ЕЛИСАВЕТА

(Шрюсбюри).

Смотрите, какъ насильно
Меня хотятъ принудить.

ШРЮСБЮРИ.

О, помедли!

Вотъ все, чего прошу, желаю я.
Ты почеркомъ пера должна рѣшить
Спокойствіе и счастье цѣлой жизни
Твоей. Такъ долго размышлявъ о томъ,
Позволишь ли теперь мгновенной бурѣ
Насильственно увлечь себя съ собой?
Дай краткій срокъ! и соберися съ духомъ,
И ожидай спокойнаго часа.

БОРЛЕЙФЪ

(съ жаромъ).

Коснѣй и жди, пока обниметъ пламя
Все государство; отлагай, пока
Врагу удастся нанести тебѣ
Дѣйствительный, рѣшительный ударъ.
Господь три раза отклонялъ его,
Сегодня *близко* онъ тебя коснулся:
Вновь уповать, и ждать чудесъ отъ Бога
Не значить ли — испытывать его?

ШРЮСБЮРИ.

Тотъ Богъ, который чудною десницею
Четырекратно спасъ тебя; тотъ Богъ,
Который старца слабаго рукъ
Далъ нынѣ силу побороть злодѣя,
Достоинъ вѣры теплой, упованья.
Не голосъ справедливости теперь
Возвышу я: не то настало время;
Его въ порывахъ бури не услышишь.
Внемли одно: передъ живой Маріей
Трепещешь ты. Нѣтъ, не живой ее
Страшишь, но обезглавленной, но мертвой.
Она, злой духъ, возстанетъ изъ могилы,
Духъ мстительный, весь край твой обтечетъ —
И отвратятся подданныхъ сердца
Отъ королевы. Ненависть теперь,
Страшась ее, питаетъ къ ней Британецъ;
Она падетъ — и за нее отмститъ онъ.
И не врага въ ней вѣры будетъ видѣть,
Но отрасль королей, но жертву злобы
И ревности увидить въ злополучной.
И скоро ты замѣтишь перемѣну:
Когда свершится страшное убійство —
Явись на стогнахъ лондонскихъ народу,
Который прежде радостно толпился
Вокругъ тебя — и Англія иная,
Иной народъ представятъ тебѣ, —
Затѣмъ, что ты утратила сіянье
Священной справедливости, которой
Умѣла прежде привлекать сердца.
Мучительства всегдашній спутникъ — *страхъ*,
Предтечею пойдетъ тебѣ повсюду —

И будетъ все пустѣть передъ тобой.
Ты крайнее, послѣднее свершила:
Когда ея священная глава
Могла скатиться, чья упасть не можетъ?

ЕЛИСАВЕТА.

Ахъ, Шрюсбюри! Вы жизнь мою спасли;
Кинжалъ убійцы отъ меня сегодня
Вы отвратили — для чего ему
Не дали въ сердце погрузиться мнѣ?
Тогда конецъ раздорамъ наступилъ бы,
Сомнѣнія исчезли и, безвинна,
Въ могилу тихую легла бы я!
Поистинѣ, я утомилась жизнью
И властію! Когда изъ двухъ монархинь
Одна должна погибнуть, чтобъ другая
Жила — иначе быть не можетъ, вижу —
Зачѣмъ же я погибнуть не могу?
Пусть выбираетъ мой народъ: ему
Я возвращаю власть. Свидѣтель Богъ,
Не для себя жила я — для народа!
И если онъ отъ этой льстивой Стюартъ,
Лѣтами младшей, ожидаетъ дней
Счастливѣйшихъ и лучшихъ, то охотно
Сложу вѣнецъ и возвращусь въ Вудстокъ,
Гдѣ провела въ уединеніи тихомъ
Я молодость невинную мою,
И гдѣ, чужда величія земного,
Величіе въ себѣ самой, въ душѣ
Я находила. Я жь не рождена
Для скиптра. Властелинъ нерѣдко долженъ
Быть строгъ, суровъ; а я мягкосердечна.
Я много лѣтъ счастливо управляла

Британіей, затѣмъ, что лишь счастливить
Мнѣ нужно было подданныхъ; теперь же,
Узнавъ впервые властелина долгъ,
Я признаюсь въ безсиліи моемъ.

БОРЛЕЙФЪ.

Изъ устъ моей монархини услышавъ
Монархинѣ несвойственную рѣчь,
Я бѣ измѣнилъ и долгу и отчизнѣ,
Когда бѣ молчалъ. Ты говоришь, что любишь
Народъ свой болѣе себя самой:
Такъ докажи жъ, и не желай покоя
Самой себѣ, подвергнувъ цѣлый край
Порывамъ бури страшной. Вспомни Церковь!
Иль вновь съ Маріей возвратится къ намъ
Мракъ суевѣрій? Для чего монахъ
Здѣсь будетъ снова властвовать, легать
Придетъ изъ Рима, замыкая храмы,
Свергая съ троновъ нашихъ королей?
Такъ — отъ тебя я требую отчета
Въ спасеніи душъ всѣхъ подданныхъ твоихъ;
Отъ твоего поступка въ дѣлѣ этомъ
Зависитъ ихъ гибель, или спасенье.
Здѣсь состраданью женскому не мѣсто;
Народа благо твой главнѣйшій долгъ.
Пусть Шрюсбюри спасъ жизнь тебѣ — но я,
Я Англію спасаю — это больше.

ЕЛИСАВЕТА.

Сама хочу размыслить и рѣшиться.
Ни утѣшеній, ни совѣта въ дѣлѣ
Столь важномъ смертные подать не могутъ.
Хочу прибѣгнуть къ высшему Судьѣ:

Что повелить онъ, то исполню, лорды.

Идите!

(Девисону).

Вы не удаляйтесь, сэръ.

(Лорды уходятъ. Одинъ Шрюсбюри стоитъ еще нѣсколько мгновений передъ королевою и смотритъ на нее, выразительно; потомъ удаляется медленно, изъясняя глубокую горестъ.)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЕЛИСАВЕТА

(одна).

О, рабское народу угожденье!

Постыдное! Какъ утомилась я

Льстить идоламъ, которыхъ презираю!

Когда жь свободна на престолъ буду?

Я мнѣньемъ черни дорожить должна,

Чтобъ заслужить хвалу толпы ничтожной.

Не полный тотъ властитель, кто обязанъ

Искать любви и одобреній міра.

Властитель тотъ, кто въ собственныхъ дѣлахъ

Ни отъ кого не просить одобренья.

Уже ль затѣмъ, въ теченье цѣлой жизни,

Я самовластныхъ мѣръ была чужда

И справедливость строго соблюдала,

Чтобъ собственные руки оковать

Въ насильственномъ, но неизбѣжномъ дѣлѣ?

Примѣру, мною данному, должна я

Покорствовать! О! если бъ я была

Тиранкой, какъ испанская Марія,

Предмѣстница моя на тронѣ этомъ,
Могла бѣ теперь, не убоясь упрековъ,
Пролить потоки королевской крови.
Но добровольно ль справедливой быть
Рѣшилась я? О, нѣтъ! Необходимость,
Которая сильнѣй самихъ монарховъ,
Одна меня принудила къ тому!
Врагами я окружена отъсюду;
На тронѣ этомъ, силою добытомъ,
Держусь одной любовію народа.
Всѣ государства напрягаютъ силы,
Чтобы меня низринуть и унижить.
Непримиримо, грозно римскій папа
Проклятьями разить мою главу;
Мнѣ Франція коварно простираетъ
Объятія; и явную войну,
Кровавую, Испанія готовитъ
Мнѣ на моряхъ. Такъ, слабая жена,
Стою одна, борясь съ цѣлымъ миромъ!
Высокой добродѣтелью должна
Я прикрывать и слабость правъ моихъ
И то пятно высокаго рожденья,
Которымъ осквернилъ меня отецъ.
Но тщетно я скрывать его стараюсь;
Его прозрѣла злость моихъ враговъ
И на меня воздвигла эту Стюартъ —
Грозящій вѣчно, ненавистный признакъ.
Пора боязни положить предѣлъ!
На плахѣ пасть должна ея глава;
Покою жажду, а она, злой демонъ,
Судьбою мнѣ ниспосланный, она,
Какъ фурія, всю жизнь мнѣ отравила.

Гдѣ радость я, надежду насадила —
Гнѣздится всюду адская змія.
Ома меня любовника лишаетъ
И жениха лишитъ. Марія Стюартъ —
Вотъ имя всѣхъ, меня гнѣтущихъ, бѣдъ!
Когда она сойдетъ въ могильный мракъ,
Свободна я, какъ воздухъ на горахъ.

(Молчаніе.)

Съ какой насмѣшкой на меня смотрѣла,
И взоромъ, какъ громовою стрѣлой,
Повергнуть въ прахъ передъ собой хотѣла.
Безсильная! Въ моихъ рукахъ острѣй
Оружія! Смертельны ихъ удары
И — нѣтъ тебя!

(Скорыми шагами подходитъ къ столу и хватается перо.)

Я незаконной дочерью
Кажусь тебѣ? Несчастливая! До тѣхъ поръ
Я буду ей, пока живешь и дышешь.
Сотру тебя съ лица земли, — и вмѣстѣ
Съ тобой исчезнетъ гнусное сомнѣнье.
И буду я плодомъ любви законной,
Когда Британцу выбора не станетъ.

(Твердою рукою быстро подписываетъ бумагу и отступаетъ съ выраженіемъ ужаса. Потомъ звонитъ.)

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЕЛИСАВЕТА. ДЕВИСОНЪ.

ЕЛИСАВЕТА.

Другіе лорды гдѣ же?

ДЕВИСОНЪ.

Удалились

Смирить толпы мятежнаго народа.

Когда графъ Шрюсбюри явился къ нимъ,

Ихъ вопль и шумъ умолкли на мгновенье:

«Вотъ онъ, вотъ онъ, спаситель королевы!

Честнѣйшій мужъ! Послушаемъ его!»

Воскликнулъ весь народъ единогласно.

И мудрый Тальботъ, тихими словами,

Сталъ охуждать его поступокъ буйный:

Краснорѣчиво, сильно говорилъ,

И скопища, утихнувъ, разошлись.

ЕЛИСАВЕТА.

Чернь слабая, которую приводитъ

Въ движеніе дыханье вѣтра! Горе,

Кто обопрется на гнилой тростникъ!

(Когда онъ обратился къ дверямъ.)

А этотъ листъ вамъ отдаю обратно —

Вамъ поручаю.

ДЕВИСОНЪ.

Съ подписью твоей!

Рѣшилась ты, монархиня?

ЕЛИСАВЕТА.

Хотѣли,

Чтобъ этотъ приговоръ я подписала:
И — онъ подписанъ! — Ни чего не значить
Бумаги листъ: не убиваетъ имя.

ДЕВИСОНЪ.

На семь листъ оно рѣшаетъ все,
И, какъ перунъ крылатый, смертоносно
Въ бумагахъ этой вѣлно шерифу,
Немедленно отправясь въ Фотрингай,
Смерть возвѣститъ шотландской королевѣ
И утренній едва забрежжетъ свѣтъ,
Казнить ее. Тутъ отлагательствъ нѣтъ!
И въ то мгновеніе, когда бумагу
Я выпущу изъ рукъ — мертва Марія.

ЕЛИСАВЕТА.

Такъ — въ ваши руки слабыя кладетъ
Всевышній жребій важный и великій.
Молите же, чтобъ мудростью своей
Васъ просвѣтилъ Онъ. Удаляюсь. Сэръ,
Исполните обязанность свою!

(Хочетъ идти.)

ДЕВИСОНЪ

(заступая ей дорогу).

Монархиня, не оставляй меня,
Не объявивъ своей высокой воли!
Я долженъ слѣпо исполнять вѣлѣнья —
И мудрости иной не нужно мнѣ.
Затѣмъ ли ты вручаешь мнѣ бумагу,
Чтобъ приговоръ немедленно свершился?

ЕЛИСАВЕТА.

Вамъ скажетъ собственный разсудокъ. . . .

ДЕВИСОНЪ.

Нѣтъ,

Не мой! Избави Богъ! Повиновенье —
Вотъ мой разсудокъ. Твоему слугѣ
Рѣшать не лзя подобныхъ дѣлъ. Ошибка
Малѣйшая — ужаснымъ злодѣяньемъ,
Цареубійствомъ можетъ быть. Дозволь
Мнѣ быть слѣпымъ орудіемъ твоимъ!
Скажи словами ясными, что дѣлать
Съ кровавымъ повелѣньемъ долженъ я?

ЕЛИСАВЕТА.

Его названье отвѣчаетъ вамъ.

ДЕВИСОНЪ.

Немедленно желаешь исполненья?

ЕЛИСАВЕТА.

Не говорю и трепещу при мысли.

ДЕВИСОНЪ.

Такъ хочешь ты, чтобъ я хранилъ сей листъ?

ЕЛИСАВЕТА

(быстро).

За слѣдствія вы отвѣчать должны.

ДЕВИСОНЪ.

Я? Господи! Скажи жь, чего желаешь?

ЕЛИСАВЕТА

(нетерпѣливо).

Хочу, чтобъ о несчастномъ этомъ дѣлѣ

Не вспоминали мнѣ: хочу покоя —

И на всегда!

ДЕВИСОНЪ.

Мнѣ только слово нужно,

Одно лишь слово только: что мнѣ дѣлать?

ЕЛИСАВЕТА.

Довольно, сэръ! Я все сказала вамъ!

ДЕВИСОНЪ.

Сказала? Нѣтъ, ты не сказала мнѣ,
Монархиня — припомни.

ЕЛИСАВЕТА

(топнувъ ногой).

Нестерпимо!

ДЕВИСОНЪ.

О, сжался надо мной! Еще недавно
Вступилъ я въ должность и языкъ двора,
Языкъ царей мнѣ не знакомъ. Я выросъ
Въ безвѣстности и простотѣ душевной;
Такъ вооружись терпѣніемъ со мной
И не упорствуй произнестъ то слово,
Которое обязанность мою
Мнѣ объяснить.

(Приближается къ ней съ молящимъ взоромъ; она отъ него отворачивается. Простоявъ нѣсколько времени въ отчаяніи, Девисонъ говоритъ рѣшительно.)

Возьми бумагу эту,
Возьми назадъ! Она горитъ въ рукахъ!
Служить тебѣ въ ужасномъ этомъ дѣлѣ
Назначь другога!

ЕЛИСАВЕТА.

Повинуйтесь долгу!

(Уходитъ.)

—

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ДЕВИСОНЪ, *вскорѣ потомъ* БОРЛЕЙФЪ.

ДЕВИСОНЪ.

Идетъ! А я, сомнѣнья полнъ, остался
Съ ужасною бумагой! У кого
Просить совѣта? Что мнѣ дѣлать съ нею?
Отдать ее, иль спрятать?

(Вошедшему Борлейфу.)

О, милордъ,
Какъ кстати вы приходите! Вы сами
Мнѣ эту должность дали: такъ избавьте-жь
Меня отъ ней! Обязанностей тяжкихъ
Съ ней сопряженныхъ, я не зналъ — и принялъ.
Позвольте возвратиться мнѣ въ бѣзвѣстность,
Изъ коей вы исторгнули меня.
Я не способенъ къ должности подобной!

БОРЛЕЙФЪ.

Что съ вами, сэръ? И отъ чего смущенье?
Васъ королева призывала?

ДЕВИСОНЪ.

Съ гнѣвомъ

Меня теперь оставила она.
Подайте мнѣ совѣтъ, подайте помощь,
Исторгните изъ адскихъ мукъ сомнѣнья!
Вотъ приговоръ — подписанный!

БОРЛЕЙФЪ.

Онъ здѣсь?

Дай, дай его скорѣй!

ДЕВИСОНЪ.

Не смѣю.

БОРЛЕЙФЪ.

Какъ?

ДЕВИСОНЪ.

Рѣшительной ея не знаю воли.

БОРЛЕЙФЪ.

Рѣшительной? Подписанъ приговоръ —

Такъ дай!

ДЕВИСОНЪ.

Исполнить ли его я долженъ,

Или не долженъ исполнять? О, Боже!

Что дѣлать мнѣ?

БОРЛЕЙФЪ.

Въ мгновеніе исполнить!

Подай! Погибъ ты, если медлить будешь!

ДЕВИСОНЪ.

Погибну, если ускорю.

БОРЛЕЙФЪ.

Глупецъ!

Ума лишился ты. Подай! . . .

(Вырываетъ изъ рукъ его бумагу, и поспѣшно удаляется.)

ДЕВИСОНЪ.

О, Боже!

Что дѣлаете, лордъ? Остановитесь!

Въ погибель вы ввергаете меня!

ПЯТЫЙ АКТЪ.

—

Сцена представляет комнату первого акта.

ПЕРВЫЙ ВЫХОДЪ.

Анна Кеннеди, въ глубокомъ траурѣ, съ заплаканными глазами, погруженная въ тихую печаль, запечатываетъ пакеты и письма. Часто горестъ прерываетъ ея занятія, и въ это время она тихо молится. Входитъ ПАУЛЕТЪ и ДРЮРИ, также одѣтые въ черное; за ними СЛУГИ вносятъ золотую и серебрянную посуду, зеркала, картины и другія драгоценности, которыми уставляютъ глубину сцены. Паулетъ отдаетъ кормилицѣ шкатулку и бумагу, объясняя ей знаками, что бумага эта содержитъ опись принесеннымъ вещамъ. При взглядѣ на сокровища возобновляется горестъ Анны, и она впадаетъ въ глубокую задумчивость. Межъ тѣмъ какъ Паулетъ и прочіе удаляются, входитъ МЕЛЬВИЛЬ.

КЕННЕДИ

(вскрикиваетъ, увидя его).

Мельвиль! Вы ль это? Васъ ли вижу вновь?

МЕЛЬВИЛЬ.

Такъ свидѣлись мы, вѣрная Кеннеди!

КЕННЕДИ.

По долгой, долгой, горестной разлукѣ!

МЕЛЬВИЛЬ.

И горестно злосчастное свиданье!

КЕННЕДИ.

О, Боже! Вы пришли....

МЕЛЬВИЛЬ.

Въ послѣдній разъ

И навсегда проститься съ королевой.

КЕННЕДИ.

Такъ наконецъ предъ смертію съ своими

Ей позволяютъ видѣться! О, сэръ!

Не буду спрашивать, что было съ вами,

Не буду вамъ описывать всѣхъ мукъ,

Которыя съ тѣхъ поръ мы претерпѣли,

Какъ васъ насильно разлучили съ нами.

На то придетъ пора. Мельвиль, Мельвиль!

И дожили мы до такого дня!

МЕЛЬВИЛЬ.

Стенаньями взаимными не будемъ

Другъ другу сердце сокрушать теперь.

Доколѣ живъ, я буду слезы лить;

Улыбкою лицо не озарится....

Одежды этой больше не сниму:

До гроба буду сѣтовать! Сегодня-жъ

Хочу быть твердъ.... и ты дай слово, Анна,

Что укротишь печаль свою. Пускай

Отчаянью другіе предаются —

Мы съ твердостью на встрѣчу ей поидемъ

И укрѣпимъ въ пути ее ко гробу.

КЕННЕДИ.

Мельвиль, вы въ заблужденьи, полагая,

Что наша помощь ей нужна къ тому,
Чтобы сойти безъ трепета въ могилу.
Она сама намъ подаетъ примѣръ
Величія души въ минуту эту.
Сэръ, не страшитесь! Марія Стюартъ
Умретъ достойно сана своего.

МЕЛЬВИЛЬ.

Тверда-ль была Марія въ то мгновенье,
Когда узнала, что идетъ на казнь?
Какъ говорятъ, она не ожидала
Ужасной вѣсти.

КЕННЕДИ.

Такъ! но леди грудь
Была исполнена иной боязни:
Марія не предъ смертью трепетала,
Спасителя страшилася она!
Свобода намъ обѣщана была,
И Мортимеръ былъ долженъ этой ночью
Насъ вывести изъ темницы. Королева
Ждала зори межъ страха и надежды,
Колеблясь поручить свою особу
И честь отважнымъ юноши рукамъ.
Внезапный вопль и шумъ поднялись въ замкѣ.
Стукъ молота встревожилъ слухъ нашъ. Мыслимъ:
Идетъ спаситель! Ожила надежда,
Проснулося въ душахъ стремленье къ жизни.
Вдругъ растворились двери и вошелъ
Сэръ Паулетъ, и объявилъ, что плаху
Для насъ внизу воздвигли палачи.

(Отворачивается, подавленная горестью.)

МЕЛЬВИЛЬ.

Творецъ небесный! Расскажи жь, Кеннеди,

Какъ этотъ страшный переходъ она
Перенесла?

КЕННЕДИ.

Мгновенно оторваться
Нельзя отъ жизни. Слишкомъ скоръ и быстръ
Обмѣнъ земнаго бытія на вѣчность.
Но укрѣпилъ Господь въ мгновенье это
Страдалицу: она съ душою твердой
Съ житейскими надеждами простилась
И съ теплой вѣрой обратилась къ небу.
Изъ устъ ея не вырывался стонъ,
Боязни взоръ не выражалъ. . . . Тогда лишь,
Какъ Лестера постыдную измѣну
Открыли ей; когда она узнала
Конецъ плачевный юноши, себя
На жертву ей принесшаго; когда
Увидѣла рыдающаго старца,
Черезъ нее лишеннаго послѣдней
Своей надежды — хлынулъ изъ очей
Источникъ слезъ. Не собственная участь —
Чужое горе заструило ихъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Но гдѣ-жъ она? Могу ль ее увидѣть?

КЕННЕДИ.

Остатокъ ночи провела въ молитвѣ
И письменно прощалася съ друзьями,
И написала собственной рукой
Духовную свою. Теперь заснула;
Послѣднимъ сномъ покоится! . . .

МЕЛЬВИЛЬ.

При ней

Есть кто нибудь?

КЕННЕДИ.

Лейбъ-медикъ Бургоень

И женщины.

ВТОРОЙ ВЫХОДЪ.

МАРГАРИТА КУРЛЪ и ПРЕЖНИЕ.

КЕННЕДИ.

Проснулась леди, мистрисъ?

КУРЛЪ

(отирая слезы).

Одѣлася и ожидаетъ васъ.

КЕННЕДИ.

Иду!

(Мельвилю, который хочетъ идти за нею.)

Останьтесь: я должна ее

Къ свиданью съ вами приготовить.

(Уходитъ.)

КУРЛЪ.

Вы ли,

Мельвиль? старинный нашъ домоправитель?

МЕЛЬВИЛЬ.

Такъ, это я!

КУРЛЪ.

Увы! Не нужно больше

Хозяина здѣсь въ домѣ! Вы, Мельвиль,

Изъ Лондона: не принесли ли мнѣ

Извѣстія о мужѣ?

МЕЛЬВИЛЬ.

Говорятъ

Ему свободу возвратятъ, коль скоро. . .

КУРЛЪ.

Коль скоро жизнь окончитъ королева?

Предатель низкій! — онъ убійца леди!

Сэръ, такъ ли? По свидѣтельству его,

Я слышала, осуждена Марія. . .

МЕЛЬВИЛЬ.

Такъ!

КУРЛЪ.

Вѣчное душѣ его проклятье

И въ безднахъ ада! Лжесвидѣтель онъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Обдумайте, что говорите, леди!

КУРЛЪ.

Передъ судомъ поклясться я готова,

Сто разъ ему я повторю въ глаза,

И да услышитъ міръ: она невинно

Идетъ на казнь!

МЕЛЬВИЛЬ.

Дай Господи!

ТРЕТІЙ ВЫХОДЪ.

Бургоень и Прежніе. Потомъ Анна Кеннеди

БУРГОЕНЬ

(увидя Мельвиля).

Мельвиль!

МЕЛЬВИЛЬ.

Ты, Бургоень!

БУРГОЕНЬ

(*Маргаритъ Курлз*).

Для королевы кубокъ

Вина. Скорѣ!

(*Курлз уходитъ.*)

МЕЛЬВИЛЬ.

Что? Она больна?

БУРГОЕНЬ.

Тверда — не нужной почитаетъ пищу.

Но ждеть ее тяжелая борьба;

Такъ пусть враги не торжествуютъ тѣмъ,

Что блѣдностью лицо ея покрылось

Въ мгновеніе, когда должна природа

Торжествовать, и ослабѣютъ силы.

МЕЛЬВИЛЬ

(*вошедшей кармиллицы*).

Могу-ль ее увидѣть?

КЕННЕДИ.

Королева

Сейчасъ придетъ. Сэръ, удивленнымъ взоромъ,

Который вы бросаете кругомъ,

Спросить меня хотите, для чего

Въ жилищѣ смерти пышность и богатство?

При жизни мы терпѣли нищету,

А съ смертию намъ избытки возвращаютъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ. ДВѢ ДРУГІЯ ПРИСЛУЖНИЦЫ *Маріи*, также
въ черныхъ платьяхъ. Увидя *Мельвиля*, онѣ громко
рыдаютъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Ужасный видъ! Плачевное свиданье!
Гертруда! Розамунда!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА.

Отъ себя
Насъ королева отослал. Хочетъ
На единѣ бесѣдовать съ собой
Въ послѣдній разъ.

(*Входятъ еще двѣ женщины въ трауръ же, и молча, зна-
ками выражаютъ свою печаль.*)

ПЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНИЕ и *МАРГАРИТА КУРЛЪ*. Она приноситъ золо-
той кубокъ съ виномъ и ставитъ его на столъ; сама же,
блѣдная и трепещущая, опирается на стулъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Что случилось съ вами, мистрисъ?
Что васъ пугаетъ?

КУРЛЪ.

Боже!

БУРГОВЕНЬ.

Что такое?

КУРЛЪ.

Ужасный видъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Опомнитесь! Скажите,

Что видѣли?

КУРЛЪ.

Когда я съ кубкомъ этимъ
По лѣстницѣ, ведущей внизъ, всходила,
Дверь отворилась — я въ нее взглянула —
И увидала. . . . Боже!

МЕЛЬВИЛЬ.

Что же, мистрисъ?

КУРЛЪ.

Покая стѣны черныя! межъ ними
Помость, обитый чернымъ же сукномъ,
И черная на немъ лежала плаха,
Съ подушкою и свѣтлымъ топоромъ.
И полнъ людей покой былъ; всѣ толпились,
Тѣснились вокругъ страшнаго помоста —
И, съ жаждой крови, съ лютостью въ очахъ,
Нетерпѣливо жертвы ожидали.

ЖЕНЩИНЫ.

Умилосердись, Господи, надъ нею!

ШЕСТОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. МАРІЯ. Она одѣта въ бѣломъ праздничномъ платьѣ; на шеѣ у ней — *Agnus Dei*, у пояса розовый вѣнокъ, въ рукѣ Распятіе, на головѣ діадема. Длинное, черное покрывало закинута назадъ. При появленіи ея всѣ присутствующіе раздаются на обѣ стороны, съ выраженіемъ сильнѣйшей горести. Мельвиль невольнымъ движеніемъ падаетъ на колѣна.

МАРІЯ.

О чемъ стенать и плакать вамъ? — Со мною
Порадуйтесь, что настаетъ конецъ
Моимъ страданьямъ тяжкимъ; что оковы
Съ меня спадутъ; что не въ темницѣ буду;
Что радостно душа моя летитъ
На крыльяхъ ангельскихъ къ свободѣ вѣчной!
Когда во власть кичливому врагу
Доставшись, терпѣла я обиды
И все, чего свободной королевѣ
Сносить нельзя, тогда вамъ было время
Оплакивать печальный жребій мой.
Спасителемъ ко мнѣ приходитъ смерть,
Суровый другъ, и черными крылами
Позоръ мой одѣваетъ. Человѣка
Глубоко падшаго одна судьба
Послѣднихъ дней облагородить можетъ.
Опять въ душѣ моей проснулась гордость;
Опять на мнѣ я чувствую вѣнецъ! . . .

(Ступивъ нѣсколько шаговъ впередъ.)

Какъ! Здѣсь Мельвиль? Нѣтъ, сэръ, не преклоняйте
Колѣнъ! Не смерть, но торжество Маріи

Увидите. Мнѣ суждено въ удѣлъ
Такое счастье, какого я
Надѣяться не смѣла: не однѣмъ
Рукамъ враговъ моя предастся память;
Нѣтъ! будетъ другъ, единовѣрецъ мой,
Свидѣтелемъ часа моей кончины!
Скажите, рыцарь, хорошо-ль вамъ было
Въ сей непріязненной землѣ, съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ отторгли отъ меня? Какъ часто
Я съ сокрушеньемъ думала объ васъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Скорбь о тебѣ, безсиліе помочь —
Вотъ, что мнѣ грустью тяготило душу!

МАРІЯ.

Что мой Дидье, служитель старый мой?
Но вѣрно онъ, старикъ, давно заснулъ
Сномъ вѣчнымъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

Нѣтъ! Благодаренье это
Не оказалъ ему Господь: онъ живъ,
Чтобъ, юную, похоронить тебя.

МАРІЯ.

О! если-бъ я предъ смертію могла
Прижать къ груди любимую главу
Кого нибудь изъ кровныхъ! — Умираю
Среди чужихъ! Лишь только вы остались
Оплакивать меня! Мельвиль, я вамъ
Послѣднія желанья поручаю.
Благословляю тестя моего
И Франціи весь вѣнценосный домъ;
Благословляю дядю, кардинала
И Генриха; благословляю папу,

Великаго намѣстника Христа,
И жду себѣ его благословенья;
Благословляю короля, который
Заступникомъ быть для меня хотѣлъ.
Они въ моей духовной не забыты —
И скудные дары моей любви
Не захотятъ отвергнуть и оцѣнять.

(Обратясь къ слугамъ.)

Объ васъ я брата моего просила
Монарха Франціи: онъ приметъ васъ
И новое отечество вамъ дастъ.
И если вы моей послѣдней просьбѣ
Хотите внять, не оставайтесь здѣсь,
Чтобы Британца гордая душа
Не тѣшилась постигшимъ васъ несчастьемъ,
Чтобъ слугъ моихъ онъ въ прахъ не видалъ!
На семъ крестѣ святомъ мнѣ поклянитесь,
Что только съ жизнію разстанусь я,
Вы изъ страны враждебной удалитесь.

МЕЛЬВИЛЬ

(положивъ руку на крестъ.)

Во имя всѣхъ, клянусь тебѣ, Марія!

МАРІЯ.

Все то, что мнѣ, убогой, оставалось,
Чѣмъ позволяютъ мнѣ распорядиться,
Межъ вами подѣлила я: надѣюсь,
Въ послѣдней волѣ не откажутъ мнѣ.
И то, чѣмъ въ путь ко гробу я одѣта,
И то все вамъ принадлежитъ. Позвольте
Въ послѣдній разъ, прощаясь съ землей,
Позвольте мнѣ облечься въ блескъ земной.

(Женщинамъ.)

Тебѣ, моя Аликса, Розамунда,
Тебѣ, Гертруда, отдаю мой жемчугъ
И всѣ одежды: молодости вашей
Еще пріятны пышные наряды.
Ты, Маргарита, милостей моихъ
Достойна больше прочихъ; оставляю
Тебя несчастнѣй всѣхъ твоихъ подругъ.
А что не мщу тебѣ за злобу мужа —
Докажется духовною моею.
Тебя же, Анна вѣрная моя,
Ни золото, ни дорогіе камни
Прельстить не могутъ: память обо мнѣ
Есть лучшее сокровище твое.
Возьми платокъ ты этотъ! Для тебя
Его въ часы я грусти вышивала
И жаркими слезами орошала.
Имъ завяжи глаза мои, когда. . . .
Вотъ, Анна, вотъ послѣдняя услуга,
Которой жду отъ вѣрнаго мнѣ друга.

КЕННЕДИ.

Мельвиль! нѣтъ силъ переносить страданья!

МАРІЯ.

Приблизьтесь всѣ, придите всѣ ко мнѣ
Принять мое послѣднее прощанье!

*(Простираетъ руки; всѣ, одна послѣ другой, падаютъ къ
ногамъ ея и, рыдая, цѣлуютъ руки.)*

Прости Аликса, Маргарита! Васъ
Благодарю за службу, Бургоень!
Твои уста горятъ, моя Гертруда!
Была я въ жизни сильно нетерпима,
За то и сильно, горячо любима!
Да осчастливить благородный мужъ

Мою Гертруду! Пламенное сердце
Любви горячей требуетъ. Ты, Берта,
Ты лучшій путь въ семь міръ избрала
И хочешь быть невѣстою Христовой.
Спѣши, спѣши исполнить свой обѣтъ!
Обманчивы земныя блага: я
Служу тебѣ примѣромъ. Но довольно!
Прости! — Прости! — Простите навсегда!
(Быстро отъ нихъ отворачивается. Всѣ, кромѣ Мельвиля,
удаляются.)

СЕДЬМОЙ ВЫХОДЪ.

МАРІА. МЕЛЬВИЛЬ.

МАРІА.

Распорядясь благами земными,
Надѣюся, что оставляю міръ
Я никому не должная. Одно лишь,
Мельвиль, душѣ препятствуетъ моей
Свободно, радостно подняться къ небу.

МЕЛЬВИЛЬ.

Откройся мнѣ, Марія! Облегчи
Грудь отъ заботъ: пусть твой вѣрнѣйшій другъ
Ихъ раздѣлитъ съ тобою.

МАРІА.

Я стою
У прага вѣчности; предстану скоро

Судящему дѣянiя людей,
Но съ Господомъ еще не примирилась.
Святителя мной чтимыхъ алтарей
Ко мнѣ не допускаютъ. Я должна
Принять дары божественной трапезы
Изъ рукъ лжепастыря. Нѣтъ! умереть
Хочу въ моей я вѣрѣ: лишь она
Небесныя врата намъ отверзаетъ.

МЕЛЬВИЛЬ.

Смири волненье сердца! Предъ Творцомъ
Дѣла и воля твердая, благая
Равны. Оковы наложить на руки
Насилье можетъ, чистая-жъ душа,
Свободная, парить къ престолу Бога.
Мертвять слова, но оживляетъ вѣра.

МАРІЯ.

Мельвиль! нѣтъ! мало сердца одного:
Земной залогъ необходимъ для вѣры,
Чтобъ мы могли освоиться съ небеснымъ.
Затѣмъ-то образъ человѣка принялъ
Господь; незримые дары небесъ
Затѣмъ-то въ тѣло зримое включилъ Онъ
Таинственно. Святая церковь намъ
Есть лѣстница ко свѣтлымъ небесамъ.
Ее зовемъ мы римской, православной;
Подпора вѣры — вѣрованье всѣхъ;
Гдѣ тысячи, молясь, благоговѣютъ,
Тамъ жаръ душевный пламенемъ горитъ
И окриленный духъ къ Творцу паритъ.
Блаженны всѣ, могущіе стекаться
Въ Господень домъ съ молитвой на устахъ!
Алтарь украшенъ, теплятся лампы

И сладкій дымъ струится изъ кадилъ,
И колоколъ вѣщаетъ славу Бога,
И бѣлоснѣжной ризой облеченъ,
Святитель алтарей пріемлетъ чашу,
Благословивъ подъемлетъ, и вѣщаетъ
О чудесахъ преображенья онъ,
И весь народъ, одушевленный вѣрой,
Предъ Господомъ, присутствующимъ тутъ,
Склоняется. Увы! а я одна
Отвергнута: благословенье неба
Не проникаетъ въ мракъ моей темницы.

МЕЛЬВИЛЬ.

Оно уже проникло, озарило
Тебя, Марія. Положись на Бога
Всемощнаго — и вѣрь: сухая трость
Въ рукѣ того, кто дышетъ теплой вѣрой,
Дать можетъ цвѣтъ и гроздіе. Кто словомъ
Изсѣкъ источникъ изъ скалы кремнистой,
Тотъ и въ темницѣ для тебя алтарь
Устроить можетъ, и сосудъ, который
Земную жажду утолять назначенъ,
Въ святую чашу превратитъ мгновенно.

(Беретъ кубокъ, стоящій на столѣ.)

МАРІЯ.

Что слышу? — Такъ: я поняла тебя!
Ни пастыря, ни церкви, ни святыни
Здѣсь нѣтъ — но рекъ небесный Искупитель:
Гдѣ двое вѣрящихъ сошлись во имя
Мое, я тамъ присутствую межъ нихъ.
И что въ уста святителя влагаешь
Глаголь Господень? — чистая душа
И житіе безгрѣшное, святое.

Такъ будь и ты святителемъ, небеснымъ
Посланникомъ, принесшимъ миръ душѣ,
И исповѣдь послѣднюю мою
Прими — и пусть мнѣ изрекутъ спасенье
Уста твои.

МЕЛЬВИЛЬ.

Когда такъ сильно сердце
Влечетъ тебя, то знай: тебѣ въ отраду
Всесильный чудо можетъ совершить.
Ты говоришь, здѣсь нѣтъ Христова тѣла,
Святителя и церкви? Въ заблужденьи
Ты, королева! Здѣсь святитель есть,
Есть Духъ Святой, парящій надъ тобою.

(Съ этими словами открываетъ голову, и показываетъ золотую чашу съ дарами.)

Святителя во мнѣ, Марія, видишь:
Я исповѣдь послѣднюю твою
Пришелъ принять и на пути ко гробу
Миръ возвѣстить душѣ твоей. Семь разъ
Глава моя помазана елеемъ—
И приношу тебѣ Дары Святыя,
Которые благословилъ самъ папа.

МАРІЯ.

Такъ на краю могилы суждено
Мнѣ счастье небесное вкусить?
Какъ съ высоты, на облакѣ златомъ
Слетаетъ духъ безсмертный; какъ въ темницу
Проникъ апостолъ, Ангеломъ ведомый,
И не могли его остановить
Ни стражей мечъ, ни тяжкія запоры;
Но перейдя замкнутыя врата,
Въ темницѣ онъ явился, окруженный

Сіяніемъ, — такъ и ко мнѣ теперь,
Обманутой заступникомъ земнымъ,
Является низпосланный отъ неба.

Ты-жъ, нѣкогда слуга мой, будь отнынѣ
Служителемъ небеснаго Отца.

Ты преклонялъ передо мной колѣна —
Я повергаюсь предъ тобой!

(Повергается предъ нимъ.)

МЕЛЬВИЛЬ

(остынивъ ее знаменіемъ креста).

Во имя

Отца и Сына и Святаго Духа!

Марія, королева! испытала-ль

Свое ты сердце? И даешь ли клятву,

Что истины на исповѣди этой

Отъ Бога правды утаить не мыслишь?

МАРІЯ.

Душа моя предъ Нимъ и предъ тобою

Открыта.

МЕЛЬВИЛЬ.

Со дня, когда въ послѣдній разъ

Ты примирилась съ Господомъ, какой

Грѣхъ совѣсть тяготитъ твою?

МАРІЯ.

Въ груди

Питала я завистливую злобу

И жажду мести. Грѣшная, отъ Бога

Ждала прощенья, а сама . . . . простить

Я не могла соперницѣ моей!

МЕЛЬВИЛЬ.

Оплакала-ль вину свою, Марія,

И твердо ли намѣренье твое
Оставить міръ, съ Всевышнимъ примирияся

МАРІА.

Какъ упованье, что Господь проститъ
Виновную.

МЕЛЬВИЛЬ.

Въ какихъ грѣхахъ еще
Сознаться можешь?

МАРІА.

Не одною злобой

И грѣшною любовью оскорбляла
Я Господа. Я страстію пылала
Къ тому, который, клятвѣ измѣня,
Немилосердо обманулъ меня!

МЕЛЬВИЛЬ.

Скорбишь ли ты о прежнемъ заблужденіи,
И идола забывъ, твоя душа
Чистосердечно-ль къ Богу обратилась?

МАРІА.

Тяжелая борьба мнѣ предстояла,
Но я земныя узы разорвала.

МЕЛЬВИЛЬ.

Какимъ еще грѣхомъ отягчена
Душа твоя?

МАРІА.

Кровавая вина

Лежить на ней. Въ предсмертное мгновенье,
Какъ грозное, полночное видѣнье,
Моимъ очамъ является она.
Я ей отъ вратъ небесъ отчуждена.
Я тяжкое свершила преступленье.
Убивъ супруга, сопряглась потомъ

Съ прельстителемъ предъ Божьимъ алтаремъ,
И хотъ себя, преступная, карала
Раскаяньемъ, молитвой и постомъ,
Но все въ душѣ живетъ эхидна злая —
И усыпить грызущей не могла я.

МЕЛЬВИЛЬ.

Какой еще лежитъ на сердцѣ грѣхъ,
Въ которомъ ты не признавалась Богу?

МАРІА.

Теперь ты знаешь всѣ мои грѣхи!

МЕЛЬВИЛЬ.

Помысли: близокъ Сердцевѣдецъ! Вспомни,
Какъ тяжело караетъ церковь тѣхъ,
Которые на исповѣдь приносятъ
Не полное сознанье: этотъ грѣхъ
На вѣчную насъ осуждаетъ смерть.

МАРІА.

Пусть такъ меня въ послѣднее мгновенье
Помилуетъ и укрѣпитъ Господь,
Какъ ничего не утаила я.

МЕЛЬВИЛЬ.

Предъ Господомъ молчишь о томъ, за что
Тебя караютъ люди? О участьи
Въ измѣнѣ Парри, Бабингтона? Ты
За то идешь на временную смерть,
Ужель обречь себя и вѣчной хочешь?

МАРІА.

Я Судіѣ предстать уже готова.
Еще мгновений нѣсколько — и я
Приблизуся къ престолу Трисвятова;
Но говорю и повторяю снова:
Окончена вся исповѣдь моя.

МЕЛЬВИЛЬ.

Размысли. Сердце наше льстецъ коварный.
Быть можетъ, ты двусмысленно затьмила
Смысль настоящій слòва, чтобъ оно
Тебя не уличило въ преступленьи,
Хоть въ дѣлѣ семъ участвовала воля.
Но знай: притворствомъ не обманешь ты
Всевиद्याщаго, пламеннаго ока,
Впереннаго во внутренность души.

МАРІЯ.

Просила я властителей земныхъ
Сорвать съ меня постыдные оковы;
Но никогда ни мыслию, ни дѣломъ
На жизнь врага не посягала я.

МЕЛЬВИЛЬ.

И такъ писцы свидѣтельствуютъ ложно?

МАРІЯ.

Все истинно, что я сказала! Ихъ же
Да судить Богъ!

МЕЛЬВИЛЬ.

И такъ идешь на плаху,
Увѣрена въ невинности своей?

МАРІЯ.

Сподобь меня Всесильный ранней смертью
Кровавую вину мою загладить.

МЕЛЬВИЛЬ

(благословляетъ Марію).

Иди-жь, и смертью примирился съ небомъ!
Пади, какъ жертва чистая! Лишь кровью
Омоются кровавыя дѣла.
Грѣшила ты, какъ слабая жена;
Но слабости духъ бодрый оставляетъ

Въ торжественный преображенья часъ.

Мнѣ свѣше данной властью, разрѣшаю

Тебя, Марія, отъ грѣховъ. Молю

Да совершится такъ, какъ уповаешь.

(Беретъ чашу, стоящую на столѣ, и освятивъ ее, подаетъ Маріи. Она колеблется и отклоняетъ ее отъ себя рукою.)

Спасителя святую кровь прими!

Ее онъ пролилъ за тебя! — Прими,

Какъ даръ, какъ милость папы. Въ самой смерти

Владыкъ земныхъ воспользуйся правами

Первѣйшими — благословеньемъ церкви!

(Марія принимаетъ чашу.)

И какъ теперь въ тѣлесномъ облаченъи

Соединишься съ Господомъ своимъ,

Такъ и въ его обители блаженной,

Гдѣ нѣтъ печали, преступленій, слезъ,

Ему предстанешь, Ангелъ обновленный,

Соединясь съ Владыкою небесъ.

(Ставитъ чашу на столѣ. Слышенъ шумъ. Мельвиль закрываетъ голову, и подходитъ къ двери. Марія остается на колынахъ, тихо молясь.)

МЕЛЬВИЛЬ

(возвращается).

Еще тяжелая тебѣ борьба,

Марія, предстоитъ! Въ душѣ твоей

Найдется-ль твердость укротить порывы

Ожесточенья, злобы?

МАРІА.

Не страшусь

Возврата ихъ! Я посвятила Богу

Любовь мою и ненависть.

МЕЛЬВИЛЬ.

Готовся-жъ

Борлейфа съ лордомъ Лестеромъ принять.

Они идутъ.

ВОСЬМОЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. БОРЛЕЙФЪ, ЛЕЙЧЕСТЕРЪ и ПАУЛЕТЪ.

Лейчестеръ остается въ отдаленіи, не поднимая глазъ. Борлейфъ, замѣтившій его смущеніе, становится между нимъ и королевой.

БОРЛЕЙФЪ.

Послѣднее услышать приказанье

Пришелъ я къ вамъ.

МАРІЯ.

Благодарю, милордъ.

БОРЛЕЙФЪ.

Монархинѣ угодно, чтобы вамъ

Отказу не было ни въ чемъ законномъ.

МАРІЯ.

Послѣднія желанія мои

Объяснены въ духовной. Я ее

Препоручила сэра Паулету

И исполненья точнаго прошу.

ПАУЛЕТЪ.

Покойны будьте.

МАРІЯ.

И прошу еще,

Чтобъ слугъ моихъ ни въ чемъ не притѣсняли,
Чтобы свободно отпустили ихъ
Въ Шотландію, иль Францію, куда
Желаніе изъявять.

БОРЛЕЙФЪ.

Ваша воля

Исполнится.

МАРІЯ.

А какъ мой трупъ не долженъ
Покоиться въ землѣ благочестивой,
То да позволятъ вѣрнымъ слугамъ этимъ
Во Францію мое доставить сердце
Къ роднымъ моимъ. Оно тамъ вѣчно жило.

БОРЛЕЙФЪ.

Все въ точности исполнять; но еще . . . . .

МАРІЯ.

Сестрѣ моей, британской королевѣ,
Снесете, лордъ, мой родственный поклонъ,
И скажете, что я чистосердечно
Ей смерть мою прощаю и прошу
Простить меня въ вчерашнемъ оскорбленьи.
Да продолжитъ Господь ея лѣта
И низпошлетъ счастливое правленье!

БОРЛЕЙФЪ.

Скажите, леди, можетъ быть теперь,
Одумавшись, принять согласны помощь
Декана?

МАРІЯ.

Я съ Всевышнимъ примирилась!
Сэръ Паулетъ, я много зла невинно
Вамъ нанесла! Я погребла надежду,
Подпору вашей старости — позвольте

Надѣяться, что вспоминать о мнѣ
Безъ ненависти будете.

ПАУЛЕТЪ

(подаетъ ей руку).

Богъ съ вами!

Идите съ миромъ!

ДЕВЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

ПРЕЖНІЕ. Анна Кеннеди и другія женщины
королевы вбѣгаютъ, изъясняя ужасъ; за ними входитъ

ШЕРИФЪ, съ бѣлымъ жезломъ въ руку. Сквозь раство-
ренную дверь видны вооруженные люди.

МАРІЯ.

Анна, что съ тобой? —

А! Время! Вотъ шерифъ подходитъ къ намъ
Вести на казнь. — Свершилося! Прости!
Прости!

(Женщины обнимаютъ ее въ сильной горести. Мельвиллю.)

Вы сэръ, и ты, моя Кеннеди,
Въ послѣдній путь проводите меня.
Въ сей милости не откажите, лордъ.

БОРЛЕЙФЪ.

На это власти не дано мнѣ.

МАРІЯ,

Какъ?

Ничтожной просьбы не хотятъ исполнить?

Уважьте полъ мой! Кто-жь окажетъ мнѣ
Послѣднюю прислугу? Быть не можетъ
Желаніемъ сестры, чтобы во мнѣ
Былъ оскорбленъ мой полъ; чтобъ до меня
Коснулись грубо мужескія руки.

БОРЛЕЙФЪ.

Нельзя позволить женщинамъ за вами
На мѣсто казни слѣдовать: ихъ вопль,
Рыданья ихъ. . . .

МАРІЯ.

Она рыдать не будетъ.
За твердость Анны отвѣчаю вамъ.
О, сжальтесь, лордъ! Съ кормилицей моей
Меня въ послѣдній часъ не разлучайте!
Она меня, лелѣя на рукахъ,
Вносила въ жизнь; такъ пусть же дастъ мнѣ руку —
И тихо къ смерти поведетъ теперь.

ПАУЛЕТЪ

(Борлейфу).

Исполните желаніе несчастной.

БОРЛЕЙФЪ.

Пусть будетъ такъ!

МАРІЯ.

Отнынѣ ничего
Мнѣ въ мірѣ не осталось.

(Беретъ и цѣлуетъ Распятіе.)

Спаситель!

Какъ на крестѣ твои простерты руки,
Простри ихъ такъ — пріять меня къ себѣ.

(Хочетъ идти Въ это мгновеніе, глаза ея встрѣчаются съ глазами графа Лестера, который, пробужденный отъ забвенья сдѣланнымъ ею движеніемъ, невольно ихъ поднялъ. Марія трепещетъ, колѣна ея трясутся, она готова упасть;

но графъ Лейчестеръ поддерживаеъ ее. Долго, выразительно смотритъ она на него и Лейчестеръ не можетъ выдержать ея взоровъ. Наконецъ Марія говоритъ.)

Графъ Лестеръ! Вы сдержали ваше слово —
Вы обѣщали руку мнѣ подать,
Чтобъ вывести меня изъ заточенья,
И — подаете!

(Онъ стоитъ — уничтоженный. Она продолжаетъ нѣжнымъ голосомъ.)

Лестеръ, не одной
Свободой быть одолжена хотѣла
Рукъ я вашей; но свободы цѣну
Возвысить для меня должны вы были.
Рука съ рукой, счастливая любовью,
Я мнила новой жизнью насладиться.
Теперь, когда я съ міромъ расстаюсь,
Когда готовлюсь быть нетлѣннымъ духомъ,
Который чуждъ желаній и суетъ,
Теперь могу признаться, не краснѣя,
Въ преодолѣнной слабости моей.
Простите, лордъ, и наслаждайтесь счастьемъ,
Коль можете. Руки двухъ королевъ,
Исполнены надежды, вы искали,
И нѣжную привязанность презрѣвъ,
Предъ сердцемъ гордымъ на колѣна пали.
Дай Богъ, чтобъ кара не постигла васъ!
Идите пасть во прахъ къ Елисаветѣ!
Теперь со всемъ простилась я на свѣтѣ!

(Уходитъ, предшествуемая шерифомъ. Мельвиль и Анна идутъ по бокамъ ея; позади Паулетъ и Борлейфъ. Прочія смотрятъ ей въ слѣдъ, рыдая, до тѣхъ поръ пока она не скрывается изъ глазъ. Потомъ удаляются боковыми дверьми.)

ДЕСЯТЫЙ ВЫХОДЪ.

Лейчестеръ, оставшись одинъ.

Я живъ еще! и жить еще могу!
И на меня не рухнетъ эта кровля?
И бездны нѣтъ, чтобъ поглотить меня,
Презрѣннѣйшее существо въ природѣ? —
Какого я сокровища лишился,
Какое счастье райское отвергъ!
Она парить, духъ чистый, къ небесамъ,
Я-жь остаюсь, какъ грѣшникъ осужденный
На вѣчный адъ, съ отчаяньемъ въ душѣ!
Куда же дѣлась твердая рѣшимость,
Съ которой шелъ я, заглушить въ себѣ
Раскаянье и голосъ сердца; видѣть
Какъ съ плечъ ея покатится глава
И не вздохнуть? Уже-ль ея слова,
Уже-ль одно воззрѣнье возвращаютъ
Стыду, его забытыя права?
Или, ногой коснувшись могилы,
Меня любовью окуетъ опять?
Нѣтъ, извергъ, нѣтъ! Теперь не время знать
Женоподобной жалости порывы!
Тебѣ во вѣкъ не знать любви счастливой!
На грудь ты панцырь наложи стальной,
Чело да будетъ твердою скалой!
И если ты не хочешь вдругъ лишиться
Постыдныхъ дѣлъ желаннаго плода,
Начатое тобой должно свершиться.

Умолкни въ сердцѣ жалость навсегда!

Вы, очи, въ камень твердый превратитесь,

И въ казнь ея, безслѣзныя, всмотритесь!

*(Съ рѣшимостью идетъ къ двери, въ которую вышла Марія,
но, не дошедши, останавливается.)*

Вотще! Меня объемлетъ адскій трепеть!

Не въ силахъ я снести ужасный видъ,

Не въ силахъ видѣть смерть ея! — Чу! Вотъ

Сошли они . . . . . Готово подо мною

Орудье казни . . . . . Слышу голоса . . . . .

Прочь! Удались! Бѣги жилища смерти!

*(Хочетъ выйти другою дверью, но, нашедъ ее запертою,
отступаетъ.)*

Иль нѣкій Богъ здѣсь приковалъ меня?

Или я слышать осужденъ, на что

Взглянуть страшуся? Чу! декана голосъ!

Онъ говоритъ . . . . . Она его прервала —

И молится . . . . . Все тихо, тихо стало . . . . .

Рыданія и женскій вопль . . . . . Одежду

Съ нее снимаютъ . . . . . Чу! стучитъ топоръ! . . . .

И вотъ она склоняется къ подушкамъ,

На плаху голову кладетъ . . . . .

*(Произнеся послѣднія слова съ усугубляющимся отчаяніемъ,
и помолчавъ нѣсколько, вдругъ начинаетъ трепетать и па-
даетъ безъ чувствъ. Въ то же время внизу раздается глухой
шумъ, долго продолжающійся.)*

ОДИННАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Вторая комната четвертаго акта.

ЕЛИСАВЕТА *входитъ боковой дверью. Походка ея и всѣ движенія показываютъ сильное безпокойство.*

Ни кто нейдетъ — все нѣтъ еще извѣстья!

Или сегодня не наступитъ вечеръ

И муки ожиданья я должна

Переносить? Свершилось, или нѣтъ?

Страшуся одного, страшусь другаго,

И спрашивать не смѣю никого.

Ни Лестера не вижу, ни Борлейфа,

Которымъ казнь исполнить поручила.

Когда они покинутъ Лондонъ смѣли —

Всему конецъ! Стрѣла взвилась, летитъ,

Летитъ и прямо попадетъ въ цѣль.

Хотя-бъ вѣнца и царства мнѣ лишиться

Не удержу полетъ ея! — Кто тамъ?

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЕЛИСАВЕТА. Пажъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Одинъ ты возвращаешься? Гдѣ-жь лорды?

ПАЖЪ.

Казнохранитель и графъ Лестеръ . . . .

ЕЛИСАВЕТА.

Гдѣ?

ПАЖЪ.

Ни одного нѣтъ въ Лондонѣ.

ЕЛИСАВЕТА.

Но гдѣ же?

ПАЖЪ.

Ни кто не знаетъ! До разсвѣта дня
Таинственно изъ Лондона сокрылись.

ЕЛИСАВЕТА

(съ жаромъ).

Я королева Англіи!

(Ходитъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи.)

Иди,

Зови ко мнѣ! . . . постой! . . . Она погибла!

Мнѣ наконецъ просторно на землѣ.

Что-жъ значитъ страхъ и трепетъ мой? Въ могилѣ

Лежитъ теперь боязнь моя. Кто скажетъ,

Что я убила? Нѣтъ, моимъ очамъ

Достанетъ слезъ погибшую оплакать!

(Пажу.)

Ты здѣсь еще? Иди! Чтобъ Девисонъ

Немедленно предсталъ сюда. Пошли

Мнѣ графа Шрюсбюри. Но вотъ онъ самъ.

(Пажъ уходитъ.)

ТРИНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

ЕЛИСАВЕТА. Графъ Шрюсбюри.

ЕЛИСАВЕТА.

Привѣтствую васъ, благородный лордъ!
Какую вѣсть приносите? Конечно
Она важна, когда такъ поздно къ намъ
Приходите?

ШРЮСБЮРИ.

Монархиня! всечасно

Пекущійся о славѣ дѣлъ твоихъ,
Я посѣтилъ сегодня мрачный Товеръ,
Гдѣ два писца Маріи, Курль и Нау,
Заклочены, желая разъ еще
Увѣриться, правдивы ль ихъ доносы.
Въ смущеньи, долго не хотѣлъ смотритель
Меня пустить къ нимъ; наконецъ угрозы
Дверь къ узникамъ мнѣ отворили. Боже!
Какое зрѣлище явилось мнѣ!
Съ всклокоченными на главѣ власами
И съ бѣшенствомъ неистовымъ въ глазахъ,
Какъ Фуріей терзаемый лежалъ
Шотландецъ Курль на ложѣ. Злополучный
Узналъ меня, упалъ къ моимъ ногамъ,
Съ ужаснымъ воплемъ обнималъ колѣна,
Какъ червь, согнувшись, ползалъ предо мной
И умолялъ и заклиналъ меня
Судьбу его монархини повѣдать.
Слухъ, что на казнь осуждена Марія,

Въ темницы Товера уже проникъ.
Когда я слухъ тотъ подтвердилъ, прибавивъ,
Что по его свидѣтельству она
Идетъ на казнь, неистовый, вскочилъ онъ,
Товарища схватилъ, повергъ на землю
И исполинской силою душилъ.
Едва спасти несчастнаго могли мы
Отъ рукъ его. Тогда противъ себя
Онъ обратилъ неистовую ярость:
Грудь растерзалъ и предавалъ себя
Съ товарищемъ всѣмъ грознымъ силамъ ада
И говорилъ: несправедливъ доносъ;
Поддѣльны были письма къ Бабингтону;
Въ нихъ писано не то, что королева
Писать велѣла. . . . Ко всему-жь его
Подвигнулъ Нау. — Бросившись потомъ
Къ окну, его насильно вышибъ онъ,
Всю улицу наполнилъ громкимъ воплемъ,
Такъ что народъ сбѣжался, и кричалъ,
Что онъ писецъ Маріи, тотъ злодѣй,
Который ложно обвинилъ ее,
Что проклятъ онъ, преступный лжесвидѣтель.

ЕЛИСАВЕТА.

Въ безумьи онъ — вы сами говорили.
Слова безумца ничего не значуть.

ШРЮСБЮРИ.

Но много значить самое безумье.
Монархиня! внемли моимъ мольбамъ:
Не ускоряй! Пусть дѣло вновь разсмотрятъ!

ЕЛИСАВЕТА.

Согласна я, чтобъ угодить вамъ, лордъ;
Не потому чтобъ мыслила, что перы

Могли поторопиться въ дѣлѣ этомъ —
Для васъ его возобновятъ сначала.
Благодаренье Богу, что не поздно!
Я ни малѣйшей тѣни подозрѣнья
На нашу славу не позволю пасть.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Девисонъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Сэръ, приговоръ вамъ мною порученный
Гдѣ?

ДЕВИСОНЪ

(съ изумленіемъ).

Приговоръ?

ЕЛИСАВЕТА.

Который вамъ вчера

На сохраненье данъ.

ДЕВИСОНЪ.

На сохраненье?

ЕЛИСАВЕТА.

Народъ хотѣлъ, чтобъ онъ подписанъ былъ;
Желаніе народное исполнить
Принуждена была я — подписала,
По принужденью подписала я,
И поручила вамъ бумагу эту,
Чтобъ время выиграть. Вы помните
Мои слова? Отдайте же ее.

ШРЮСБЮРИ.

Отдайте, сэръ! Перемѣнилось все —
И дѣло вновь разсмотрѣно должно быть.

ЕЛИСАВЕТА.

Не размышляйте долго. Гдѣ бумага?

ДЕВИСОНЪ.

Я пораженъ! Погибъ я!

ЕЛИСАВЕТА.

Сэръ! уже-ль . . . .

ДЕВИСОНЪ.

Погибъ! она не у меня въ рукахъ!

ЕЛИСАВЕТА.

Что слышу я!

ШРЮСБЮРИ.

О, Боже!

ДЕВИСОНЪ.

Приговоръ

Еще вчера Борлейфу отдалъ я.

ЕЛИСАВЕТА.

Несчастный! Вотъ твое повиновенье!

Не строго ль я хранить его велѣла?

ДЕВИСОНЪ.

Ты ничего не повелѣла мнѣ.

ЕЛИСАВЕТА.

Меня во лжи дерзаетъ обвинять!

Когда-жь отдать Борлейфу приговоръ

Велѣла я?

ДЕВИСОНЪ.

Не ясно, но . . . .

ЕЛИСАВЕТА.

Злодѣй!

Ты смѣешь толковать мои слова

И собственный, кровавый смысл давать имъ?

О! если твой поступокъ своевольный

Причиною несчастья — горе, горе

Тебѣ! Заплатишь жизнью за него.

Вы видите, графъ Шрюсбюри, какъ имя

Мое во зло употребить умѣютъ.

ШРЮСБЮРИ.

Я вижу! Боже!

ЕЛИСАВЕТА.

Говорите, лордъ.

ШРЮСБЮРИ.

Коль самъ собой онъ дѣйствовалъ въ семъ дѣлѣ,

Безъ твоего согласія, да будетъ

Предъ перовъ призванъ, и судимъ за то,

Что имя онъ твое покрылъ безславьемъ,

Что съ ужасомъ грядущіе вѣка

Воспоминать Елисавету будутъ.

ПОСЛѢДНІЙ ВЫХОДЪ.

Презніе. Борлейфъ, потомъ Кентъ.

БОРЛЕЙФЪ

(*преклоняетъ колѣна предъ королевой*).

Да здравствуетъ державная жена,

И да погибнуть Англіи враги,

Какъ эта Стюартъ!

(*Шрюсбюри закрываетъ лице; Девисонъ въ отчаяньи ломаетъ себѣ руки.*)

ЕЛИСАВЕТА.

Говорите, лордъ:

Я-ль повелѣнье страшное дала вамъ?

БОРЛЕЙФЪ.

Не отъ тебя, монархиня, его

Я получилъ — отъ Девисона.

ЕЛИСАВЕТА.

Вамъ

Его вручилъ онъ именемъ моимъ?

БОРЛЕЙФЪ.

Нѣтъ.

ЕЛИСАВЕТА.

Вы же, воли не узнавъ моей,
Поспѣшно приступили къ исполнению?

Хоть приговоръ былъ справедливъ, и мѣръ

Насъ порицать не можетъ, но не смѣли

Вы милосердье наше упреждать —

И потому — мы изгоняемъ васъ!

(Девисону.)

Вы, измѣнивъ довѣренности нашей,

Дерзнули выдать порученный вамъ

Залогъ священный: васъ постигнетъ кара

Тягчайшая. Пусть въ Товеръ заключать

Злодѣя, и на казнь его осудятъ!

Одни лишь вы, мой благородный Тальботъ,

Одни изъ всѣхъ совѣтниковъ моихъ

Правдивы были: будьте же отнынѣ

Путеводителемъ моимъ и другомъ.

ШРЮСБЮРИ.

Не изгоняй друзей своихъ вѣрнѣйшихъ,

Не повергай во мракъ темницы тѣхъ,

Которые трудились за тебя,

И для тебя молчать теперь! Но мнѣ,
Великая монархиня, позволь
Тебѣ обратно возвратить печать,
Которую двѣнадцать лѣтъ хранилъ я.

ЕЛИСАВЕТА

(смущенная).

Нѣтъ, Шрюсбюри! Теперь меня покинуть
Вы не должны.

ШРЮСБЮРИ.

Прости! Я слишкомъ старъ,
И дряхлая рука не можетъ къ новымъ
Дѣламъ твоимъ прикладывать печать.

ЕЛИСАВЕТА.

Мужъ, спасшій жизнь мою, меня покинетъ?

ШРЮСБЮРИ.

Ничтожная услуга! Я не могъ
Спасти того, что драгоцѣннѣй жизни.
Прости и царствуй счастливо! — Погибла
Соперница, и нѣчего отнынѣ
Тебѣ страшиться, нѣчего щадить!

(Уходитъ.)

ЕЛИСАВЕТА

(вошедшему Кенту).

Пусть явится ко мнѣ графъ Лестеръ!

КЕНТЪ.

Лордъ

Во Францію на корабль отплылъ.

(Елисавета перемогаетъ себя и сохраняетъ наружное
спокойствіе. Занавѣсъ опускается.)

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

пятой части.

	Стр.
Отъ издателя	V

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

1. Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Трагедія въ пяти
актахъ. Переводъ Н. Гербеля 1
2. Марія Стюартъ. Трагедія въ пяти актахъ. Пе-
реводъ А. Шишкова 2-го 165

ОТКАЗЫ

и др.

Отказ

от участия в конкурсе

1. Задача Фиска в 1871. Труды по
визу. Перевод Н. Усманова.

2. Матрица. Труды по визу. Перевод
А. Шумкова.

Schiller, Friedrich, 1759-1805

Lyrische, dramatische uund historische Werke Schillers in Übersetzungen
russischer Schriftsteller Liričeskije i dramatičeskije sočinenija

Bd.: V

St. Petersburg 1857 - 59

P.o.germ. 1274-5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10119175-1